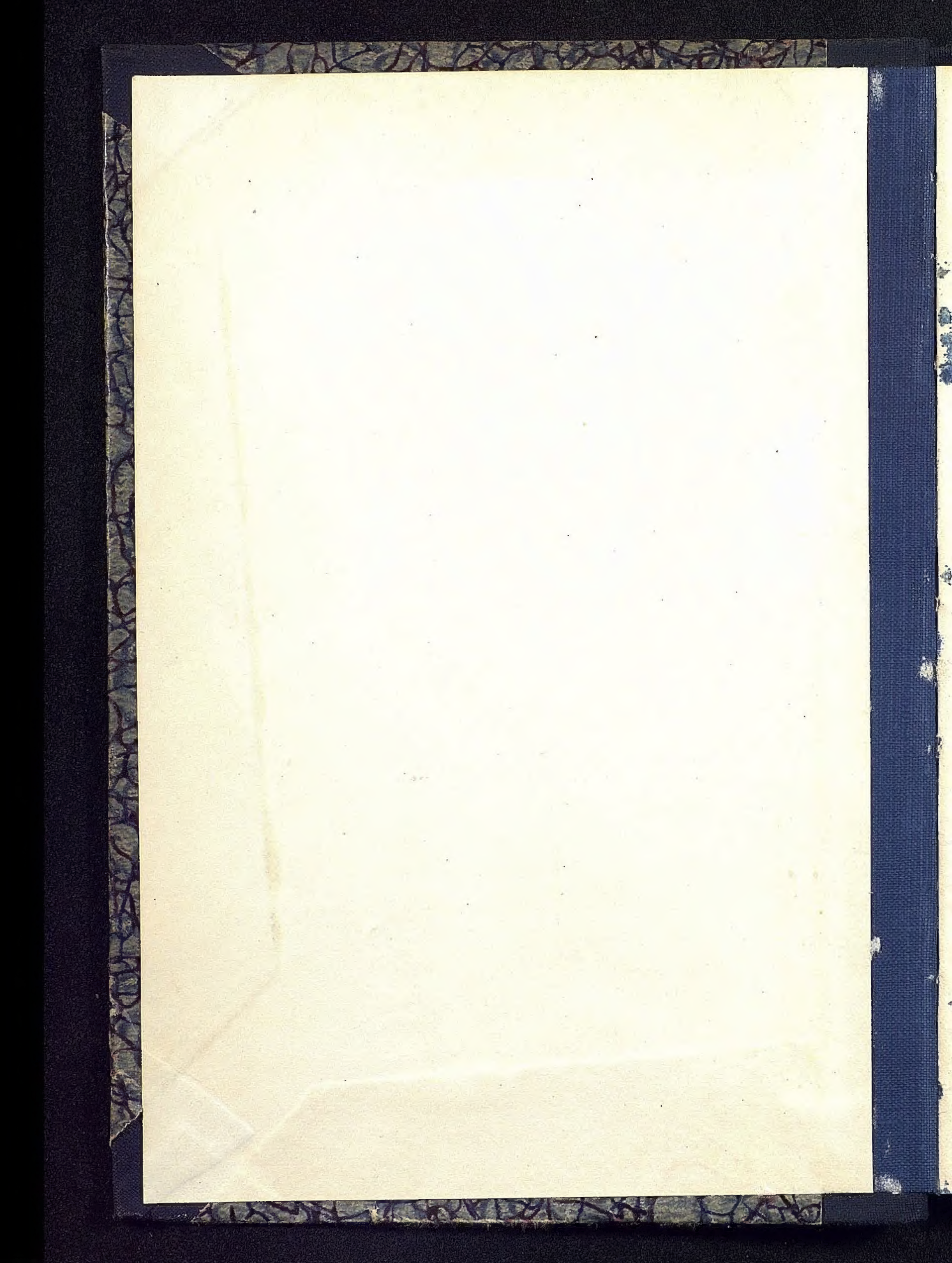
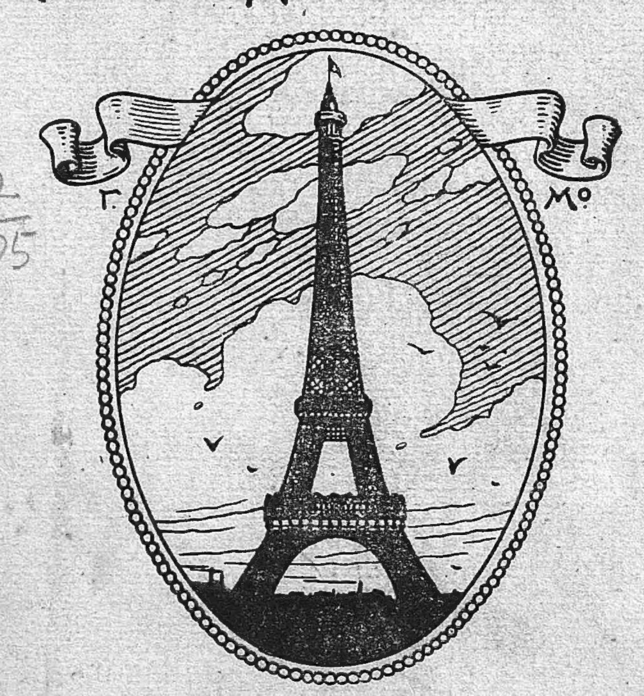

ВОКРУГЪ ПАРИЖА

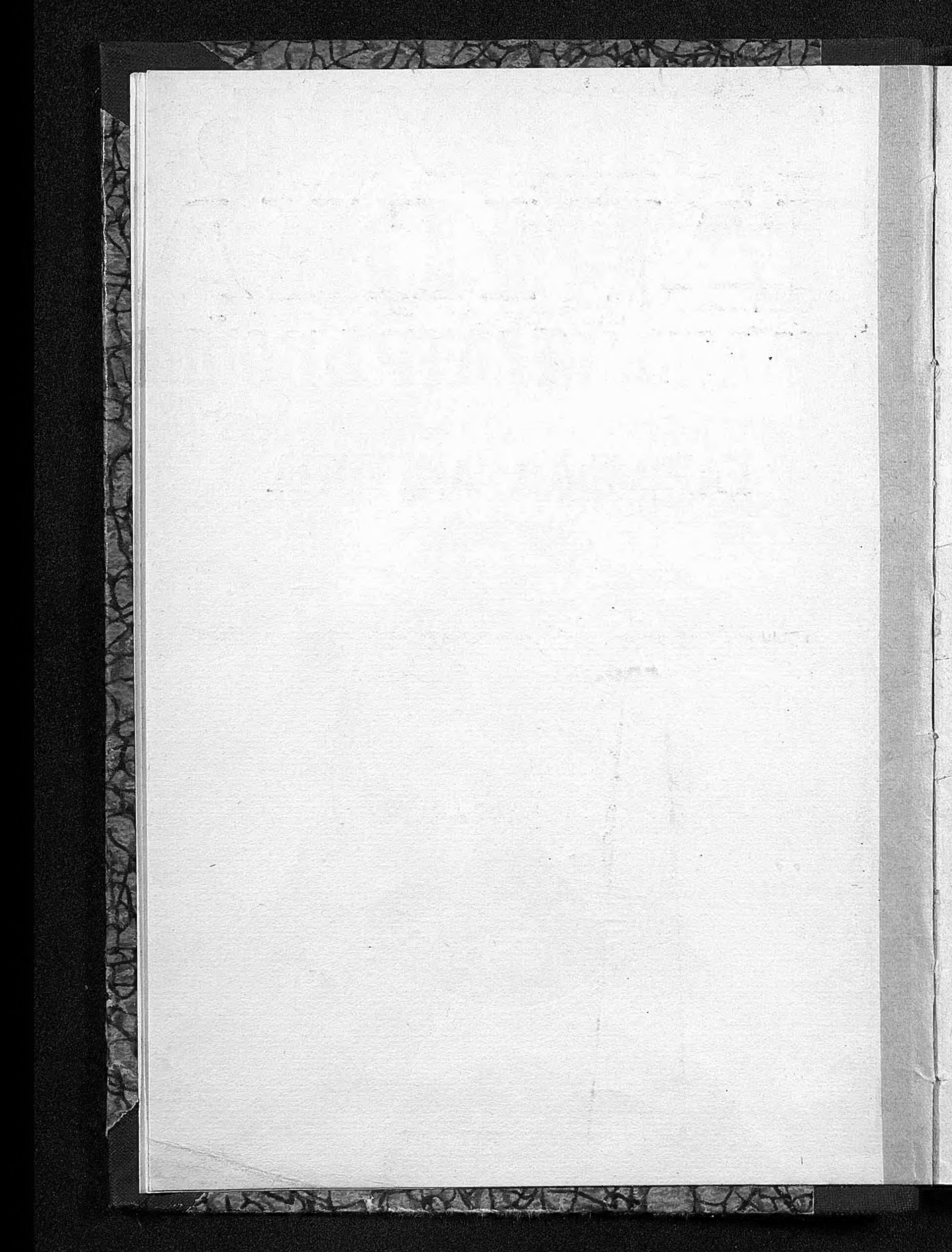
ЗАПАДНЫЙ ТЕАТРЪ ВОЙНЫ

ЗАПИСКИ ВОЕННАГО КОРРЕСПОНДЕНТА „Daily News"

ГАРОЛЬДА АШТОНА

ПЕТРОГРАДЪ

ВОКРУГЪ ПАРИЖА.

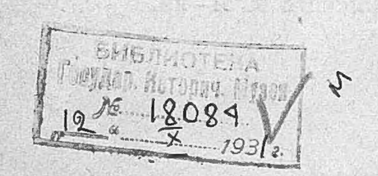
ЗАПАДНЫЙ ТЕАТРЪ ВОЙНЫ.

Записки военнаго корреспондента „Daily News“
ГАРОЛЬДА АШТОНА.

Переводъ съ англійскаго А. Я—на.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

ТИПОГРАФІЯ
Т-ва „ГРАМОТНОСТЬ"
5-я Рождественская, 44.

Предисловіе.

Въ этой маленькой книгѣ я приподнялъ крошечный уголокъ завѣсы войны, разсказавъ о своихъ приключеніяхъ,—о недѣлѣ въ Сѣверномъ морѣ и о длинномъ рядѣ дней, проведенныхъ мною въ Сѣверной Франціи. Я затронулъ и Трагическое и Смѣшное постольку, поскольку они встрѣчались на моемъ пути. Трагическое достаточно ужасно: я изобразилъ его полностью и неприкрашеннымъ. Но отъ трагическаго до смѣшного всего одинъ шагъ; идя по земному жизненному пути, видишь блистающія вершины и слышишь звонъ колокольчиковъ. Иначе все это было бы невыносимымъ. И если мой маленькій колокольчикъ внесетъ диссонансъ въ общій строй, —вина не моя. Вотъ мой колокольчикъ: онъ звенѣлъ прежде и звенитъ теперь, и нѣкоторые изъ насъ улыбались его звону.

Г. А.

Лондонъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Начало грозы.

Война объявлена! Страшный бой, ожидаемый въ Сѣверномъ морѣ. Таковъ нашъ жребій. Счастья и удачи!

Я дремалъ надъ восхитительной камеей Вальтера Патера „Denys L'Auxerrois“, когда пришла телеграмма, перенесшая меня сразу на театръ войны. Нѣтъ болѣе иллюзій! Суматоха — спѣшное приведеніе въ порядокъ своего костюма военнаго корреспондента, — масса солдатъ, бросившихся, какъ и я, въ поѣздъ; всеобщее возбужденіе, всеобщій подъемъ; поѣздъ, бѣшенно мчащійся навстрѣчу кровавымъ событіямъ, съ шумомъ несущійся по направленію къ сѣверу по мечтательнымъ, залитымъ солнцемъ зеленымъ лугамъ Средней Англіи, нетерпѣливо останавливаясь у Іорка, Донкэстра и Ньюкэстля, чтобы захватить еще солдатъ, которые вскакиваютъ въ поѣздъ, на-ходу застегивая свои новыя куртки, затягивая блестящіе, коричневые ремни,—всѣ они смѣлые, жаждущіе... крови, мчатся съ этимъ экспрессомъ. При видѣ ихъ подъема мое волненіе возрастаетъ. Начинается крупная игра; ожидаются великія событія. Сейчасъ, когда мы пересѣкаемъ границу, проносясь мимо разрушенныхъ и

и потемнѣвшихъ отъ времени замковъ, на валахъ и башенкахъ которыхъ сохранились слѣды давнишнихъ ожесточенныхъ битвъ, быть можетъ, на Сѣверномъ морѣ раздался уже первый призывъ къ битвѣ, и германскій богъ войны, грозно потрясая оружіемъ, направилъ ряды своихъ кораблей къ нашему побережью.

Разговоры въ вагонѣ — только о войнѣ; мирный пассажиръ, укутавъ ноги плэдомъ, въ золотомъ pince-nez, дрожащемъ на носу, стучитъ кулакомъ по чайному столику и разсуждаетъ о тактикѣ, стратегіи, ружейныхъ калибрахъ, подводныхъ лодкахъ, истребителяхъ, адмиралахъ... Часъ или около этого назадъ онъ думалъ совсѣмъ о другомъ... А теперь, когда мы останавливаемся у Эдинбурга, его не удовлетворяютъ даже стройные ряды драгунскихъ полковъ. Онъ охваченъ военной лихорадкой, какъ и всѣ мы.

Въ Эдинбургѣ, — моемъ любимомъ городѣ,—настроеніе, созданное объявленіемъ войны, чувствуется видимо, въ каждомъ уголкѣ. Princes-Street, залитая послѣдними лучами заходящаго солнца, оживлена массами народа и раскатами „ура“ въ честь шотландскихъ горныхъ полковъ, ритмично марширующихъ съ обнаженными колѣнями подъ волшебную музыку волынокъ.

Длинный стройный экспрессъ ожидаетъ меня на станціи: въ кратчайшій срокъ онъ доставляетъ меня въ Розитъ—нашу морскую базу — и я опять среди своихъ старыхъ товарищей-моряковъ. Какая разница между

Розитомъ и Лондономъ! Еще совсѣмъ недавно я былъ тамъ, въ солнечномъ саду въ Мэйдъ-Вэлѣ, грезя вмѣстѣ съ милымъ восхитительнымъ „Denys“; а здѣсь—крѣпостной мостъ простираетъ къ небесамъ свои величественныя башни: сообщеніе по нему прекращено и взадъ и впередъ медленно расхаживаютъ часовые въ хаки съ примкнутыми штыками,—крошечные человѣчки со штыками, тонкими какъ иглы при этой чудовищной высотѣ: лилипуты войны! А подъ мостомъ ряды истребителей направляются въ открытое море (въ море, которое теперь для насъ такъ много значитъ), — оставляя за собой клубы чернаго дыма. Такъ заканчивается вечеръ, таинственный вечеръ, а когда спускается ночь въ черномъ плащѣ, затканномъ безчисленнымъ количествомъ звѣздъ, мы устремляемъ наши взоры къ морю и слышимъ или воображаемъ, что слышимъ, глухой, отдаленный пушечный грохотъ. Надо сознаться, что мы чувствуемъ себя здѣсь, какъ на иголкакъ. Въ нашей гостинницѣ подъ названіемъ „Два дерущихся пѣтуха“, въ Квинферри, есть плохоприкрывающаяся дверь, и при каждомъ ея стукѣ мы вскакиваемъ...

* * *

Такимъ образомъ шли дни: дни и ночи, наполненные слухами—въ особенности ночи. Искусный плотникъ починилъ неисправную дверь въ гостинницѣ „Двухъ дерущихся пѣтуховъ“ и, проснувшись въ одно прекра-

сное утро, я увидѣлъ, что флотъ исчезъ. Фортъ былъ очищенъ отъ боевыхъ судовъ— совершенно очищенъ, и рыбачьи лодки, приплывающія изъ Сѣвернаго моря, также заявляли, что въ морѣ флота не видать. Они изъѣздили его вдоль и поперекъ, эти безстрашные рыбаки, въ поискахъ флота, но не смогли обнаружить ни одного клочка дыма на горизонтѣ. Странно! Многія изъ этихъ лодокъ не вернулись. Это еще болѣе странно, ибо въ Сѣверномъ морѣ именно теперь нѣтъ ни тумановъ, ни бурь, а стоятъ тихіе дни и звѣздныя, ясныя ночи, а море такъ спокойно, что могло бы служить люлькой для птицы Альціоны и закачать и убаюкать ее.

Въ одинъ прекрасный вечеръ я отправился на автомобилѣ въ Сѣверный Бервикъ и разговорился тамъ съ командой одного изъ траулеровъ.

— Имѣете извѣстія отъ своихъ товарищей?—спросилъ я.

— Нѣтъ,—отвѣчали они, уныло покачивая головами.

— Въ чемъ же дѣло?

— Мины, сэръ, разбросаны по всему морю! Грузовиковъ на счетъ этого предупредили; всѣ наши „удильщики минъ" на работѣ. Мы ихъ ожидаемъ...

Проходятъ дни въ ожиданіи новыхъ событій. Отъ Джеллико съ его большими судами и храброй командой, скрывшагося за пеленой спустившагося тумана, — ни слова, ни звука. Неизвѣстность тяготитъ: тутъ и

тамъ надъ угрюмымъ фортомъ паритъ гидропланъ; но гидропланы, какъ и чайки, ничего не разсказываютъ.

Уже вспыхнула и загремѣла великая война въ Бельгіи,—во Франціи; когда, о, когда же загрохочутъ на морѣ пушки? Что произошло тамъ, около суровыхъ сѣрыхъ скалъ Гельголанда?

Мнѣ какъ разъ представился случай попасть туда: одинъ и вскорѣ другой корабль ускользнули изъ скандинавскихъ портовъ; предполагаютъ, что извѣстная зона въ морѣ должна быть свободна отъ минъ; и мнѣ удалось познакомиться съ однимъ шкиперомъ въ духѣ древнихъ викинговъ, внизу, въ переулкѣ за Лейтскими доками,—съ морякомъ, способнымъ умилить сердце каждаго.

Послѣ обильной закуски и хорошаго стаканчика водки (я еще ощущаю на языкѣ вкусъ этого огненнаго напитка) мы сговорились совершить кампанію на маленькомъ грузовикѣ, нагруженномъ ветчиной, секретно прибывшемъ въ портъ изъ глухого уголка Сѣверной Европы и задержавшемся здѣсь,—временно, конечно,—изъ-за боевой грозы. Это безстрашное маленькое суденышко называлось „Серебряной Звѣздой"; ея командиръ былъ человѣкомъ несловоохотливымъ.

— Я васъ доставлю туда, сэръ,—изрекъ онъ, подтверждая договоръ ударомъ своего гигантскаго волосатаго кулака. — Вы желаете видѣть британскій боевой флотъ? Вы его увидите. И, весьма вѣроятно, и германскій тоже. Мы пойдемъ къ Гельголанду,

сэръ, или куда-нибудь по близости его. Быть можетъ, намъ удастся взглянуть однимъ глазкомъ и на кусочекъ Кильскаго канала...

— А какъ насчетъ минъ?—спросилъ я.

— Минъ?—переспросилъ онъ.—Я думаю, мы можемъ смѣло на нихъ править. Я отмѣтилъ курсъ на своей картѣ. Мы въ безопасности отъ „фейерверковъ“.

ГЛАВА II.

Сквозь строй.

„Серебряная Звѣзда“ стояла подлѣ верфи въ Лейтскомъ докѣ; ея красныя трубы дымили во-всю, палубы блестѣли отъ кристалловъ разсола, и вся эта фабрика курилась, точно колбасная въ морозный рождественскій день. Масса угрюмыхъ людей, полуодѣтыхъ, со слезящимися глазами и охрипшихъ отъ усталости, бѣгала по ней и суетилась; эта грубая рабочая сила стучала и шумѣла отчаянно, блокъ раскачивался взадъ и впередъ и при каждомъ размахѣ вытаскивалъ изъ трюма по восьми свиныхъ тушъ. Туши развѣшивались вывѣтриваться на набережной и, точно морской пѣной, обдавали разсоломъ бѣднягу пѣхотинца со слезящимися глазами, неблагодарная должность котораго состояла въ томъ, чтобы охранять эти свиныя туши съ примкнутымъ штыкомъ и десятью обоймами патроновъ въ сумкѣ у пояса.

Четыре тысячи пудовъ ветчины и масла были извлечены изъ трюмовъ этого датскаго суденышка, не говоря уже о безчисленномъ множествѣ яицъ; затѣмъ это внушительное меню, предназначенное для британскихъ завтраковъ, было сложено съ замѣчательной

быстротой въ спеціальный поѣздъ и отправлено большой скоростью на югъ.

— Фу!—вздохнулъ пѣхотинецъ, вытирая разсолъ изъ своихъ слезящихся глазъ.—Я никогда больше не съѣмъ ни одного ломтика ветчины до самой смерти...

Капитанъ стоялъ позади шкафута. Онъ затягивался дымомъ огромной сигары, между тѣмъ какъ таможенный чиновникъ сидѣлъ скорчившись на импровизированномъ турникетѣ около капитана, сосалъ кончикъ своего карандаша и совсѣмъ уже приготовился получить списокъ пассажировъ. Только трое изъ нихъ были англичане: атташе нашего посольства въ Берлинѣ и его молодая жена (ѣдующіе въ Копенгагенъ), и я (ѣдущій Богъ знаетъ куда). Мое предпріятіе было довольно рискованнымъ.

— Мнѣ очень жаль, что приходится васъ безпокоить,—сказалъ мнѣ таможенный офицеръ, обсасывая другой конецъ своего карандаша и окрашивая себѣ языкъ въ восхитительный лиловый цвѣтъ,—но война есть война и это отвѣтственный портъ... и если вы хотите пройти „сквозь строй“, я долженъ имѣть о васъ нѣкоторыя свѣдѣнія...

Итакъ, съ помощью капитана, болтавшаго поочередно по-русски, по-шведски, по-датски, по-англійски и по-шотландски, таможенный офицеръ отважно сразился съ выговоромъ трудныхъ, варварскихъ фамилій,—включая въ число ихъ и фамилію стройнаго блестящаго русскаго съ великолѣпной бородой-вѣеромъ,—и подробно насъ всѣхъ записалъ.

— Я подарю вамъ въ слѣдующій разъ, когда сюда пріѣду, карандашъ вдвое больше этого, — сказалъ шкиперъ, когда мы попращались съ неряхой-офицеромъ, еще обглаживающимъ карандашъ... и—очутились подъ голубымъ покровомъ ночи, выбравшись изъ дока, соблюдая строжайшую тишину, точно котъ на ловлѣ, чтобы переправиться въ Сѣверное море и добыть тамъ побольше ветчины для Вашихъ завтраковъ, и яицъ, чтобы запекать ихъ съ ветчиной, мои дорогіе земляки!

Когда мы воровскимъ образомъ выкрались изъ дока, мы увидѣли много интересныхъ вещей. Тутъ былъ крейсеръ, коварно притаившійся за кладовой дока. Тутъ же находились, помѣщенныя сюда на время мелководья и такимъ образомъ бывшія безъ употребленія, шесть подводныхъ лодокъ „Д“, — похожія на стройныхъ, сѣрыхъ акулъ, какъ бы тоскующихъ по своему дьявольскому ремеслу; команда ихъ сидѣла на стѣнахъ, болтая ногами и куря; все это находилось подъ надзоромъ и охраной солдатъ въ шотландскихъ юбочкахъ, съ обнаженными колѣнями и штыками. Тутъ были еще другія вещи, таинственныя и замѣчательно интересныя, которыхъ я не могу здѣсь описать (потому что цензоръ глядитъ черезъ мое плечо и прочитываетъ все, написанное мною), но которыя разсказали бы вамъ о томъ, съ какими замѣчательными поспѣшностью и вниманіемъ отнесся британскій флотъ къ нуждамъ ма-

ленькой націи, находящейся подъ его покровительствомъ.

Подъ пламеннымъ мечемъ свѣта прожектора мы отправились по открытому морю въ—Исландію. Другой клинокъ изъ темнаго серебра съ другого болѣе далекаго острова заблестѣлъ въ ночи и, когда эти два движущіяся оружія скрестились подъ темносинимъ небеснымъ сводомъ, почудилось, точно слышенъ былъ лязгъ...

Въ десять часовъ былъ сервированъ ужинъ, состоящій изъ обильныхъ остатковъ скандинавской пищи, припрятанныхъ добрыми моряками. Нашъ викингъ-шкиперъ, недовольный малыми размѣрами своего суденышка, окинулъ взглядомъ импровизированный ужинъ:

— Военныя порціи, — хихикая сказалъ онъ, и съ увлеченіемъ принялся за уничтоженіе полной тарелки пате.

Великолѣпный русскій появился въ вечернемъ туалетѣ, съ брилліантомъ у ворота рубашки. Этому мы всѣ очень изумились. Конечно, онъ былъ графомъ, по-меньшей мѣрѣ! Но къ ужину то не было ничего, кромѣ хлѣба и масла, и то остатковъ! На слѣдующее утро онъ явился къ завтраку опять въ своемъ безупречномъ костюмѣ. Загадка была разрѣшена. У него не было другихъ костюмовъ.

Одинъ за другимъ мигали прибрежные огни и гасли. Мы были одни подъ звѣздами, разсыпанными серебристой пылью по небу. Подобно мокрой охотничьей собакѣ, далеко забѣжавшей отъ дому, мы набрались въ на-

шемъ одиночествѣ храбрости и успокоились, прислонившись къ мачтѣ и наблюдая за бѣлой пѣной, окружавшей наше суденышко. Такъ пересѣкали мы Сѣверное море вплоть до полуночи.

На своемъ мостикѣ капитанъ выкуривалъ сигару за сигарой и втягивалъ въ ноздри воздухъ.

— Я чую корабли,—сказалъ онъ,—вездѣ вокругъ корабли.—И онъ потрясъ своей жидкой сѣдой бородкой.

Потомъ на морѣ появился свѣтъ,—свѣтъ, состоящій изъ множества острыхъ лучей, распространяющихся изъ центра на мили и мили вокругъ. Только свѣтъ и ничего болѣе. Опять тьма. А затѣмъ, изъ другой стоянки къ нашему штирборту проскользнулъ опять играющій лучъ свѣта, и опять непроглядная темнота.

— Они насъ увидѣли,—сказалъ шкиперъ и, выбросивъ сигару за бортъ, онъ нажалъ рукой маленькій рычагъ; внизу въ кочегаркѣ раздался звонокъ. Наши морскіе развѣдчики, если можно такъ выразиться, навострили лыжи въ океанъ и спрятались тамъ, приготовившись къ удару.

Вдругъ блистательный снопъ лучей озарилъ всѣхъ насъ, находящихся на кораблѣ, и застылъ, — грозное, повелительное око цвѣта тусклаго серебра такъ пристально разсматривало каждую подробность нашего маленькаго корабля, что, казалось, ничто не могло укрыться отъ его вниманія. Я замѣтилъ все, начиная съ бородавки на щекѣ шкипера

вплоть до послѣдней его рѣсницы, и при этомъ такъ, какъ будто я его разглядывалъ черезъ микроскопъ...

Этотъ большой устрашающій глазъ, окинувъ насъ взглядомъ съ быстротой метеора, сталъ смотрѣть въ сторону. Наступила пауза. Вскорѣ послѣ нея черезъ мегафонъ раздался голосъ, — мягкій, благородный, очень молодой голосъ (звучавшій еще совсѣмъ недавно въ классахъ колледжа, клянусь!):

— Что за чертовщина, сэръ, куда вы такъ спѣшите?

— Виноватъ, – сказалъ капитанъ,—но въ это плаваніе мы посѣтителей не ожидали. Мы отправляемся за пищей; за ветчиной для Лейта, Эдинбурга, Лондона, Манчестера...

Глазъ опять заблестѣлъ и изъ-за него снова заговорилъ голосъ, приказывая шкиперу лечь въ дрейфъ, пока не наступитъ разсвѣтъ.

— Но, тогда мы пропустимъ утренній приливъ...—разсердился шкиперъ.

— Ничѣмъ не могу помочь, — былъ отвѣтъ.—Стойте тамъ, гдѣ вы стоите, пока не наступитъ разсвѣтъ. Какой вашъ курсъ?

— Сразу видно, что Исландія, – ворчалъ шкиперъ. – Но, я думаю, въ такое время намъ здѣсь разсуждать не приходится. Исландія, разумѣется...

— Какъ вамъ угодно, мистеръ... мистеръ Липтонъ. Спокойной ночи.

Глазъ закрылся. Насъ опять окутала полная тьма. Мы щурились на море, черное, какъ смола, пытаясь что-либо разсмотрѣть,

но ничего не видѣли и слышали только, какъ наши собесѣдники отправились на дозоръ куда-то въ другія мѣста.

Такъ мы пролежали въ дрейфѣ до утра, не осмѣливаясь дотронуться ни до одной изъ гаекъ корабля, чтобы заставить его двинуться съ мѣста, ибо вокругъ насъ кружились маленькіе патрули, и ихъ флажки такъ безмятежно колыхались и обвѣвали насъ, что намъ казалось, будто мы находимся въ бальной залѣ, разгоряченные туромъ вальса, а не на крошечномъ суденышкѣ, предназначенномъ для перевозки свинины, и везущемъ теперь жалкіе остатки ея въ видѣ торговаго флага.

Наступилъ разсвѣтъ, сѣрый и холодный, и когда, наконецъ, засіяло солнце, мы находились уже въ морѣ, ясномъ и пустынномъ. Ни одно облако дыма не отуманивало пустынную окружность горизонта! Ночные соглядатаи исчесли. Мы проплыли цѣлый день и не видали ничего, кромѣ пустой коробки изъ-подъ бисквитовъ. Русскій графъ, корректный и безупречный въ своемъ вечернемъ костюмѣ, прогуливался по убійственному солнцепеку.

На разсвѣтѣ слѣдующаго утра мы вползли въ датскій портъ Эсбьергъ и, къ нашему изумленію, были встрѣчены нейтральнымъ населеніемъ какъ герои и побѣдители. Мѣстная газета привѣтствовала нашъ пріѣздъ огромной передовицей, а молодой человѣкъ съ записной книжкой неимовѣрныхъ размѣровъ очень долго меня интервьировалъ. Ма-

ленькій цирульникъ изъ Камбервелля, ѣхавшій вмѣстѣ съ нами, забралъ свой щеголеватый бритвенный приборъ, перекинулъ черезъ плечо маленькій чемоданъ, и отправился разыскивать себѣ кліентовъ въ этомъ крошечномъ уголкѣ Европы, гдѣ (въ настоящее время) царитъ миръ, и гдѣ населеніе несомнѣнно имѣетъ массу свободнаго времени, чтобы позволить себѣ роскошь бриться ежедневно.

А русскій графъ, вычиститъ хлѣбными крошками грудь своей сорочки, величественно съ нами попрощался, нанявъ единственный моторъ Эсбьерга — чудовищное подобіе блиндированнаго поѣзда, — и помчался на станцію, чтобы захватить слѣдующій поѣздъ въ Копенгагенъ.

ГЛАВА III.

„Удильщики минъ“.

Вѣтры Сѣвернаго моря не разсказали намъ ничего о томъ, что знали. Въ Эсбьергѣ повторяется тоже самое, что и въ Эдинбургѣ. Каждый вечеръ теплые туманы окутываютъ прелестный островъ Фанö — болѣе уже не веселый и гостепріимный, какимъ онъ долженъ былъ быть въ это время года, служа пріютомъ для многочисленныхъ курортныхъ гостей германскаго происхожденія, наполнявшихъ этотъ островъ блескомъ и оживленіемъ, — теперь на этотъ островъ смерти спускаются глубокія тѣни, становящіяся еще болѣе мрачными отъ предчувствій и предвѣщаній военной грозы. Каждое утро восходитъ солнце и показываетъ намъ пустынное море, исполненное безпредѣльнаго покоя, свободное отъ мірскихъ тревогъ, лѣниво рокочущее...

Но по ночамъ происходятъ странныя, непонятныя вещи. Появляются призраки; сіяютъ и сверкаютъ воздушные огни; тамъ, пересѣкая небо и поперекъ моря прожекторы съ германскихъ военныхъ кораблей разсыпаютъ снопы своихъ лучей, синеватыя струи свѣта прорѣзываютъ туманъ и снова поглощаются темнотой, Отрывистый грохотъ пушекъ издали

говоритъ намъ, что гдѣ-то что-то происходитъ. Но что?..

Послѣ обѣда, — послѣ вполнѣ удовлетворительнаго, изобильнаго датскаго обѣда, — мы сидимъ у открытаго окна отеля и выжидающими глазами пристально смотримъ по направленію къ морю. Безшумно входитъ Карлъ съ кофе и тайно вздыхая о томъ, чтобы послѣднее судно, вошедшее въ гавань, привезло какія-нибудь новости, также безшумно удаляется — на поиски ихъ, повидимому. На балконѣ, отдѣльно отъ насъ, у мраморнаго столика сидитъ отецъ Іосифъ съ напряженнымъ лицомъ, безмолвный, и также пристально, какъ и мы, всматривается въ туманъ, заволакивающій море. Но онъ думаетъ не о морѣ. Пять взрослыхъ сыновей его, всѣ занимавшіе почетныя должности въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, при объявленіи войны были схвачены германцами и отправлены вмѣстѣ съ другими гольштинцами на передовыя позиціи. И сегодня пришло извѣстіе, что трое изъ нихъ убиты...

Съ шумомъ открывается тяжелая дверь, ведущая въ ресторанъ, и врывается разноплеменная толпа туристовъ, обтрепанныхъ, усталыхъ отъ путешествія, полу-голодныхъ и отчаянно — кричащихъ. Они болтаютъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ за исключеніемъ, кажется, одного англійскаго, и ихъ болтовня сливается съ пѣвучимъ говоромъ американскаго туриста, находящаго удовольствіе въ жалобныыхъ сѣтованіяхъ на все мірозданіе, кажется.

Такого рода сцены регулярно повторяются всякій разъ, когда прибываетъ лодка съ одного изъ скандинавскихъ острововъ или когда приползаетъ копенгагенскій „экспрессъ" (со спеціальной платформой для скота), отъ времени до времени наводняющій нашъ отель новыми туристами.

Эсбьергъ въ настоящее время является чѣмъ-то въ родѣ убѣжища для отчаянныхъ любителей приключеній — всѣхъ національностей, съ бѣшеной энергіей старающихся или проникнуть въ Россію, или съ такимъ же упорствомъ ища выхода изъ нея. Тутъ обрѣтаются всѣ сливки общества, по той или иной причинѣ оставшіяся кипѣть въ дьявольскомъ котлѣ всемірной войны. И никогда мнѣ не приходилось встрѣчать ничего болѣе жалкаго, чѣмъ это вынужденное паломничество. Американцы переносятъ его труднѣе всѣхъ.

Въ центрѣ этого живого корабельнаго груза находится капитанъ, являющійся добрымъ пастыремъ этой разноплеменной компаніи. Онъ — датчанинъ, крупный и какъ бы высѣченный изъ краснаго дерева, — морской разбойникъ съ пиратской кровью въ жилахъ; и также неговорливъ, какъ и мой пріятель — шкиперъ со „Серебряной Звѣзды". Я еще ни у кого не встрѣчалъ болѣе ясныхъ голубыхъ глазъ. „Серебряная Звѣзда" была задержана. Этотъ новый капитанъ отчаливаетъ завтра ночью, — ночь или холодная, сѣрая слизь брезжущаго разсвѣта увидитъ начало

конца всѣхъ моихъ плаванiй. Онъ захватитъ меня съ собой... „Ia!“ Но зачѣмъ?

Я ему говорю, что Сѣверное море полезно для человѣка. Оно „вдуваетъ“ въ него здоровье.

— И кое-что изъ него „выдуваетъ“,—говоритъ шкиперъ съ великолѣпнымъ, крайне живописнымъ жестомъ своихъ большихъ загорѣлыхъ рукъ.

— Но я не думаю, чтобы тамъ теперь была опасность нарваться на мины. Рыбаки бываютъ тамъ изо дня въ день и въ гавани ходятъ слухи, что двадцать-семь минъ уже выловили и выгрузили на берегъ. Завтра утромъ — въ Вашемъ распоряженiи цѣлый день, пока мы отчалимъ—мы отправимся и Вы сами убѣдитесь.

Итакъ, завтра утромъ, съ острой болью въ затылкѣ, я предпринимаю путешествiе въ старомъ, громоздкомъ корытѣ, снабженномъ жалкимъ маленькимъ моторомъ и управляемомъ беззаботнымъ норвежцемъ и его маленькимъ сыномъ, который исполняетъ должности и инженера и морского офицера. Это скучная исторiя. Море настроено враждебно и мы съ отвращенiемъ покачиваемся на тяжелыхъ маслянистыхъ волнахъ, не говоримъ ни слова, а сидимъ скорчившись, сгорбленные и злые возлѣ грязнаго крыла воняющаго и пыхтящаго мотора.

Мы огибаемъ песчаный и пустынный мысъ Фанö, гдѣ находятся знаменитыя площадки для гольфа и послѣ многихъ часовъ „far niente“, отнюдь не „dolce“, встрѣчаемся съ фло-

тиліей „удильщиковъ минъ“, плывущихъ восвояси, — огромными, плоскодонными рыбачьими судами, построенными съ тяжеловѣсной предосмотрительностью противъ неожиданныхъ штормовъ, которые Сѣверное море устраиваетъ безъ предупрежденія, и весьма своеобразно оснащенными коричневыми и бѣлыми парусами, заплатанными вездѣ, подобно нѣкоторымъ частямъ старинныхъ голландскихъ шароваръ... Эти громоздкіе плоскодонные ковчеги совершенно не подвержены опасности со стороны минъ, ибо могутъ „выловить“ ихъ совершенно также, какъ вылавливаютъ макрелей. Они охотятся группами, связанными между собой, какъ стая борзыхъ. Сворой является стальная проволока, протянутая отъ одного судна къ другому, и погруженная въ воду на извѣстную глубину. Такимъ способомъ—очень простымъ и вполнѣ безопаснымъ—совершается выуживаніе минъ, и когда выуживается эта разрушительная стоящая на якорѣ машина, то все это очень похоже на „выуживаніе“ кашалота гарпуномъ... и это все.

Впрочемъ, если бы мнѣ предложили заняться выуживаніемъ подобныхъ макрелей, то я отложилъ бы это занятіе на неопредѣленное время.

Мы направили свое корыто поближе къ этой эскадрѣ, окликнули удильщиковъ (сидѣвшихъ сгорбившись и забывъ за своимъ спортомъ обо всемъ на свѣтѣ, какъ сказочные удильщики лещей) и услышали отъ нихъ, что совершаютъ они свою трудную работу по

курсу, намѣченному по морской картѣ и ничего еще не выудили. Слухи, распространенные въ Эсбьергѣ недѣлю тому назадъ о двадцати-семи выловленныхъ минахъ, оказались преувеличенными. Ихъ было всего семнадцать.

Курсъ, намѣченный на морской картѣ, какимъ мы должны были плыть завтра утромъ въ корабликѣ изъ-подъ ветчины, былъ во всякомъ случаѣ свободенъ отъ подводныхъ сюрпризовъ. Итакъ, мы повернули неуклюжій носъ нашего корыта и устало поплелись домой въ Фанö, отогнувъ крошечный уголокъ занавѣса этого необычайнаго театра войны: люди, вылавливающіе внезапную смерть въ образѣ минъ, дѣлающіе это съ невозмутимостью „удильщиковъ угрей“ и покуривающіе и дремлющіе при этомъ.

Ночной туманъ разостлался по морю, коричневые паруса стали черными, и огни въ гавани зажглись, какъ бы призывая насъ домой; маленькій норвежецъ лѣниво подергалъ какіе-то рычаги жалкаго маленькаго мотора и устало растянулся около него. Отецъ его презрительно сплевывалъ въ море.

ГЛАВА IV.

Морской патруль.

Съ большой поспѣшностью мы наполнили трюмъ пятью-стами тоннъ ветчины, яйцами и масломъ, изобразили на сѣромъ кузовѣ нашего корабля скандинавское названіе черными буквами въ ярдъ вышиной, такъ что не могло быть никакихъ заблужденій при „удостовѣреніи нашей личности", и направились въ одну изъ гаваней Англіи или Шотландіи, или вообще куда-нибудь, куда мы можемъ попасть, переплывъ рискованное Сѣверное море. Быть можетъ въ Киль! Мы никогда не знаемъ нашего жребія въ подобныхъ предпріятіяхъ!

Корабль скверно пахъ свининой; корабельный стьюардъ, завидя уплывающую отъ насъ землю, началъ причитать и чертыхаться; изо всей команды одинъ капитанъ выразилъ кое-какіе признаки веселости. Я же, проведя въ своемъ костюмѣ четыре дня не раздѣваясь, мучительно жаждалъ вымыться; бродя по затхлымъ корридорамъ, я наконецъ, къ вящему своему восторгу, наткнулся на дверь съ надписью: „Bad". Но и эта „Bad" оказалась наполненной свининой!

Нашъ путь, намѣченный по морской картѣ „удильщиковъ минъ", былъ кружнымъ и, по-

видимому, не близкимъ. Мы должны были описать по морю большую полукруглую линію около двухсотъ миль къ сѣверу отъ Фанö. Тутъ, во что бы то ни стало, мы должны были избѣжать минъ; но, избѣгнувъ ихъ, мы сильно рисковали налетѣть на какой-нибудь германскій „дозоръ“. И, само сабой разумѣется, мы на него и нарвались черезъ нѣсколько часовъ послѣ наступленія ночи.

Былъ крѣпкій вѣтеръ и безпокойное море неистово билось и ударялось о стальной корпусъ нашего кораблика. Я спалъ въ „салонѣ“ на палубѣ, вдали отъ нестерпимаго запаха двухъ субъектовъ, раздѣлившихъ мою каюту, какъ вдругъ проснулся отъ грохота пушекъ. Несомнѣнно, это были пушечные выстрѣлы. Мы дѣлали по семнадцати узловъ, и теперь засѣли достаточно крѣпко, особенно благодаря темной ночи. Я насчиталъ шесть выстрѣловъ, прежде чѣмъ мы успѣли остановиться; когда мы остановились, послѣдній метательный снарядъ шлепнулся въ море, совсѣмъ передъ носомъ нашего корабля, обдавъ при паденіи свою мишень облакомъ бѣлой пѣны. Испытующій свѣтъ прожектора ударилъ намъ прямо въ лицо и мы, зафыркавъ, встрепенулись.

Черезъ минуту или двѣ, при большой суматохѣ и шумѣ, съ церемоніей и салютомъ, показался германскій офицеръ въ маленькой раскрашенной шлюпкѣ, которую мы едва увидѣли въ темнотѣ, и взялъ насъ на абордажъ. Это была великолѣпная церемонія. Нашъ

капитанъ обнажилъ свою огромную голову и низко поклонился. Офицеръ, прямой какъ ружейный шомполъ, отсалютовалъ въ отвѣтъ.

Послѣдующая за этимъ сцена походила болѣе на оперетку, чѣмъ на войну. Нашъ гость былъ молодъ и красивъ, съ очень красной физіономіей и блестящими глазами, рѣшительно сверкавшими изъ-подъ совершенно бѣлыхъ бровей. Онъ первымъ долгомъ насъ спросилъ, почему мы не остановились раньше? Почему мы принудили истратить на насъ девять выстрѣловъ? Дождавшись десятаго выстрѣла, мы бы испортили себѣ все дѣло.

— Раньше я Васъ не слыхалъ, — отвѣчалъ капитанъ.—Вашъ порохъ не достаточно громокъ. Но, я жалѣю, что явился причиной всей этой ненужной церемоніи. Но, у насъ все въ порядкѣ, сэръ, мы—нейтральный корабль съ грузомъ, главнымъ образомъ, ветчины...

— Куда Вы плывете?

— Въ Англію.

Германскій морякъ покачалъ головой.

— Это невозможно!—сказалъ онъ.— Вы должны направить этотъ грузъ въ Гамбургъ!

Это былъ милый совѣтъ. Однако же нашъ молодчина — шкиперъ нашелъ выходъ изъ этого положенія. Онъ заявилъ, что въ настоящее время плаваніе въ Гамбургъ абсолютно невозможно. Если онъ направится въ Гамбургъ, то это разстроитъ все грузовое сообщеніе, имѣющее столь важное значеніе для снабженія провизіей приморскихъ городовъ. Это нейтральное судно везетъ кон-

сервы въ Англію, другія же нейтральныя судна по этой же самой линіи везутъ живую провизію въ Германію—главнымъ образомъ, коровъ и лошадей, по старости уже непригодныхъ къ работѣ.

— Знаете ли Вы,—спросилъ онъ,—что съ самаго начала войны Данія послала Германіи субсидію въ два съ половиной милліона кронъ?

Германскій офицеръ ничего этого не зналъ. Онъ колебался. Онъ почесалъ затылокъ; и наконецъ подъ вліяніемъ аргументовъ капитана пришелъ къ той точкѣ зрѣнія, которую такъ заботливо ему навязывалъ нашъ умница-шкиперъ.

— Ну, тогда Вы можете отчаливать,—сказалъ наконецъ нѣмецъ; и капитанъ опять снялъ свою кэпи и низко поклонился.

— Снимайся,—скомандовалъ онъ.

Молодой человѣкъ съ истребителя отвѣтилъ такимъ же привѣтствіемъ. Онъ опустилъ уже руку на перила, чтобы спуститься внизъ, какъ его задержало другое подозрѣніе.

— У васъ есть какіе-нибудь пассажиры на кораблѣ? Какіе-нибудь англичане?—спросилъ онъ.

Шкиперъ, повидимому, совершенно не задумывался запятнать свою безсмертную душу ложью безъ необходимости.

— Неужели Вы думаете, сэръ,—спросилъ онъ, все еще съ фуражкой въ рукѣ,—что найдутся такіе дураки, которые согласятся совершить путешествіе въ такое время?

— Но, англичане вѣдь всегда были дураками,—объявилъ молодой офицеръ, и послѣ

этого послѣдняго выстрѣла и еще болѣе церемоннаго поклона онъ спустился по скользкимъ ступенямъ нашего трапа, предоставивъ намъ такимъ образомъ мирно продолжать наше путешествіе.

Когда мы продолжали свой путь по бурному морю, то замѣтили, что грозное око прожектора съ истребителя слѣдовало за нами, внимательно наблюдая каждое наше движеніе.

За этимъ послѣдовали дни, очень жаркіе и томительно-спокойные. Мы весело скользили по теплому ровному морю, ничего не видя и не слыша.

Но по ночамъ опять появились призраки, и тревога и шумы нависли надъ обезпокоеннымъ моремъ. Въ два часа утра, когда капитанъ заявилъ, что путь свободенъ и что теперь военныя судна тревожить насъ не будутъ, туманъ, окутывавшій насъ, внезапно разсѣялся и мы увидѣли въ нѣсколькихъ миляхъ отъ себя огни британскихъ истребителей. Сначала мы подумали, что видимое нами—земля; но тутъ одна пара огней, а затѣмъ другая заколебались и быстро задвигались одни передъ другими. Затѣмъ, вдругъ, какъ будто по мановенію волшебнаго жезла, всѣ они погасли.

Капитанъ затормозилъ и затормозилъ на этотъ разъ быстро! Якорный канатъ съ шумомъ заскрипѣлъ; и не успѣлъ онъ замолкнуть, какъ борту нашего корабля подплыла нарядная патрульная шлюпка съ командой, состоящей изъ трехъ человѣкъ. Все это со-

вершилось безъ малѣйшаго шума, быстро и безъ всякихъ церемоній! Маленькій офицерикъ вскарабкался по трапу съ ловкостью обезьяны. Его объясненіе съ капитаномъ было коротко и ясно.

— Прекрасно,—сказалъ онъ,—все въ порядкѣ! Есть англійскіе пассажиры?

— Господинъ, спящій на диванѣ въ салонѣ,—отвѣтилъ капитанъ. Господину, спящему въ салонѣ,—а этимъ господиномъ былъ я,—посчастливилось проснуться какъ разъ въ эту минуту. Я побѣжалъ босой по холодной, сырой палубѣ, чтобы привѣтствовать этого молодого человѣка съ моря.

— Всѣ бумаги въ порядкѣ, сэръ?—спросилъ маленькій офицеръ.

Бумаги были въ порядкѣ.

— Теперь разрѣшите спросить Васъ, зачѣмъ Вы отправились въ это путешествіе?

Я сказалъ ему, что самъ этого не знаю; онъ разсмѣялся. „Такъ"...

— А какъ Вы сюда пробрались черезъ все это?—спросилъ я, указывая на тьму, въ которой еще совсѣмъ недавно корабли подмигивали другъ другу своими рѣдкими огнями.

— О, великолѣпно,—сказалъ онъ,—вполнѣ благополучно, только надоѣло. Это длинная исторія. Есть какія-нибудь новости? Мы ихъ ждемъ.

Я разсказалъ ему, все, что зналъ, но мои разсказы имѣли недѣльную или еще болѣе долгую давность и были отрывочными...

— Нѣтъ ли у Васъ чего-нибудь почитать,

сэръ? Какого-нибудь старья, которое Вамъ совершенно не нужно?

Единственное, что у меня нашлось, это-карманное изданіе „The Heart of Midlothian." Онъ принялъ его съ благодарностью, засунулъ въ карманъ своей толстой непромокаемой куртки и исчезъ въ темнотѣ съ широкой дружелюбной улыбкой на кругломъ лицѣ.

— Всего хорошаго и будьте на сторожѣ!— закричалъ я съ борта.

— Благодарю васъ, сэръ. Будьте спокойны! Э—гей! отчаливай!

Въ мгновенье ока патрульная шлюпка отчалила и исчезла; британскій морской дозоръ сдѣлалъ свое дѣло. Онъ былъ не великъ, но спокоенъ и увѣренъ въ себѣ, и милая обходительность моего новаго пріятеля — маленькаго офицера придавала всему эпизоду еще болѣе мягкій колоритъ.

Мы вошли въ портъ при блескѣ солнечнаго дня: грузъ ветчины былъ доставленъ въ полной сохранности и неприкосновенности, въ ящикахъ съ яйцами не пострадала ни одна скорлупка. Дорогіе соотечественники, находящіеся на родинѣ! Сидя за завтракамъ изъ яицъ и ветчины, вспоминайте о нашемъ маленькомъ кораблѣ! Этотъ кусочекъ ветчины, который Вы сейчасъ съ такимъ аппетитомъ кушаете, могъ бы быть еще и по-сегодня въ Гамбургѣ, не прояви нашъ славный шкиперъ столь убѣдительнаго краснорѣчія при разговорѣ съ германскимъ морякомъ. И ветчина эта была торжественно извлечена изъ той ванной комнаты, о которой я такъ

страстно мечталъ, находившейся въ концѣ того темнаго корридора... О, Вы многаго никогда не узнаете!

Призракъ Рипа Ванъ-Винкля витаетъ надъ Сѣвернымъ моремъ: въ этомъ, кажется, нѣтъ никакихъ сомнѣній. Германскій флотъ, невредимый и свирѣпый, скрывается за Гельголандомъ и, какъ презрѣнный трусъ, прячется въ укрѣпленномъ корридорѣ Кильскаго канала. Лишь нѣсколько миноносокъ виднѣются тутъ и тамъ—быстрые, юркіе морскіе уланы. Я слышу объ этомъ въ туманное дождливое утро моего пріѣзда въ Лейтъ-Докъ; также узнаю отъ другого корабля съ провизіей, прошедшаго, какъ и наше судно, сквозь строй, и о томъ, что вчера вечеромъ былъ взорванъ минами третій пароходъ, находившійся отъ нашего маленькаго суденышка на разстояніи, съ котораго можно было бы перекликаться. Мой шкиперъ, стоящій тутъ же, слушаетъ всѣ эти новости, выпускаетъ дымъ изъ своей трубки и пожимаетъ массивными плечами...

— Ахъ,—говоритъ онъ,—пуффъ, пуффъ — значитъ, мины дрейфятъ—пуффъ, пуффъ— и вертятся по теченію въ форватерѣ! Это непріятно. Другіе корабли вышли вслѣдъ за нами: я буду удивленъ, если они пройдутъ благополучно. *)

Я приглашаю капитана отобѣдать въ Эдинбургѣ,—у насъ много свободнаго времени,—

*) Шкиперъ былъ правъ. Восемь пароходовъ, пробираясь „сквозь строй" и нарвавшись на мины, были взорваны въ этомъ, считавшемся свободнымъ, форватерѣ!

но безъ водки, о нежелательности которой я усердно ратую.

— А потомъ куда?—спрашиваетъ датчанинъ, пожевывая зубочистку.—Опять поплывете въ Эсбьергъ?

Я качаю головой. Это мнѣ не улыбается. Эсбьергъ—скучное мѣсто и, кромѣ того, вѣроятное присутствіе германскихъ минъ, грозящихъ сдѣлать изъ меня крошево для голодныхъ селедокъ въ Сѣверномъ морѣ, является для меня совсѣмъ не заманчивой перспективой...

Франція недалеко—отправлюсь во Францію. Но никакъ не въ суднѣ изъ-подъ ветчины, спасибо; и, говоря по правдѣ, это пустынное, спокойное море успѣло разстроить мои нервы.

ГЛАВА V.

Въ Парижъ.

Шумъ, толчея, суматоха; экспрессъ, набитый солдатами съ ихъ пожитками; богатые бѣглецы, отдыхающіе въ паркахъ; солнечныя пятна, чередующіяся съ голубоватыми тѣнями; въ гавани—штыки, сверкающіе на солнцѣ; визгъ паровой сирены пакетбота въ Каналѣ; по дорогѣ—встрѣча: прелестная знакомая дама, лицо ея разстроено, голосъ — настойчивый и вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ слышится просьба...

— Булонь? — спрашиваетъ она. — Ради Бога, не вздумайте туда ѣхать. Мой мужъ только что вернулся оттуда, и съ такими ужасными разсказами! Германцы...

Ахъ, эти ужасные разсказы! Навѣрное, пустяки: ибо, когда я жаркимъ вечеромъ попадаю въ Булонь, тамъ все спокойно; веселые купальщики смѣясь катаются на роликахъ по пляжу, маленькіе жандармы въ красныхъ фланелевыхъ брюкахъ, выглядящихъ такъ нелѣпо, зѣваютъ по сторонамъ съ крайне скучающимъ видомъ; а на станціи пріятные оффиціальные разговоры и улыбки: „Въ Парижъ, M'sieur? Да, конечно! Поѣздъ сію минуту отходитъ. En voiture, M'sieur. Эти тревожные слухи—только тревожные слухи. Они

ничего не значатъ—пуфъ! Пріятнаго путешествія, M'sieur!".

Пріятнаго путешествія! На время, пожалуй. Графиня X и ея супругъ—мои попутчики. Мы играемъ въ бриджъ на три руки, чтобы убить время; мы дѣлаемъ большія ставки, такъ какъ мои карманы наполнены стофранковыми билетами (съ ихъ помощью я долженъ выдержать осаду Парижа, но теперь я объ этомъ не забочусь). Осада, дѣйствительно! Чѣмъ ближе подъѣзжаемъ мы къ Городу Веселья, тѣмъ нелѣпѣе кажутся эти слухи объ осадѣ...

— Пожалуйста, встрѣтимся завтра у Максима, позавтракаемъ,—говоритъ графиня.

— Я буду въ восторгѣ...

Поѣздъ останавливается съ внезапнымъ толчкомъ, какъ всегда всѣ французскіе поѣзда. Позолоченный флаконъ съ духами графини съ шумомъ падаетъ на полъ. Мы—на какой-то промежуточной станціи. Дверь распахивается. На платформѣ шумъ, шумъ, шумъ! Дикая человѣческая волна—статскихъ и солдатъ. Въ нашъ вагонъ пошатываясь входитъ французскій офицеръ. Его лицо окровавлено и забинтовано. Два ногтя на его пальцахъ содраны. Молодая крестьянка съ худенькимъ ребенкомъ у груди втискивается въ наше отдѣленіе послѣдней. Я уступаю ей мѣсто... „Merçi, M'sieur!" Ребенокъ широко - раскрытыми глазками уставляется на всѣхъ насъ. Мать тихо плачетъ.

Графиня складываетъ карты. „Мы продолжимъ нашу игру въ болѣе подходящее время,"—говоритъ она.

* * *

Разсвѣтъ—Станція Гурнэ. Опять гомонъ, опять шумныя толпы бѣглецовъ. Изъ-за разорванной сѣрой тучи выползаетъ солнце съ распукшей злой физіономіей; не мягкое милое сентябрьское солнце тихой Англіи, а нѣчто мокрое, лѣнивое, очень общее съ быстро скользящими облаками...

Англія, дорогая отчизна, представляется безпредѣльно далекой. Возможно ли, что еще такъ недавно я находился въ тихомъ садикѣ Мэйдъ-Вэля, размышляя въ качалкѣ о „Denys“? Я пробую себя ущипнуть; но сонъ, если это сонъ, не уходитъ. Война распростираетъ надъ мною свои крылья. Я карабкаюсь въ вагонъ и смѣшиваюсь съ толпой. Одни воинскіе поѣзда сцѣпляются съ другими. Безконечные ящики для лошадей, каждый ящикъ надписанъ: „Hommes 48; chevaux 8“, а на деревѣ написаны мѣломъ грубыя военныя шутки, каррикатуры на „Кайзера“ во всякихъ смѣшныхъ позахъ и повсюду надписи: „A Berlin, à Berlin!“ Солдаты и лошади, согнанные въ кучу посреди соломы; солдаты разгоряченные, потные, но веселые. Эти люди и я поклялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ. Моя рука болитъ отъ всѣхъ рукопожатій, какія мнѣ пришлось вынести; всѣ мои папиросы давно уже испарились. Медленно соединяются воинскіе поѣзда въ облакахъ синеватаго табачнаго дыма. Французская армія куритъ за мое здоровье;—„Счастливаго пути, желаю вернуться невредимыми,“ — и армія уходитъ на войну. A Berlin!

* * *

Шесть часовъ, по меньшей мѣрѣ, надо ждать въ Гурнэ, пока солдатамъ будетъ произведенъ смотръ, и они, пылкіе и трепетущіе, направятся къ своей обожаемой столицѣ. Это для меня неудобно; итакъ, я склоняюсь къ драгоцѣнной ручкѣ графини и говорю „au revoir“ ея золотому флакону, ея усыпанному брилліантами лорнету, и отправляюсь „A Paris!“ инымъ путемъ — шоссейной дорогой. Большой крюкъ по направленію къ югу; дороги усыпаны бѣглецами, несется клубами бѣлая пыль; весь возможный прогрессъ замираетъ; ни пищи, ни питья, невыносимое солнце припекаетъ такъ, что пылаетъ голова. Все перевернуто вверхъ дномъ...

Странно, какіе пустяки и мелочи запоминаетъ нашъ умъ въ такіе тяжелые міровые моменты. Вотъ что пришло мнѣ въ голову, когда я совершалъ путь по сухой пыльной дорогѣ, направляясь въ Парижъ. Ужасы войны? Міровой городъ, содрогающійся отъ грохота осадныхъ пушекъ? Французскій офицеръ съ окровавленнымъ лицомъ и съ оторванными ногтями? Нѣтъ! Въ моей головѣ проносились моменты игры въ бриджъ съ графиней X—въ парижскомъ поѣздѣ. Баттарея французской артиллеріи отчаянно пронеслась въ страшномъ вихрѣ пыли. Еще совсѣмъ недавно я задрожалъ бы и заволновался при видѣ этого. Но теперь—такъ быстро тѣло и духъ каждаго привыкаетъ къ окружающій его обстановкѣ—я сошелъ съ пути

этихъ грохочущихъ повозокъ наполовину безсознательно, машинально...

„Ахъ! Наконецъ то я выигралъ! Если бы только мнѣ удалось покрыть валета пикъ!..“

* * *

Слѣдующій вечеръ. Все еще внѣ Парижа; но ближе къ сѣверу и возлѣ Шантильи, извѣстнаго своими скачками, — здѣсь центръ французскаго спорта. Мѣстная гостинница — „Таверна Золотой Свиньи.“ Все тамъ спокойно, мирно, мечтательно, красиво. Милая хозяйка. Восхитительный бульонъ; яичница на рѣдкость; бифштексъ (въ самомъ дѣлѣ!); пирожное, тающее во рту; красное вино; кофе; коньякъ; табакъ...

Madame: Это вѣрно, monsieur, все, что мы слышали о войнѣ, и что Парижъ въ опасности, и о бомбахъ?..

Я: Вѣрно? Ну, это все слухи, madame; я начинаю въ нихъ сильно сомнѣваться, но, во всякомъ случаѣ, здѣсь Вы въ безопасности!

Madame: Разумѣется, m'sieur: здѣсь ничего не можетъ случиться, ничего, ничего! Все это росказни отъ скуки. Если Вы поѣдете въ Парижъ, m'sieur, и Вамъ тамъ когда-нибудь придется быть около rue de Havre, то у меня тамъ братъ... Тысячу благодарностей! Bonjour!

Я сворачиваю въ переулокъ. Стрѣлка на почтовой вывѣскѣ указываетъ путь въ Парижъ—столько то километровъ. Я буду тамъ, когда взойдетъ луна: легкая, пріятная про-

гулка... Почему, удивляюсь я, не могутъ они въ Англіи стряпать и сервировать такія блюда, какъ тѣ, что я только что проглотилъ съ такимъ аппетитомъ?

На слѣдующемъ перекресткѣ внезапный топотъ нѣсколькихъ ногъ; щелкающіе бичи, восклицанія. Кавалькада, самая странная изо всѣхъ, видѣнныхъ мною. Коляска, везомая чистокровными трехлѣтками, въ ней мужчина и женщина; позади нагружены всевозможные Лары и Пенаты; еще, сверхъ того, сзади плетется рядъ скаковыхъ лошадей съ колокольчиками, навьюченныхъ прочей домовой утварью. Я останавливаю сѣдока—онъ оказался іоркширцемъ—и спрашиваю его, что такое случилось!

— Штуки,—говоритъ онъ, и его усталые глаза загораются на гнѣвномъ лицѣ.—Дьявольскія штуки, и изъ-за нихъ приходится уѣзжать за сто миль отсюда!

Несловоохотливый человѣкъ, этотъ іоркширскій тренеръ; но въ этихъ немногихъ словахъ цѣлая эпопея. Уланы минировали Шантильи. Мостъ взорвался со страшнымъ шумомъ, заставившимъ всѣхъ лошадей начать лягаться и отчаянно ржать. Окна въ гостинной разлетѣлись вдребезги. Конюшни за городомъ взорваны. Двухлѣтки забраны для кавалеріи: „Не къ добру затѣяли они эту игру!“ Аэропланъ надъ нами указываетъ кому-то путь. Іоркширскій тренеръ и его супруга со своими сокровищами влюблены въ своихъ лошадей, подгоняютъ „Принцессу“, запряженную въ коляску, и начинаютъ дре-

мать. Германцы (верховые патрули, отыскивающіе свободный путь къ Парижу), близко за нами. Проѣхавъ съ милю, мы видимъ горсть англійскихъ солдатъ, спрятавшихся во рву съ двумя или тремя пулеметами, подъ защитой крапивы и чертополоха.

— Гмъ!—обращается загорѣлый Томми къ тренеру.—Вы англичане?

— Да!—отвѣчаетъ іоркширецъ.

— А кто это вонъ тѣ сзади? Французы?

— Нѣтъ, германцы!

— Чертъ возьми!—говоритъ Томми.—Прочь съ дороги, дайте намъ ударить по этимъ мерзавцамъ! Прочь съ дороги—живо!

И они прячутся—живо; а въ слѣдующую минуту они слышатъ, какъ заговорили скорострѣлки и отрывки разговоровъ,—„какъ сто тысячъ капсюль были начинены порохомъ",—ржаніе бѣшеныхъ лошадей, крики изувѣченныхъ людей; и надъ всѣмъ этимъ торжествующій возгласъ Томми: „Лупите ихъ, ребята! Дуйте мерзавцевъ хорошенько!"

Они „дуютъ мерзавцевъ—хорошенько." Тѣ, кто могутъ, поворачиваются и убѣгаютъ. Другіе барахтаются и корчатся въ пыли—превратившіеся въ ужасное кровавое крошево. Аэропланъ „Таубе", взмахнувъ своимъ противнымъ рыбьимъ хвостомъ, уносится къ солнцу. Положеніе спасено.

ГЛАВА VI.

Армія, идущая на войну.

Наконецъ, Парижъ. Не старый, веселый, ликующій Парижъ, оставшійся въ моихъ легкомысленныхъ воспоминаніяхъ, а городъ, старающійся улыбнуться, и, несмотря на это, унылый. Вечеръ. Веселье бульваровъ теперь только мерцаетъ маленькимъ огонькомъ. Улицы по ту сторону Сены темны, дома заперты, огни потушены; всѣ лавки закрыты и грустныя консьержки, сгорбившись, сидятъ у своихъ пороговъ. Я сбиваюсь съ пути въ этихъ когда-то мнѣ знакомыхъ улицахъ; но, вскорѣ нахожу пріятеля, который направляетъ меня обратно къ бульварамъ. Въ это время наступаетъ полная ночь, осыпанная миліонами мигающихъ алмазовъ. Поперекъ неба, размѣреннымъ ритмомъ, серебряный мечъ большого прожектора съ Эйфелевой башни обнажаетъ свой клинокъ надъ мирнымъ городомъ—какъ бы спрашивая небеса о ночномъ набѣгѣ непрошенныхъ германскихъ гостей, собравшихся уже гдѣ-нибудь вблизи отъ мирныхъ гражданъ—за городскими стѣнами.

Мой пріятель—спокойный, лѣнивый толстякъ, пресыщенный всѣми мірскими благами—беретъ меня подъ руку. „Пойдемте, мой милый,“ —говоритъ онъ,—„мы вмѣстѣ

пообѣдаемъ тощими осадными порціями въ „Brasserie universelle.“ Тамъ Вы мнѣ разскажете новости. У насъ въ Парижѣ нѣтъ новостей, т. е. военныхъ, я хочу сказать. Мы будемъ чувствовать себя такъ же хорошо, какъ въ Бирмингэмѣ или Бедфордѣ. Вы—путешественникъ, прибывшій изъ міра, гдѣ все движется, гдѣ происходятъ событія. Вы тамъ произведете фуроръ!

Въ Brasserie я встрѣчаю ту же знакомую толпу, болтающую о пустяшныхъ бульварныхъ новостяхъ дня. Они требуютъ отъ меня, какъ отъ военнаго корреспондента, новостей съ поля сраженія. Я разсказываю имъ, вкратцѣ— такъ какъ страшно усталъ—маленькую исторію о іоркширскомъ тренерѣ, о разстрѣлянныхъ уланахъ на бѣлой пыльной дорогѣ за Шантильи и объ убійственной работѣ англійскихъ солдатъ, лежащихъ во рву со своими смертоносными машинами.

— Шантильи? — бормочетъ мой толстякъ-пріятель.—Пуфъ,—это все сказки, то, что Вы намъ разсказываете. Въ такомъ случаѣ не стоитъ и тащиться туда.

Всѣ они смѣются и не вѣрятъ ни слову. И, въ концѣ концовъ, стоитъ ли обижаться? Hors d'oeuvre'ы въ этой маленькой уютной комнатѣ наверху встрѣчаются въ изобиліи и въ лучшемъ видѣ, чѣмъ гдѣ бы то не было.

* * *

Опять Парижъ—слѣдующій день и еще одинъ. Спокойнѣе, чѣмъ всегда. Нѣтъ ни аэроплановъ, бросающихъ бомбы; ни грохота

пушекъ; ни улановъ, разбросанныхъ вдоль Place de l'Opera; ни возбужденія; ни театровъ; нечего выпить послѣ девяти часовъ вечера; Парижъ, съежившійся и спящій уже въ десять часовъ вечера,—странно все это! Здѣсь мнѣ не мѣсто! Я опять отправлюсь взглянуть на войну.

* * *

Гораздо труднѣе выѣхать изъ Парижа, чѣмъ попасть въ него. Они срубили деревья въ Булонскомъ лѣсу, перевезя ихъ за барьеръ, чтобы прикрыть только-что вырытыя траншеи. Застава охраняется часовыми. Желтый пропускъ отъ военнаго министра, находящагося теперь въ безопасности въ далекомъ солнечномъ Бордо, является — къ счастью для меня—волшебнымъ ключемъ къ запретнымъ и охраняемымъ мѣстамъ. Но, уже за милю меня останавливаетъ сверканіе слишкомъ мнѣ знакомаго штыка. Итакъ, я долженъ попытаться пройти инымъ путемъ. Гдѣ и какъ—не знаю. Наконецъ, я пробираюсь за спиной часовыхъ по ту сторону траншей, прикрытыхъ увядшими вѣтками изъ Булонскаго лѣса, и мчусь по бѣлой укатанной дорогѣ, къ сѣверу, въ тѣ края, гдѣ царитъ ужасъ.

Тишина—еще тишина! Лѣтнее солнце пылаетъ надъ моей головой; зрѣютъ яблони въ длинныхъ аллеяхъ; въ поляхъ пасется скотъ; крестьяне поютъ за своей обычной работой. Ни шороха войны, даже аэропланы „Таубе“ съ рыбьимъ хвостомъ не кружатся

въ облакахъ. Начинается день, по дорогѣ проносится длинное облако бѣлой пыли. Въ настоящее время я нахожусь на опушкѣ Forêt de Crécy, подъ холодной зеленой сѣнью. Какъ тихо и безмятежно! Фазаны, великолѣпные въ своемъ осеннемъ опереніи, бѣгутъ по краю дороги, почти вровень съ моимъ автомобилемъ, потомъ съ получеловѣческимъ смѣхомъ бросаются въ высокую траву. Мы попадаемъ въ другую просѣку. Зрѣлище вдругъ измѣняется, какъ па волшебству. Я проѣзжаю черезъ французскую армію, черезъ безконечные растянувшіеся на версты ряды ея, движущіеся по лѣсной дорогѣ, и не слышно ни звука за грохотомъ тяжелыхъ артиллерійскихъ повозокъ, звономъ ноженъ и звяканьемъ желѣзныхъ стремянъ.

Соотечественники, пребывающіе дома, быть можетъ, Вы желали бы знать, что это значитъ— видѣть армію, идущую на войну. Въ ней не замѣтно переживаній; не видно ни тревоги, ни шума въ рядахъ, ни колыхающихся знаменъ, не слышно пѣнія. Солдаты берегутъ свои силы для кровавыхъ битвъ. Глаза у нихъ не горятъ; они не спѣшатъ,—они медленно шествуютъ, ровнымъ, спокойнымъ шагомъ, широкоплечіе, курящіе и непонятно молчаливые. Но, все таки, есть что-то странное въ ихъ взорахъ. Какіе призраки видятъ они впереди? У каждаго солдата что нибудь проносится передъ глазами; но будьте увѣрены, что это не призраки страха, или раскаянія, или чего-нибудь въ этомъ родѣ! Только смутное представленіе опасности, а затѣмъ думы

обращаются къ мирному очагу, оставленному тамъ, далеко; къ женѣ, къ возлюбленной, къ ребенку, быть можетъ,—и, конечной мыслью всѣхъ этихъ думъ является желаніе вернуться домой опять, когда побѣдоносно закончится эта ужасная война...

Надвигаются грозовыя тучи. Разражается буря. Льетъ дождь, потоки за потоками ливня съ громомъ. Молча пробираются они по дождю, это солдаты западной арміи. Кавалерійскія лошади, идущія парами съ сѣдлами и въ уздечкахъ, и расположенныя въ арріергардѣ (чтобы облегчить ихъ грузъ, пока не произойдетъ перекличка)—унылы и понуры; дождь ручейками сбѣгаетъ съ ихъ подколѣнниковъ, съ гривъ капаетъ вода, и мокрая шерсть лоснится.

На ружья надѣваютъ клеенчатые чехлы и закутываютъ такъ же тщательно, какъ нѣжныхъ барышень, отважившихся совершить прогулку по апрѣльскому ливню. Затѣмъ слѣдуетъ безконечный рядъ фургоновъ съ военными припасами, провизіей и аммуниціей,—моторные автобусы съ снятыми верхушками и, наконецъ, таксикэбы съ таксометрами, — показывателями платы, которой они теперь —увы—не получатъ. Это неожиданное зрѣлище заставляетъ меня невольно улыбнуться. Право, вся эта процессія напоминаетъ мнѣ странствующій циркъ, которымъ я любовался во время оно, переѣзжающій изъ одного города въ другой и съ одной ярмарки на другую.

Пройдетъ, повидимому, нѣкоторое время —

дни, недѣли—прежде, чѣмъ это странное смѣшеніе людей, животныхъ и машинъ прибудетъ на мѣсто назначенія. Въ наше время все ограничено временемъ. „Festina lente“—„спѣшите медленно“—вотъ девизъ всякой арміи въ походѣ, спѣшите медленно, пока не доберетесь до боевыхъ позицій, и тогда...

ГЛАВА VII.

Бѣглецы.

По пути въ Гурнэ—великолѣпнымъ солнечнымъ утромъ, окруженный военной тревогой, я останавливаюсь на краю дороги, ставлю свою машину подъ тѣнь прохладной липы, развертываю пакетъ со съѣстными припасами и очень вкусно завтракаю: сардинами, поджаренным хрустящимъ хлѣбомъ, кружкомъ восхитительнаго сыра бри, плиткой пласмонскаго шоколада, и запиваю все чашкой горячаго кофе изъ моей бутылки—термоса (друга, никогда не покидающаго меня въ нуждѣ). Мы сидимъ на краю дороги, шофферъ и я, повидимому единственные статскіе въ этомъ странномъ заманчивомъ мірѣ, состоящемъ изъ однихъ только солдатъ—солдатъ и ружей, и конскихъ сбруй, и лошадей,—и обсуждаемъ положеніе. У насъ есть дорожная карта, но совсѣмъ нѣтъ новостей съ войны. Мы знаемъ только, что какимъ-то непонятнымъ образомъ огромный, ужасный отрядъ прусской орды въ страшномъ натискѣ подошелъ къ Парижу; что всѣ сторожевыя войска вокругъ Парижа разбиты, что траншеи — миля за милей — разрушены, но что наглые уланы, „нашедшіе дорогу“ черезъ поэтическія просѣки Шантильи, про-

гнаны наконецъ обратно и что отброшенный Пруссакъ, скрежеща зубами, отчаянно дрался, отступая по цвѣтущей дорогѣ, ведущей въ долину Марны.

Я не имѣю ни малѣйшаго представленія о томъ, куда теперь отправляться. Французскій офицеръ, подъѣхавшій сейчасъ, чтобы спросить меня о моихъ занятіяхъ (онъ былъ исключительно вѣжливъ и милъ), находился въ такой же неизвѣстности, какъ и я.

— Monsieur, — сказалъ онъ,—солдатъ не долженъ думать. Когда онъ на войнѣ, онъ уже не человѣкъ: онъ—машина, вѣрнѣе, крошечное колесико въ громадной машинѣ. И онъ вполнѣ доволенъ такой ролью. Онъ только повинуется. У него нѣтъ ни безпокойства, ни волненій. У меня ихъ нѣтъ; у солдатъ, которыхъ Вы видите идущими и ѣдущими по этой пыльной дорогѣ, ихъ нѣтъ. Итакъ, bonjour, m'sieur, и веселаго путешествія, куда бы Вы ни поѣхали.

Онъ очень серьезно козыряетъ и отъѣзжаетъ.

Я обращаюсь къ шофферу:—Ну, мой другъ, а каково Ваше мнѣніе о положеніи вещей?

Максъ сильно затягивается и выпускаетъ дымъ черезъ ноздри. — M'sieur, — говоритъ онъ,—шофферъ, нанятый своимъ патрономъ по два франка за километръ, не обязанъ думать. Онъ—машина, M'sieur, крошечное колесико въ громадной машинѣ...

Я не могу не улыбнуться канальѣ.

Ну, ну, пусть будетъ такъ. Вотъ карта;

мы попробуемъ отправиться къ сѣверу отъ Парижа. Гурнэ, во всякомъ случаѣ, доступенъ.

На промежуточной станціи я попрощался съ Максомъ, и на разсвѣтѣ слѣдующаго утра я уже былъ въ Гурнэ при волшебномъ серебрянномъ сіяніи лунной ночи, ночи изумительнаго спокойствія и тишины. Поѣздъ, съ которымъ я поѣхалъ, направился въ Бовэ, но въ Гурнэ онъ былъ задержанъ длиннымъ рядомъ бельгійскихъ паровозовъ, ѣдущихъ изъ этой печальной разоренной страны.

— Вы не можете ѣхать дальше,—сказалъ начальникъ станціи.—Въ Бовэ попасть невозможно! Мы всѣ вышли—-насъ было немного—и столпились на платформѣ, не зная ни того, куда мы поѣдемъ дальше, ни того, что намъ надо дѣлать, чтобъ туда попасть. Нѣсколько солдатъ и мирныхъ гражданъ Гурнэ окружили насъ, обнажили головы и оглушительно пѣли Марсельезу. Потомъ что то нескладное, въ которомъ я съ трудомъ разузналъ „God save the King“, и потомъ вдругъ замолчали.

„Бумъ-бумъ-бумъ!“—послышался грохотъ пушекъ съ сѣвера; онъ долетѣлъ въ эту прелестную нормандскую долину черезъ туманъ, окутывавшій ее, какъ саванъ. Три ночи наши союзники и враги сражались при свѣтѣ луны...

Я спросилъ начальника станціи, гдѣ происходитъ эта битва. Онъ сказалъ, что въ Кревкёрѣ. Тамъ, и въ Конти, и въ Бретейлѣ союзныя войска выравнивали фронтъ и выравнивали его уже много дней. Въ Бовэ уже

происходятъ страшныя вещи или вскорѣ произойдутъ“.

Я провелъ ночь на скамейкѣ въ маленькомъ станціонномъ отелѣ. Мальчуганъ, сервировавшій мнѣ ужинъ, состоявшій изъ превосходнаго цыпленка и краснаго вина, удивленно спросилъ меня, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ. Я сказалъ, что хотѣлъ бы посмотрѣть на храбрыхъ французовъ, сражавшихся въ Бовэ. Но какъ туда попасть? Нѣтъ ни поѣзда, ни кэба, ни велосипеда, ни мотора, а Бовэ находится отсюда приблизительно въ тридцати миляхъ...

— Автомобиля нѣтъ? — весело переспросилъ мальчикъ,—Ну, M'sieur, я думаю, что тутъ автомобиль есть. Автомобиль, M'sieur, съ четырьмя колесами и, если изъ трехъ цилиндровъ хоть одинъ будетъ работать, то это для Васъ кладъ. Автомобиль, о которомъ я Вамъ разсказываю, почти сломанъ на-двое, но онъ можетъ мчаться, какъ вихрь, если только я смогу отыскать для Васъ Жюля. Жюль и автомобиль, оба находятся въ засадѣ, но— теперь уже поздно. Идите спать, M'sieur, а завтра утромъ въ семь часовъ этотъ сумасшедшій Жюль будетъ здѣсь! Спокойной ночи, M'sieur!

И, къ моему изумленію, въ семь часовъ утра явился сумасшедшій Жюль со своимъ почти сломаннымъ на-двое автомобилемъ, и съ двумя бутылками спирта для его питанія. Шампанское, лучшее сухое шампанское въ этой мѣстности дешевле керосина въ наше время. Но, все таки и его гдѣ-то достали.

Жюль, съ усами, торчавшими какъ булавки изъ булавочной подушечки, несется, дѣйствительно, какъ сумасшедшій. Это прозвище вполнѣ къ нему подходитъ. Мы несемся подъ палящимъ солнцемъ по бѣлымъ пыльнымъ дорогамъ, дѣлая по пятидесяти миль въ часъ совершенно свободно, при этомъ отъ времени до времени останавливаясь.

Но, несясь къ сѣверу, мы неожиданно врѣзываемся въ толпу бѣглецовъ, направляющихся къ морскому берегу. Они идутъ по той дорогѣ, которая уже видѣла бѣглецовъ въ 1870 г.

Это была поразительная картина. Почти всѣ они женщины, дѣти и мальчики—мальчики, слишкомъ юные, чтобы сражаться за отчизну. Нѣсколько стариковъ, согбенныхъ и удрученныхъ бременемъ жизни, бредутъ съ ними тамъ и сямъ, женщины же ѣдутъ верхомъ. Тянется телѣга за телѣгой, однѣ запряженныя маленькими покорными бычками, а другія четверкой, а иногда и шестеркой лошадей, въ упряжи, состоящей изъ длинныхъ тяжелыхъ цѣпей.

Телѣги обильно устланы соломой и пшеницей, — пшеницей, собранной по дорогѣ съ полей. На соломѣ лежатъ, валяются и возятся дѣти. Впереди, матери размахиваютъ бичами, понукая вспотѣвшихъ животныхъ. Сзади устанавливаютъ и укладываютъ домашнюю утварь — горшки и кастрюли, стѣнные часы, картины, стулья, складныя кровати, комоды, — все, что можетъ пригодиться.

Подъ нѣкоторыми телѣгами подвязаны

клѣтки съ птицами, падающими другъ на друга,—когда повозка попадаетъ въ ухабы,—размахивающими крыльями, шумными и ссорящимися между собой. Странно, какъ иногда вспоминаются давно забытыя мелочи. При видѣ этихъ птицъ я вспомнилъ дѣтскую сказочку, забытую мною давнымъ-давно,—сказку о пѣтушкѣ и курочкѣ. Курочка встрѣчается съ пѣтушкомъ на пыльной дорогѣ и спрашиваетъ его:

„Where are jou going; Henny Penny?"
„J'm going to tell the king the sky is falling".
„May J go with jou Henny Penny?"
„Oh, yes, Cocky Locky"... *)

Чистенькая жеманная старушка сидѣла въ любимомъ креслѣ, стоящемъ въ одной изъ повозокъ и крѣпко къ ней привязанномъ. При каждомъ толчкѣ громоздкой повозки старушка подавалась впередъ, но все таки чувствовала себя вполнѣ, повидимому, комфортабельно, гигантскимъ сатиновымъ зонтикомъ защищая свое лицо отъ солнечныхъ лучей. Загромыхали ружья черезъ долину; старушка только слегка привскочила—и больше ничего. Она уже привыкла къ такого рода вещамъ.

Иногда всѣ они останавливались на краю дороги, животныя распрягались съ дороги, а маленькія партіи бѣглецовъ собирались подъ деревьями и закусывали. Обиліе хлѣба

---

*) „Куда ты идешь, Пѣтушокъ?"—„Я иду къ королю сказать, что разверзлось небо." „Могу я пойти съ тобой, Пѣтушокъ?"—„О, да, Курочка"...

и сыра, нѣжное нормандское масло, завернутое въ капустные листья, красное вино (всегда красное вино!) и отъ времени до времени только что снесенное яйцо, найденное въ соломѣ на днѣ корзины, подвѣшенной подъ повозкой.

Такъ передвигалась эта странная на видъ процессія. Никто изъ нихъ не казался испуганнымъ, слыша грохотъ отдаленной канонады. Они безмятежно продолжали путешествіе, не зная совершенно, что германцы находятся отъ нихъ совсѣмъ близко. Они закусывали и останавливались на бивуакѣ, спали на краю дороги, а иногда нѣкоторые изъ нихъ пѣли... Я не забуду этого зрѣлища, вѣроятно, до самой смерти.

ГЛАВА VIII.

Герой изъ Бовэ.

Жюль осторожно и ловко лавировалъ между группами шагавшихъ по солнцепеку бѣглецовъ, шевелилъ своими усами, ухитряясь, во время нашей бѣшеной ѣзды, покручивать ихъ одной рукой.

Къ полудню мы примчались въ Бовэ. Когда мы въѣзжали въ городъ съ одного конца, французскій гарнизонъ, занимавшій Бовэ послѣдніе десять дней, выходилъ изъ него съ другого. Кавалерія, выглядѣвшая очень нарядно, весело болтая, двигалась по улицамъ; артиллерія гремѣла уже гдѣ-то въ предмѣстьяхъ и черезъ нѣкоторое время въ городѣ не оставалось ни одного солдата.

Населеніе было въ отчаяніи и съ криками бросилось къ майору, спрашивая, что имъ теперь дѣлать. Что означали это отступленіе солдатъ, эти огромныя пушки, втащенныя съ такими усиліями на зеленые холмы, возвышающіяся надъ городомъ и смотрящія внизъ, въ долину, изъ которой ежечасно ожидали появленія германцевъ? Никто этого не зналъ. Но все это имѣло крайне важное значеніе. Не такъ ли?

— Смирно, всѣ по мѣстамъ!—гаркнулъ въ отвѣтъ бравый майоръ и вскорѣ выпустилъ

прокламацію, въ которой объявлялъ, что все въ порядкѣ, что положеніе города вполнѣ безопасно и что населеніе должно вернуться къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Тотчасъ же всѣ заколотили свои окна и высыпали на улицы.

Храбрый и прекрасный Бовэ въ своемъ мужествѣ отчаянія—такой же, какимъ онъ былъ около шестисотъ лѣтъ тому назадъ, когда Карлъ Смѣлый осадилъ его, неимѣвшаго даже небольшого гарнизона, (почти также, какъ и въ наше время), съ арміей, состоявшей изъ 80.000 бургундцевъ! Въ 1472 г. горожане закрыли свои заставы и оказывали упорное сопротивленіе вплоть до прибытія помощи изъ Парижа. Женщины тогда сыграли главную роль при защитѣ ихъ любимаго города; онѣ охраняли стѣны и раздѣляли опасности вмѣстѣ съ мужчинами. Жанна Гашеттъ, красивая и безстрашная дѣвушка, памятникъ которой стоитъ до сихъ поръ въ Маркетъ-Скверѣ, появилась въ бреши въ моментъ самаго ожесточеннаго штурма, вырвала бургундское знамя, которое солдатъ старался укрѣпить на крѣпостной стѣнѣ, и, столкнувъ бургундца внизъ, съ торжествомъ понесла его въ городъ. Это произошло четырнадцатаго октября 1472 года, и каждый годъ въ воскресенье, наиболѣе близкое къ этому числу, городъ обходитъ торжественная процессія въ память этого событія.

Когда я въѣзжалъ въ этотъ старинный городъ съ непомышлявшими о войнѣ жителями, съ ушедшимъ куда-то гарнизономъ, и

конными германскими патрулями, разъѣзжавшими гдѣ-то вблизи, эта трогательная исторія, казалось, готова была повториться. Городъ былъ спокоенъ — на всѣхъ уличныхъ углахъ барабаны выбивали дробь, толпились женщины (дѣвушки Бовэ всѣ красивы и безстрашны, и эти качества, повидимому, переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе) и всѣ прислушивались, оживленные и веселые, къ воззванію майора, призывавшему всѣхъ къ спокойствію: „Граждане, откройте Ваши лавки, ваши дома и ваши кафе. Все въ порядкѣ!“

И, между тѣмъ, какъ барабаны продолжали выбивать дробь, восемь полковъ кавалеріи, выѣхавъ изъ города, спѣшно направились въ Кревкеръ и Бретейль, гдѣ все еще выравнивался фронтъ. Я узналъ, что желѣзная дорога отъ Сэнъ Омеръ-анъ-Шоссе до Альбаркура занята французами. По прямому направленію къ западу отъ Формери дорога была очищена, и пришли радостныя извѣстія о томъ, что наше лѣвое крыло упорно сражалось, чтобы отступить къ берегамъ Уазы по заранѣе выработанному плану.

Этотъ эпизодъ принадлежитъ уже исторіи. Онъ указываетъ, какую важную роль сыгралъ нашъ лѣвый флангъ въ этотъ поворотный моментъ войны.

* * *

„Я вспоминаю объ аптекарѣ“...

Прежде, чѣмъ оставить Бовэ, я долженъ

разсказать вамъ исторію monsieur X—маленькаго аптекаря, живущаго на улицѣ „Золотого Мѣсяца“. Онъ — живое подтвержденіе старинной пословицы объ аптекарской ступкѣ и музыкѣ лютни.

Monsieur X вноситъ свою маленькую лепту въ область медицины, занимаясь врачеваніемъ въ свободное время между скатываніемъ пилюль и приготовленіемъ безплатныхъ рецептовъ. Онъ—толстенькій маленькій человѣчекъ съ краснымъ круглымъ лицомъ, носомъ-пуговкой, на переносицѣ котораго увѣренно покоятся огромные очки. За послѣдними виднѣется пара дѣтскихъ голубыхъ глазъ. Но онъ является адептомъ своего искусства. Торговля его процвѣтаетъ и у него есть автомобиль. Онъ оказался и мужественнымъ человѣкомъ въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда мидійскіе гости бродили повсюду вокругъ и около, и когда онъ неожиданно наткнулся на англійскаго солдата, сидѣвшаго на краю дороги и перевязывающаго раненую ногу.

— Вамъ везетъ, мусью!—сказалъ Томми, послѣ того, какъ добросердечный маленькій аптекарь перевязалъ его рану и усадилъ въ свой автомобиль,—но тутъ, по близости, цѣлая куча этихъ чертей—уланъ. И, если вы не желаете лишиться своего мотора,—жарьте, жарьте во-всю!

Аптекарь былъ немного озадаченъ фразеологіей своего новаго пріятеля и пацієнта; но онъ понялъ смыслъ ея, особенно, когда въ тотъ же моментъ они увидѣли меньше чѣмъ за милю, двухъ всадниковъ, пробирав-

шихся черезъ деревья, возлѣ рѣки. Тогда фармацевтъ и воинъ быстро понеслись обратно въ городъ, разсказали тамъ эту новость, захватили въ моторъ пару мужчинъ, вооруженныхъ винтовками и стали „жарить“ обратно; толстенькій, маленькій фармацевтъ управлялъ машиной съ проникновеннымъ видомъ и величественнымъ спокойствіемъ, а вечернее солнце таинственными огоньками отсвѣчивало въ стеклахъ огромныхъ золотыхъ очковъ.

Они наскочили на улановъ, съ обычными свирѣпостью и наглостью задержавшихъ автомобиль, объявившихъ, что они сбились съ дороги, и потребовавшихъ, чтобы тѣ имъ указали дорогу или! . . . . .

Они говорили на превосходномъ французскомъ языкѣ. Они наклонились къ сѣдельнымъ лукамъ своихъ быстрыхъ коней; вынули ландкарты изъ щеголеватыхъ кожаныхъ футляровъ, висящихъ черезъ плечо. Какой дорогой отправились французскіе патрули? Навѣрное, еще вчера они были здѣсь или гдѣ-нибудь по близости? Кавалерія, пушки?..

Толстенькій фармацевтъ совершенно безшумно, неожиданно повернулъ рулевое колесо автомобиля, вытащилъ изъ-подъ сидѣнья какое-то допотопное оружіе и, выстрѣливъ въ одну изъ лошадей, пробилъ въ ней дырку, въ которой совершенно свободно умѣстились бы два кулака. За этимъ со стороны противниковъ послѣдовалъ жестокій, но неудачный залпъ, а черезъ минуту удивленные

и взбѣшенные уланы были схвачены и отправлены въ качествѣ плѣнниковъ, оба на единственной лошади, оставшейся въ живыхъ, въ мирную столицу департамента Уазы.

Ихъ заключили въ старомъ каменномъ домикѣ подъ сѣнью кафедральнаго собора и оставили тамъ до тѣхъ поръ, пока въ городъ не прибылъ амбулаторный госпиталь и не увезъ ихъ въ Парижъ.

И по-сегодня въ окнѣ аптеки, между двумя большими цвѣтными штандглазами выставлена реликвія этого нашумѣвшаго происшествія — новенькій уланскій киверъ, — а подъ нимъ—рецептный ярлыкъ, на которомъ рукой самого monsieur X написано:

A mort les Bosches!

Что же касается самого monsieur X, то ему было обѣщано наилучшее мѣсто въ процессіи въ память четырнадцатаго октября. И, будьте увѣрены, что онъ его получилъ.

ГЛАВА IX.

Бѣгство эпикурейцевъ.

По волѣ судебъ я возвратился въ Городъ Веселья—на время, во всякомъ случаѣ. Парижъ—въ уныніи. Многіе изъ магазиновъ и очень многіе изъ домовъ закрыты и заколочены. Богатый буржуа уложилъ свои пожитки и со своими рабами и рабынями, волами и ослами, съ женой ближняго своего, но лишь со своими дѣтьми удралъ или на югъ, куда переселилось правительство, или въ наиболѣе мирные курорты на южномъ берегу Англіи.

Приближается осада Парижа, въ этомъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ меня болтающіе бульвардье, которыхъ я нахожу сидящими скорчившись въ своихъ излюбленныхъ нишахъ снаружи кафе и brasserie, подобно кафедральнымъ святымъ. Но, германцы, повивидимому, не собираются брать Парижъ измором, какъ въ приснопамятномъ 70 г. Осада будетъ изумительно быстрой и несомнѣнно бурной. Патріотически настроенные граждане, оставшіеся въ городѣ, чтобы пережить въ немъ осаду, клянутся и заявляютъ о томъ во всеуслышаніе, что если германцы подъѣдутъ къ Парижу подъ прикрытіемъ своихъ большихъ орудій, то Парижу придет-

ся сдаться — но они будутъ дѣлать это постепенно, отдавая улицу за улицей, пядь за пядью, и умрутъ, покрывъ себя безсмертной славой. Но, я не думаю, чтобы произошло нѣчто подобное. Посмотримъ.

Между тѣмъ происходитъ страшно подавляющій фактъ, что вы не можете получить порядочнаго обѣда въ кафе X., славящемся во всемъ свѣтѣ своимъ изысканнымъ меню. Многіе парижане, извѣстные городу своими гастрономическими наклонностями, остались въ Парижѣ изъ-за одного того, что во всемъ мірѣ не найдете мѣста, въ такомъ совершенствѣ удовлетворяющаго ихъ прихотливые аппетиты, какъ это кафе.—Вчера еще здѣсь кормили хорошо, но провизія уже казалась по качеству подозрительной. Сегодня же многія блюда положительно скверны. Началась паника гурмановъ. Она распространилась по Avenue de l'Opera, прошумѣла по широкимъ бульварамъ и замерла въ залахъ мрачнаго вокзала St. Lazare, гдѣ многіе хорошо упитанные джентльмены съ ручными чемоданами и билетами перваго класса въ рукахъ сказали навсегда „прости“ Городу Веселья, чтобы отправиться въ Лондонъ.

Мы улыбнулись имъ, когда они отъѣхали.

Вотъ проблески комедіи въ этой гигантской драмѣ. Если бы ихъ не было, все это было бы невыносимымъ. И такъ мы вернулись обратно въ кафе—послѣ проводовъ нашихъ голодныхъ Фальстафовъ — и рѣшили потопить ихъ заботы и развѣять наши за дымящимися стаканами café au lait.

— Я очень извиняюсь, messieurs,—съ поклономъ произнесъ стройный garçon,—но сегодня молока нѣтъ. Даже коровы теперь сражаются за насъ... Если messieurs удовлетворятся сгущеннымъ молокомъ...

Комедія исполняется прямо талантливо, и второй актъ открываетъ тотъ же милый Альфонсъ, вытаскивающій изъ подъ передника банку муки Нестле и торжественно ею размахивающій. Въ другой рукѣ у него—желѣзный ключъ для вскрыванія сардинокъ. Онъ, повидимому, не шутя хочетъ убѣдить насъ, что препаратъ м-ьсе Нестле—дѣйствительно сгущенное молоко.

— Ахъ,—говоритъ онъ, съ ожесточеніемъ стараясь открыть коробку съ сардинами,—если бы это была шея Вильгельма!...

Прежде, чѣмъ раздается звонокъ къ обѣду, балконъ кафе наполняется множествомъ запыленныхъ, обтрепанныхъ людей съ усталыми глазами, которые, подобно арміямъ за городомъ, „остались“ здѣсь ждать конца недѣли. Fleet-Street въ Парижѣ! Опять мы всѣ здѣсь, вдали отъ мятежнаго потока войны,—вдали отъ Лилля, Сэнъ-Квентэна, Амьена, Бовэ, вдали отъ Бретейля и Кревкера, Понтуаза и Компьеня и отъ другихъ мѣстъ на картѣ, гдѣ мы только что создавали исторію.

Здѣсь всѣ мы, измученные въ этой толчеѣ, пришедшіе сюда съ лѣваго фланга. Въ этой войнѣ военные корреспонденты излишни. Армія союзниковъ—какъ французовъ, такъ и англичанъ—особенно англичанъ, окружаетъ насъ и изводитъ угрозами вѣчнаго заточенія,

контрибуціей, конфискаціей имущества и автомобилей. Многіе изъ насъ (какъ все это кажется невозможнымъ здѣсь, въ полубезпечномъ Парижѣ!) дѣйствительно сгинули, зарвавшись далеко впередъ и подвернувшись неудачно подъ холодную сталь винтовки. Другіе схвачены уланами и безжалостно „выбиты съ круга“. Мы этимъ не хвастаемся: мы улыбаемся и переносимъ это. Самый послѣдній изъ насъ и тотъ лишился своего багажа. Ни у одного нѣтъ цѣлой пары носковъ или чистаго воротничка. Эта удивительная вещь, называющаяся журналистскимъ инстинктомъ, привела насъ всѣхъ обратно въ Парижъ на короткое время, чтобы познать всю сладость мытья и бритья.

Ванна стоитъ полкроны; бритье два франка. Въ мгновенье я продѣлываю то и другое. Затѣмъ я покупаю себѣ новую шляпу,—прелестную парижскую бездѣлку,—новую пару башмаковъ, и когда я лѣниво пересѣкаю Площадь Согласія, я вдругъ вспоминаю графиню въ поѣздѣ, игру въ бриджъ на три руки и приглашеніе отобѣдать у Максима. Итакъ, я пересѣкаю площадь и направляюсь къ этому дворцу наслажденій.

Рѣшетки опущены, на окнахъ заколочены ставни. Домъ смотритъ такимъ же пустыннымъ и безмолвнымъ, какъ домъ Эшеровъ у Эдгара По...

Ah, la pauvre Comtesse!

ГЛАВА X.

Капралъ Иностраннаго Легіона.

Онъ быстро вошелъ въ кафе — изящный, стройный, молодой солдатъ, широкоплечій, высокій; его темные глаза горѣли.

— Жанъ!—крикнулъ онъ, кивая толстому гарсону, мчавшемуся съ подносомъ, уставленнымъ разными аппетитными блюдами.

— Жанъ!—„обычнаго"...

— Monsiu er,— отвѣчалъ слуга, — но я не имѣю чести знать.... Вдругъ лицо его засвѣтилось улыбкой.—Tiens! Это не можетъ быть! Но... но это такъ! Monsieur—солдатъ! Удивительно! Такъ — „обычнаго?" Да, monsieur, конечно! Будетъ подано сейчасъ же!

Этотъ разговоръ происходилъ въ Café-Nepolitan, гдѣ каждый вечеръ собирались писатели, журналисты и поэты (увы, это было грустное время парижскихъ стиховъ и эпиграммъ!) и каждый занималъ свое всегдашнее мѣсто, предназначенное только для него одного. И этотъ новый солдатъ оказался однимъ изъ нихъ — поэтомъ, мечтателемъ, соціалистомъ. Раздался военный кличъ; ради чести и славы Франціи этотъ молодой человѣкъ съ ясными глазами оставилъ свои мечты и рифмы, чтобы застегнуть синій мундиръ на своей волнующейся груди. Онъ остригъ свои шелковыя

кудри—послѣдняя жертва; но, даже это онъ переноситъ мужественно. Онъ сидитъ въ кафэ близъ меня; все существо его переполнено войной, хотя его тѣло болитъ отъ непривычныхъ столкновенiй съ ужасными аттрибутами этого суроваго боевого мiра.

— Я еще неопытенъ,—говоритъ онъ,—новичекъ; я не только впервые на войнѣ, но и впервые въ этой одеждѣ, съ этимъ оружiемъ. Но, я исполняю обязанность военной машины и это великолѣпно. Мнѣ нравится это! Mon ami, я уже люблю это!

Этотъ стройный краснорѣчивый мальчикъ съ пылающими глазами можетъ поразсказать многое о битвахъ вокругъ и около Компьенскаго лѣса.

Великолѣпные моменты этой кровавой работы были созданы подвигами британской кавалерiи,—бригады генерала Четвуда, — которая продѣлывала замѣчательныя вещи въ рукопашныхъ стычкахъ съ германской кавалерiей.

Дважды Шотландскiе „Сѣрые“ и девятый кавалерiйскiй полкъ сшибались со своими врагами въ стычкѣ со смѣлостью поистинѣ дьявольской. Они прорывались сквозь ряды германцевъ, разбивали ихъ линiю, потомъ поворачивались и въ невредимости возвращались назадъ. Такихъ случаевъ было немного, но впечатлѣнiе, произведенное такими набѣгами на непрiятеля, никогда не забудется послѣдними. Они совершенно деморализировали германцевъ.

Англiйскiй солдатъ (говоритъ мой другъ,

прерывая свой разсказъ большими глотками краснаго вина, такъ какъ у него осталось всего полчаса времени, послѣ чего онъ долженъ вернуться обратно въ строй) чувствуетъ себя прекрасно; у него мужественное сердце и онъ увѣренъ, что это отступленіе къ Уазѣ и къ Сенѣ является частью хорошо разработаннаго плана. Томми, конечно, тоже имѣетъ причины быть недовольнымъ: и хуже всего то, что онъ никакъ не можетъ раздобыть себѣ горячей пищи. Все одни консервы, а консервы и урчащій желудокъ англійскаго солдата никакъ не могутъ войти въ соглашеніе между собой. Но, всѣмъ остальнымъ онъ вполнѣ доволенъ и съ большимъ жаромъ напѣваетъ пѣсенку о Типперэри.

Томми относится съ величайшимъ презрѣніемъ къ огню германской артиллеріи. „Германцы не умѣютъ „играть въ орѣхи"... — говоритъ онъ. — „Они стрѣляютъ не отъ плеча, какъ англичане и французы, а отъ бедра". Германецъ никогда не прицѣливается, никогда не выбиваетъ изъ строя своего врага, а тратитъ свои патроны попусту, въ какой-то дикой ярости. Опять таки, — французскіе и англійскіе офицеры ведутъ своихъ солдатъ въ битву съ изумительной смѣлостью. Это указываетъ на тѣсную связь между офицерами и солдатами. И эти два ужасные часа битвы на этой недѣлѣ оставили на нихъ болѣе сильные слѣды, чѣмъ вся Бурская война. Они объ этомъ не безпокоятся: чѣмъ сильнѣе слѣды, тѣмъ больше слава.

Обращеніе германскихъ офицеровъ со сво-

ими подчиненными совершенно противоположно нашему. Почти всегда германскій офицеръ находится позади своихъ солдатъ и гонитъ ихъ впередъ, какъ погонщикъ гонитъ скотъ, но съ гораздо большими грубостью и жестокостью. Его сабля въ правой рукѣ, револьверъ въ лѣвой. И онъ безпрестанно пускаетъ ихъ въ ходъ.

— Я уже видѣлъ партіи германскихъ плѣнныхъ,—говоритъ мой молодой соціалистъ, выразительно пожимая широкими плечами.— Когда ихъ берутъ въ плѣнъ, они падаютъ на колѣни, сбрасываютъ свои шлемы, срываютъ мундиры, обнажаютъ грудь, валяются по землѣ, а потомъ — потомъ они воздѣваютъ руки къ небу и въ томъ же полусумасшедшемъ состояніи что-то все время говорятъ, говорятъ, говорятъ. Это — жалкое зрѣлище. Они ожидаютъ, что будутъ убиты сразу, и очень удивляются, видя, что къ нимъ не примѣняютъ ни пуль, ни штыковъ.

* * *

— Томми,—говоритъ этотъ стройный молодой французъ, прерывая свой разсказъ, съ веселой и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то восторженной улыбкой:—Томми идетъ въ бой, напѣвая странную, удалую пѣсню, которую мы никакъ не могли понять, что-то вродѣ: „Tip, Tip, Tip, Tiperairé“.

И съ этой пѣснею онъ идетъ въ бой. Его офицеръ совѣтуетъ ему беречь свои силы для болѣе важныхъ вещей. „Не кричи такъ“,—

проситъ онъ „Пѣніе вызоветъ у тебя жажду, хрипоту и жажду, а воды теперь достать трудно! Замолчи!“

— Но,—и въ блестящихъ голубыхъ глазахъ засіяла улыбка. — Томми говоритъ, что онъ никакъ не можетъ этого сдѣлать. Если ему нельзя кричать и нельзя пѣть, то онъ будетъ... будетъ—какъ Вы думаете, что?—свистѣть!

Но, когда онъ раненъ, онъ не кричитъ и не ежится отъ боли. Онъ говоритъ только „Чортъ возьми!“, и если рана невелика, онъ проситъ солдата-сосѣда перевязать ему рану покрѣпче, и продолжаетъ сражаться еще съ большимъ пыломъ.

— А теперь, — восклицаетъ мой новый другъ, любовно похлопавъ по своей капральской нашивкѣ и залпомъ выпивъ стаканчикъ смѣси изъ соды и виски, — а теперь я долженъ уходить. Быть солдатомъ—болѣе чѣмъ великолѣпно: это величественно! Онъ не имѣетъ ни заботъ, ни мученій. Человѣкъ совершенно теряетъ свою индивидуальность и становится цифрой, - номеромъ; у него всего лишь одно дѣло — онъ всецѣло повинуется всякому приказу, каковъ бы онъ ни былъ. Я—№ 59. Я уже теперь не сложный клубокъ нервовъ, думающій, разсуждающій, взвѣшивающій причины и слѣдствія своихъ поступковъ. Мнѣ говорятъ, чтобы я шелъ—я иду. Мнѣ говорятъ, чтобы я спалъ—я сплю, уложивъ свое разбитое усталостью тѣло (ибо, мой другъ, я еще очень молодой рекрутъ) прямо на жесткую землю. Но, когда я иду, я счаст-

ливъ; когда я сплю, я сплю подъ звѣздами такъ крѣпко, что сонъ для меня является новой чудесной тайной.

— Ахъ! — быть солдатомъ, мой дорогой коллега, это наилучшая часть нашего существованія: великолѣпная панацея отъ неврастеніи! Итакъ, мой другъ, до свиданія! Я съ восторгомъ возвращаюсь къ своему курсу лѣченія подъ жаркое солнце и мерцающія звѣзды!

Онъ вскочилъ, отдалъ честь, повернулся и горделивой поступью вышелъ изъ кафе́.

Ну, вотъ маленькая картинка для Васъ, мои молодые соотечественники, находящіеся дома, — для Васъ, футболисты, крикетисты, фланеры, скитающіеся безъ дѣла и цѣли по городу, регулярно покупающіе военные журналы и газеты тотчасъ же по выходѣ ихъ въ свѣтъ, и потомъ собирающіеся съ другими такими же фланерами въ излюбленныхъ барахъ. Пріѣзжайте сюда, юноши, здоровые, сильные и мыслящіе, пріѣзжайте сюда посмотрѣть или послушать, что дѣлаетъ Томми, какъ онъ это дѣлаетъ, и съ какимъ ликующимъ сердцемъ несется въ атаку на непріятельскія траншеи. Его духъ затронетъ въ Васъ одну-другую струну и поощритъ Васъ къ военнымъ подвигамъ — независимо отъ Вашихъ взглядовъ и настроеній!

А если Вы не можете выбраться сюда и сражаться — если Вы слишкомъ вялы для этого — тогда оставайтесь дома. Но не мѣрьте на свой аршинъ силу голубоватой стали винтовокъ; оставайтесь дома и учитесь охранять

своихъ возлюбленныхъ, вмѣсто того, чтобы дѣлать имъ глазки!

* * *

А если Вы пріѣдете сюда и будете сражаться, и преждевременно вступите въ соприкосновеніе съ осколками гранатъ или маленькими стальными пулями, мы будемъ смотрѣть за Вами и заботиться о Васъ, какъ смотримъ и ухаживаемъ теперь за Вашими братьями, находящимися на передовыхъ позиціяхъ. Вотъ обрывокъ — одинъ изъ многихъ, оставшихся въ моей памяти,—маленькой сценки на берегу, вдали отъ грохота пушекъ, конскаго ржанія и разрывныхъ снарядовъ. Моторный автобусъ осторожно заворачиваетъ на набережную. Спокойные, ловкіе люди съ красными крестами на рукавахъ—это французскіе врачи—подымаютъ коричневый, прохладный верхъ повозки и выглядываютъ изъ нея. „Англичанина", — произноситъ одинъ изъ врачей и дѣлаетъ короткую замѣтку въ своей кожаной записной книжкѣ.

Изъ автомобиля выносятъ Томми, лежащаго на вытяжку, какъ покойникъ,—избитаго, раненаго Томми съ непривычной бородой, пробивающейся на усталомъ лицѣ, но все еще съ острымъ взглядомъ, хотя онъ уже и не можетъ пѣть.

— Знаете какія-нибудь новости? — спрашиваетъ онъ. — Что германцы, еще не всѣ разбиты?

Мы разсказываемъ ему то немногое, что намъ извѣстно. Новости утѣшительны, и

Томми намъ безконечно признателенъ за эти скудные обрывки великихъ событій.

Онъ слабо улыбается; верхъ повозки опять опускается на свое мѣсто; высокій, бородатый офицеръ Краснаго Креста, съ нѣжными, какъ у женщины, руками, поглаживаетъ влажный лобъ раненаго солдата.

— Успокойтесь, успокойтесь! — говоритъ онъ; и нѣжно—о, какъ нѣжно! — Томми по сходнямъ переносятъ на ожидающій пароходъ.

Море спокойно и тихо; и, кажется, вся природа навѣваетъ сладкія грезы раненому солдату, отправляющемуся обратно — на родину—въ Англію.

ГЛАВА XI.

Укрѣпляющійся Городъ.

Рано утромъ восьмого сентября военный министръ издалъ новый приказъ, измѣняющій всѣ распоряженія, касающіяся выѣзда изъ Парижа автомобилей. Распоряженія относительно военныхъ корреспондентовъ становились все болѣе и болѣе строгими. Моему автомобилю разрѣшается выѣзжать не далѣе парижскихъ заставъ. Двойные и тройные ряды часовыхъ заграждаютъ путь.

Я проѣзжалъ сегодня черезъ Булонскій лѣсъ, или вѣрнѣе по внѣшней его опушкѣ. Ворота, ведущія въ лѣсъ, были закрыты. Лѣсъ переполненъ овцами и другимъ скотомъ, пасущимся на травѣ. Эти мирныя животныя охраняются часовыми съ примкнутыми штыками съ большей заботливостью, пожалуй, чѣмъ сами жители. Въ наше время, какъ извѣстно, бараны и быки цѣнятся на вѣсъ золота.

Только съ внѣшней стороны городскихъ заставъ французскіе инженеры, саперы, лѣсничіе, сторожа Булонскаго лѣса работаютъ, какъ каторжные: суетливая толпа добровольцевъ имъ помогаетъ. Мирный лѣсъ лишился своей зелени, чтобы прикрыть ею войска за воротами, а сами заставы охраняемы тяже-

лыми срубленными деревьями, въ которыхъ продѣланы маленькія отверстія для ружей карабинеровъ. Валы укрѣплены; тутъ и тамъ, вездѣ выкопаны траншеи. Сена отъ берега до берега загромождена раскрашенными барками, — безчисленнымъ множествомъ ихъ. Онѣ, какъ и Булонскій лѣсъ, наполнены до краевъ провизіей для осажденнаго города: пищей для людей и пищей для лошадей; однѣ нагружены сѣномъ и мѣшками овса. Другія совсѣмъ медленно движутся вдоль фарватера. Онѣ везутъ иной родъ жизненныхъ припасовъ — тысячи бочекъ съ керосиномъ — чтобы утолить жажду автомобилей, таксикэбовъ, фургоновъ Краснаго Креста и питательныхъ автобусовъ, которые отправляются, ряды за рядами, на передовыя позиціи. Такой огромный караванъ воистину величественъ. Онъ „спѣшитъ медленно", какъ та армія, о которой я Вамъ уже разсказывалъ, къ мѣстамъ за городомъ, туда, гдѣ онъ болѣе всего нуженъ. Интендантская часть исполняетъ свой долгъ великолѣпно. Здѣсь — топливо для этого громаднаго военнаго паровоза, — запасное топливо на много дней.

По дорогѣ назадъ, пытаясь найти другой выходъ изъ труднаго парижскаго лабиринта, я увидѣлъ инженеровъ въ ихъ странныхъ костюмахъ на работѣ между перекладинами и рельсами Эйфелевой Башни. Они поднимали на блокахъ скорострѣльныя орудія и прикрѣпляли ихъ на балконахъ, гдѣ въ мирные дни парижанинъ дремалъ надъ своимъ кофе и книгой. На головокружительной вер-

хушкѣ башни гудѣлъ безпроволочный телеграфъ, передавая новости войны по холмамъ и долинамъ по ту сторону тревожнаго города. Но таинственная владычица воздуха была не болтлива. Правда, она говорила что-то, но держа палецъ у своихъ устъ.

* * *

Я нашелъ возможность выѣхать изъ Парижа поѣздомъ. Германцы были отброшены назадъ съ захваченныхъ ими позицій къ болѣе далекимъ окрестностямъ, и часъ за часомъ, по мѣрѣ того, какъ они шли по направленію къ сѣверу, такъ-же, миля за милей, вновь открывалась желѣзнодорожная восточная линія, и поѣзда опять начали свое движеніе во всѣ края нейтральной Европы. Это въ самомъ дѣлѣ были хорошія новости. Каждый поѣздъ, отъѣзжавшій отъ города, былъ набитъ людьми; многіе изъ нихъ представляли собой экскурсантовъ, охваченныхъ духомъ приключеній, запасшихся корзинками съ закуской и бутылками вина, выѣхавшихъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и навѣстить свои заколоченныя пригородныя дачи, которыя незадолго до этого были вѣроятно осквернены шайками пруссаковъ. Быть можетъ, они и теперь еще хозяйничаютъ тамъ...

У Noisy-le-Sec, обширной соединительной станціи восточныхъ дорогъ, я увидѣлъ рядъ поѣздовъ съ солдатами и лошадьми, поспѣшно направляющихся вглубь страны. Хотя стояла

удручающая жара, но тѣмъ не менѣе солдаты выглядѣли радостно, весело и оживленно, такъ какъ они отправлялись на войну. Большая часть ихъ расположилась въ вагонахъ для лошадей, сидя посреди соломы, болтая ногами въ красныхъ брюкахъ, куря безконечныя папиросы, распѣвая пѣсни, горячась, уписывая сладости, которыя поднесли имъ дѣвушки, съ которыми они только что попрощались; и всѣ эти солдаты беззаботны и веселы, какъ мальчишки! Лошади, стоящія позади нихъ, сонно смотрятъ на это необычное зрѣлище, просовывая головы между буйными солдатскими головами. Всѣдъ за прошедшими поѣздами проносятся другіе, переполненные солдатами, легко ранеными въ ожесточенныхъ схваткахъ за Ланьи и между лѣсистыми холмами и долинамм въ исторической отнынѣ мѣстности вокругъ Кресси.

Въ одномъ изъ этихъ поѣздовъ я увидѣлъ первую партію германскихъ плѣнныхъ, отправляемыхъ въ Парижъ. Это были шесть прусскихъ офицеровъ, заключенныхъ въ такомъ же ящикѣ для лошадей и строго охраняемыхъ солдатами съ примкнутыми штыками. Они выглядѣли удрученными, испуганными и несчастными. Головы ихъ были обнажены; лица—пепельно-сѣрыя. Трое изъ нихъ носили очки, за стеклами которыхъ виднѣлось выраженіе ужаса. Я, право, думаю, что они разсчитывали быть черезъ полчаса разстрѣлянными или что-нибудь въ этомъ родѣ. Ихъ извлекли изъ лошадинахъ ящиковъ и провели въ вокзальное зданіе, гдѣ они

были помѣщены за желѣзной рѣшеткой и на время выставлены на показъ. Посѣщеніе этого временнаго звѣринца было большой привилегіей, но всѣ тѣ, кто были въ него допущены, не обнаруживали неумѣстнаго любопытства по отношенію къ этимъ блѣднымъ молодымъ людямъ въ поношенныхъ сѣрыхъ мундирахъ съ сорванными эполетами, и каждый изъ посѣтителей какъ-то невольно задумывался, глядя на этихъ плѣнниковъ, надъ участью ихъ истребленнаго полка. Ихъ не ругали и не освистывали, тѣмъ болѣе, не били, какъ это—увы, говорятъ,—происходитъ съ французскими и англійскими плѣнными: напротивъ, съ ними обращались съ большимъ уваженіемъ, какъ съ почетными военноплѣнными.

ГЛАВА XII.

„Красный Генералъ“ на войнѣ.

Такъ какъ въ Forêt de Crécy происходило сраженіе, то я на слѣдующій же день отправился взглянуть на него. Это—освященная земля, на которой Черный Принцъ заслужилъ себѣ шпоры, а французы и англичане сражались не какъ братья, какъ они сражаются теперь, а какъ смертельные враги. Около шестисотъ лѣтъ тому назадъ украшенныя сѣрыми гусиными перьями стрѣлы пѣли посреди зеленой муравы; въ наше время тринадцати-фунтовикъ производитъ совершенно иную музыку.

Въ моихъ скитаніяхъ по окрестнымъ опушкамъ я повстрѣчалъ—какъ я уже говорилъ Вамъ—трехъ заблудившихся англійскихъ солдатъ. Куда бы Вы въ этихъ мѣстахъ ни пошли, Вы обязательно наткнетесь на маленькія партіи этихъ заблудшихъ овецъ и ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ даже смутнаго представленія о томъ, гдѣ онъ находится,—полкъ его растерянъ или разбитъ, но самъ онъ не теряетъ спокойствія духа,—трубадуръ, ищущій счастья...

Въ такомъ же состояніи находились и мои три манчестерца, совершенно заблудившіеся и потерявшіе надежду выбраться изъ

лѣса. Я нашелъ ихъ сидящими на пнѣ и играющими въ ямочку въ перевернутомъ германскомъ шлемѣ. Они цѣлый мѣсяцъ упорно сражались и ихъ разсказы были интересными на рѣдкость и такъ же на рѣдкость сбивчивыми.

— Мы мѣрили дорогу безъ конца, — сказалъ одинъ изъ нихъ.—Наши сердца на мѣстѣ, но наши ноги превратились въ копыта...

Я отыскалъ имъ лодку—что-то среднее между яликомъ съ Темзы и рыболовнымъ плотомъ изъ Норфолька—и, работая коротенькими веслами, мы поѣхали вдоль по рѣкѣ и прибыли въ Ланьи вполнѣ благополучно, если не считать случайнаго столкновенія съ мертвой лошадью. Итакъ, мы высадились и очутились въ Ланьи. Это великолѣпный городокъ, построенный наполовину на одной сторонѣ рѣки (гдѣ глубина ея достигаетъ двадцати футовъ), наполовину на другой, и соединенный массивнымъ стальнымъ мостомъ. Теперь городъ раздѣленъ на-двое, благодаря взрыву хорошаго заряда динамита.

Британская кавалерія проѣхала по городу за день до жаркой травли улановъ. Она оставила за собой горсточку инженеровъ, чтобы взорвать мостъ. „Если мы не сможемъ идти впередъ, то мы не сможемъ идти и назадъ,“— сказали они довольно весело. „Долой мостъ, молодцы,—начинайте!“ Они исчезли въ вихрѣ пыли...

„Бумъ!“ Мостъ разлетѣлся на мелкія части, а вмѣстѣ съ нимъ и кровли, трубы и окна въ отелѣ du Pont de Fer на одной сторонѣ рѣки,

и въ модной мастерской mademoiselle Renée на другой. Жители, столпившіеся на почтительномъ разстояніи на томъ берегу рѣки, въ ужасѣ смотрѣли на это зрѣлище. Пять минутъ спустя, изъ главной квартиры пришелъ приказъ:

„*Мостъ взрывать не нужно: непріятель готовится отступать.*"

Печальное извѣстіе для Ланьи. Но война есть война, и съ мостами въ такое время считаться не приходится. Къ тому же новости были хорошія; непріятель отступалъ; а мосты, какъ и брюки, могутъ быть починены...

Я оставилъ Ланьи полнымъ суетливой жизни, только что начавшимъ приводить себя въ порядокъ; а мое дальнѣйшее путешествіе, на этотъ разъ уже безъ всякихъ недоразумѣній, привело меня въ мирную долину Grand Morin. Я ѣхалъ далѣе и далѣе по направленію къ западу, пока, наконецъ, въ самый полдень не увидѣлъ бѣлой пыли, поднявшейся на концѣ шоссейной дороги, и ряда лондонскихъ автобусовъ, набитыхъ внутри и снаружи „ярдами" чудеснаго французскаго хлѣба, кругами сыра, множествомъ капусты, и другими подкрѣпляющими продуктами.

Многіе изъ этихъ автобусовъ были запылены, запачканы кровью, и потеряли весь свой блескъ и полировку; но зато я увидѣлъ одинъ автобусъ № 58, ѣхавшій впереди всѣхъ другихъ, и уставился на него, какъ на стараго пріятеля, который несомнѣнно подво-

зилъ меня въ дни передъ мобилизаціей къ моему подъѣзду въ Мэйдъ-Вэлѣ. Его пышное великолѣпіе исчезло. Онъ не былъ болѣе гордымъ и блестящимъ „Краснымъ Генераломъ.“ Его рычаги, мѣста для пассажировъ и прочее были выломаны и выброшены, окна исчезли и уступили свое мѣсто листамъ изъ пробуравленнаго цинка, прикрывавшимъ ящики съ мясомъ. Не было видно расписаній и маршрутовъ, но мѣдный колокольчикъ все еще висѣлъ надъ головой вожатаго и отъ него спускался шнуръ. Кондукторъ исчезъ вмѣстѣ съ расписаніями.

Этотъ автобусъ произвелъ на меня необыкновенное впечатлѣніе. Конечно, я грезилъ, и, чтобы убѣдиться, что это не сонъ, мнѣ пришлось себя сильно ущипнуть. Видѣніе не исчезало: много автобусовъ проѣзжало съ внушительнымъ пыхтѣньемъ мимо меня. Слѣдующимъ проѣзжалъ отрядъ французской кавалеріи, съ опущенными поводьями, на великолѣпныхъ лошадяхъ, махавшихъ длинными хвостами и какъ бы посылавшихъ послѣдній привѣтъ оставленному ими городу; всѣ эти кавалеристы спѣшили на сѣверозападъ, гдѣ подъ черными угрюмыми облаками, трепеща отъ небесной артиллеріи, бушевала гроза иного рода ..

Это время отступали не мы. Гдѣ-то за тучами, отъ времени до времени пронизываемыми синеватыми полосами молніи, отступало правое крыло германцевъ.

* * *

Подъѣхалъ французскій офицеръ-кирасиръ, покосился на мой штатскій костюмъ, и пожелалъ узнать, что я тутъ дѣлаю. Я вытащилъ изъ бокового кармана цѣлую маленькую библіотечку паспортовъ, „permis de sejour“ и другихъ убѣдительныхъ документовъ, и офицеръ разсмѣялся и пожалъ мнѣ руку.

— Англичанинъ!—сказалъ онъ. — А, Вы можете итти. Все въ порядкѣ. Мы поворотили ихъ и подъ конецъ выгнали таки. Это нашъ первый шагъ къ Берлину!“ И онъ умчался, какъ вихрь. Онъ былъ счастливъ и радостенъ, какъ и всѣ французскіе воины, когда они несутся въ бой, закопченные въ пороховомъ дыму, съ пересохшими гортанями и опаленными бородами, но съ сердцами, горящими беззавѣтной любовью къ родинѣ.

Я узналъ отъ этихъ героевъ, что германское правое крыло было прогнано на двадцать-пять миль въ долину Марны и что оно все еще отступаетъ. И это было достаточно ясно для всѣхъ, кто только наблюдалъ то знаменательное облако впереди.

За одной изъ живописныхъ, маленькихъ деревушекъ, гдѣ жители выдѣлываютъ сочный сыръ-бри, когда они не сражаются за славу Франціи, я наѣхалъ на маленькій лагерь, состоявшій изъ десяти британскихъ солдатъ, закопченныхъ порохомъ. Это были солдаты Королевской Конной Артиллеріи—все, что осталось отъ ихъ сотни, отъ пятидесяти конныхъ артиллеристовъ и пятидесяти ре-

монтеровъ полевой артиллеріи, работа которыхъ — съ тѣхъ поръ, какъ они съ 500 батарейными лошадьми покинули Саутгэмптонъ, — состояла въ томъ, чтобы снабжать артиллеристовъ новыми лошадьми. Остальные девять десятковъ исчезли, но оставшійся десятокъ подъ отеческимъ покровительствомъ веснущатаго сержанта съ бараньими глазами, былъ довольно веселъ на видъ. Много дней тому назадъ они растеряли всѣ свои пожитки, кромѣ носильной одежды и съ тѣхъ поръ, какъ они покинули портъ Бискайскаго залива, въ которомъ они выгрузили своихъ лошадей, они не видали ни одного сѣдла.

— Цѣлыми недѣлями, — сказалъ сержантъ, — мы скакали безъ сѣделъ, каждый велъ за собой по нѣсколько лошадей, какъ на олимпійскихъ играхъ. Это было тяжелое время—только и думали, какъ бы сохранить про запасъ батарейныхъ лошадей, когда другія будутъ убиты. Жаркая работа? Чертъ возьми! Вблизи отъ огня, и ни у кого изъ насъ никакого оружія, кромѣ перочинныхъ ножей да винтовокъ, которыя мы подобрали по пути.

Теперь мы направляемся въ Лоншанъ, чтобы собрать тамъ побольше оружія. Вы имѣете какое-нибудь представленіе о дорогѣ туда? Мы не знаемъ, гдѣ мы находимся! Быть можетъ, это Тимбукту, кто его разберетъ!..

Посмотрѣвъ на артиллеристовъ, —или на то, что отъ нихъ осталось, —направившихся въ Лоншанъ по слѣдамъ пыли, поднимав-

шейся отъ омнибуса изъ Мэйдъ-Вэля, я двинулся по направленію къ долинѣ Марны. Соединенная лавина французской и британской кавалеріи врѣзалась въ отрядъ германской кавалеріи и разбила его совершенно на опушкѣ маленькаго лѣсочка за X. Здѣсь батарея нашей королевской Конной Артиллеріи съ горсточкой оставшихся въ живыхъ солдатъ и лошадей подъ прикрытіемъ срубленныхъ ими нѣсколько деревьевъ совершила блестящее дѣло.

Впереди, въ ста ядрахъ разстоянія, протекаетъ маленькій ручей, по ту сторону котораго была расположена германская артиллерія. Надвинулась гроза съ громомъ и во мракѣ началась артиллерійская дуэль.

Артиллеристы оріентировались по аэроплану Блеріо, кружившемуся высоко надъ ними, и такимъ образомъ не попадавшему подъ ружейный огонь. Какъ только разстояніе и направленіе выстрѣла однажды найдено, орудія могутъ палить безъ малѣйшаго затрудненія, такъ какъ отдача нейтрализована системой буфферовъ и колеса не могутъ откатиться ни на дюймъ. Съ другой стороны, германскія полевыя орудія, противопоставленныя здѣсь нашему отряду, были всѣ старой конструкціи, требовавшей безпрестаннаго корректированія и потери времени. Когда они находили разстояніе и направленіе, пальба ихъ была хороша, но все таки не чета нашей, и поэтому всякій разъ, какъ только разражался нашъ залпъ, мы ихъ или

разбивали или обращали въ бѣгство—однимъ словомъ, деморализировали совершенно.

Въ этой битвѣ, битвѣ въ сообществѣ съ грозой, мы забрали множество плѣнныхъ, конныхъ и пѣшихъ. Они были усталы и унылы, и признались, что у нихъ не хватило смѣлости стать лицомъ къ лицу съ атакой британской кавалеріи.

Гроза, разразившаяся въ концѣ этой битвы въ Марнской долинѣ, была чѣмъ-то вродѣ всемірнаго потопа. Французскіе и англійскіе солдаты сняли свои мундиры и рубашки и хорошенько освѣжились въ этой дождевой ваннѣ. Многіе стояли подъ этимъ ливнемъ совершенно обнаженными. Они представляли изъ себя очень странное зрѣлище—черныя, какъ у негровъ, лица и руки, а все остальное—снѣжной бѣлизны.

Это было наилучшее освѣжающее средство, какое они только имѣли съ самаго начала войны—это и радостныя, славныя новости о томъ, что германцы отступили изъ долины и уходятъ по змѣистымъ извилинамъ тихой Марны. Это было шумное отступленіе; и наши солдаты, набросивъ одежду на еще мокрое тѣло, съ новымъ рвеніемъ пустились преслѣдовать ихъ по горячимъ слѣдамъ.

Въ дорогѣ мнѣ пришлось услышать много разсказовъ о германскихъ звѣрствахъ по отношенію къ раненымъ. У маленькой церкви въ деревушкѣ Сэнъ-Жюстъ партія улановъ нашла бельгійскаго солдата, лѣвая рука котораго была почти отстрѣлена. Онъ лежалъ

на краю дороги, истощенный отъ боли и потери крови.

Вмѣсто того, чтобы ему помочь, германскіе солдаты начали надъ нимъ глумиться, а затѣмъ нанесли ему шесть ударовъ штыками въ плечи и бокъ. Затѣмъ они уѣхали, оставивъ бельгійца на дорогѣ почти приконченнымъ; но онъ собралъ свои послѣднія силы и проползъ по дорогѣ съ милю, оставляя за собой кровавый слѣдъ. Здѣсь онъ былъ найденъ шестью случайно набредшими солдатами, которые перевязали его тряпками, нарванными изъ своихъ собственныхъ рубашекъ, и перенесли въ безопасное мѣсто. Глотокъ краснаго вина привелъ его въ чувство, а въ настоящее время онъ окрѣпъ настолько, что можетъ спокойно разсказывать о происшедшемъ!

Я думаю, что эти отважные маленькіе бельгійцы чего-нибудь да стоятъ. Эти люди не изъ плоти и крови—они выкованы изъ стали.

ГЛАВА XIII.

Манящая рука.

Miles and miles and miles of desolation!
Свинбэрнъ.

По какому бы мѣсту не приходилось проѣзжать въ этой долинѣ Марны, разоренной войной, а еще такъ недавно такой прекрасной и полной мирной тишины,—вездѣ встрѣчаешься съ тѣмъ же горестнымъ зрѣлищемъ: природа, подобно Ніобеѣ, ломая руки, оплакиваетъ безсмысленную, безпощадную смерть своихъ дѣтей.

Здѣшняя мѣстность похожа на мою родную долину Узы, въ Гентингдонширѣ: небо—ясно-голубое съ клочками нѣжныхъ, бѣлыхъ тучекъ. На лугахъ пасется скотъ—или то, что отъ него осталось,—стоя по колѣно въ изумрудной травѣ; вечерній вѣтерокъ еще шумитъ въ ивахъ, склонившихъ надъ рѣкой свои серебряныя гибкія вѣтви; но птицы всѣ исчезли—улетѣли, Богъ знаетъ куда, подальше отъ военной грозы.

Подъ ясной лазурью неба царитъ тягостное молчаніе.

Пламенный вихрь пронесся надъ этой тихой мѣстностью, спаливъ и опустошивъ ее.

Медленныя воды Марны не заключаютъ уже въ себѣ нѣжное отраженіе неба въ лѣтній день; . . . .
. . . .

. . . Въ одномъ изъ изгибовъ рѣки, гдѣ по мелкимъ мѣстамъ тихо струится вода, покачиваются гибкіе камыши и, при утреннемъ вѣтеркѣ, испуганно что-то шепчутъ другъ другу. Въ тѣни ихъ, на половину засосанная въ грязи и тинѣ, лежитъ мертвая лошадь, осѣдланная и взнузданная, съ распоротой зіяющей раной въ горлѣ. Это кавалерійская лошадь: лошадь и всадникъ лежатъ здѣсь, такіе же друзья въ смерти, какими они были еще вчера — въ жизни, когда неслись, полные отваги, на крыльяхъ свѣжаго утра въ объятья славы или смерти. Кожаное стремя туго натянуто. Нога всадника все еще въ немъ, втиснутая твердо и плотно,—стройная, маленькая, изящная, узкая нога въ высокомъ сапогѣ, тщательно зашнурованномъ... Склонившись пониже къ водѣ, —въ это время его какъ разъ освѣщаетъ солнце—я могу различить щеголеватый офицерскій мундиръ стрѣлка, гвардейскаго стрѣлка... . . . .
. . . .
. . . .
. . . .

ГЛАВА XIV.

Человѣческій документъ.

Теплый сухой вечеръ засталъ меня безцѣльно бредущимъ вдоль пустынной пыльной улицы маленькой деревушки Crécy-en-Brie. Большинство домовъ здѣсь, какъ и въ другихъ окрестныхъ селахъ, были заперты и пусты. Улица засорена мусоромъ. Полуживыя отъ голода, грустныя кошки лежали на солнцѣ въ крайне унылыхъ позахъ и спали. Вдругъ изъ одного переулка вышелъ англійскій солдатъ, плотный кудрявый парень въ фуражкѣ, лихо сдвинутой на затылокъ; на своемъ широкомъ плечѣ онъ несъ французскаго мальчугана и съ увлеченіемъ разсказывалъ ему по-англійски какую-то чепуху, а ребенокъ удивленно смотрѣлъ на него широко раскрытыми глазами...

— Алло!— воскликнулъ онъ. — Вы—англичанинъ! Благословеніе Небу! Пойдемте къ „Зеленому Драгуну“ — это трактиръ тамъ, внизу улицы,—единственное мѣсто въ этой проклятой Богомъ дырѣ, гдѣ можно получить какое-нибудь питье, и то ничего, кромѣ рома. Но, это не такъ плохо!

Онъ потащилъ меня въ „Dragon Vert“ и тамъ я нашелъ шесть человѣкъ въ хаки, вплотную сидящихъ на скамейкѣ. У нихъ

былъ большой запасъ батарейныхъ лошадей, спрятанныхъ между деревьями на другомъ концѣ деревушки; они уныло бродили отъ берега по всей мѣстности съ тѣмъ, что они называли „запасными частями.“

— Скучная музыка,—сказалъ мой другъ, когда онъ поставилъ мальчугана у гостепріемной двери „Зеленаго Драгуна“ и велѣлъ ему идти домой.—Скучная музыка. Большая возня и никакой славы.

— Не деретесь?—спросилъ я.

— Нѣтъ, бываетъ иногда. И даже очень жарко. Но, наша служба плоха тѣмъ, что приходится смотрѣть за лошадьми, чтобы тѣ были способны замѣнить своихъ убитыхъ товарищей. И этимъ наше вниманіе отъ войны отвлекается. Наши кони всѣ чистокровные и требуютъ большого ухода. А когда у меня есть немного досуга, — я пишу дневникъ, но теперь у меня нѣтъ времени на это, потому что у моихъ лошадей почему то начались колики. Онъ отстегнулъ клапанъ бокового кармана своего мундира и вытащилъ оттуда дешевенькую записную книжку.

— Если Вамъ будетъ угодно заглянуть въ нее, сэръ, то мнѣ это будетъ очень пріятно.

Я не только въ нее заглянулъ, но и нашелъ ее такимъ рѣдкимъ человѣческимъ документомъ, что попросилъ ремонтера Тетчера дать мнѣ ее списать.

— Не хватитъ времени, сэръ. Она вѣдь вся исписана; одинъ Господь знаетъ, сколько времени я потратилъ, чтобы все это запи-

сать. Но я Вамъ ее прочту, если Вамъ угодно, тогда Вы узнаете ея суть. Я сейчасъ пойду покупать лошадей, а черезъ полчаса...

Итакъ, онъ прочелъ мнѣ ее, слово въ слово, съ авторской гордостью, сіявшей на его честномъ, загорѣломъ лицѣ. Вотъ она. Я не выброшу изъ нея ни слова ни за какія блага въ мірѣ. Съ великолѣпнымъ спокойствіемъ она повѣствуетъ о тревогахъ и волненіяхъ ремонтера Тетчера, Королевскаго полевого артиллериста, начавшихся съ того мучительнаго времени, когда у его чистокровныхъ коней неизвѣстно почему появились колики. Это было все, что его безпокоило. Передъ его глазами разверзалась преисподняя, разрывались гранаты, праздновала побѣду смерть. Ремонтеръ Тетчеръ съ нетерпѣніемъ все отбрасывалъ въ сторону. Какъ остановить эти треклятыя колики... вотъ что его волновало.

„Полки двинулись къ Франціи. Ну, мы вышли изъ Лондона, прошли черезъ Королевскій паркъ и пришли въ Саутгэмптонъ на слѣдующее утро около двухъ часовъ. Лошади всѣ въ порядкѣ, хотя самая рѣзвая изъ нихъ лягнула одного солдата на смерть... Благополучно прибыли въ Гавръ. Хорошая, быстрая переправа. Мой маленькій отрядъ расположился лагеремъ въ деревушкѣ по ту сторону города. Маленькій, хорошенькій домикъ для четверыхъ насъ, но задворки нѣсколько воняютъ. Но въ этой мѣстности всегда такъ. Хорошій кормъ—кролики, картошка и изобиліе пива, не нашего англійскаго,

но что-то вродѣ сидра. Четверо изъ насъ развлекались, какъ могли, и провели время очень весело, а на слѣдующій день въ десять часовъ отправились въ походъ.

Цѣлью нашего путешествія было мѣсто по названію Компьень на Узѣ. Мы вышли изъ Гамъ-Сомма 25-го около семи часовъ, оставивъ по дорогѣ трехъ мертвыхъ лошадей. Шли мы хорошо, окачивая нашихъ лошадей изъ водокачекъ и бочекъ частныхъ домовъ. Народъ вездѣ почтительный, услужливый, угощалъ насъ грушами и наполнялъ наши фляжки пивомъ. Все было хорошо. Вездѣ насъ встрѣчали крайне гостепріимно. Населеніе выходило изъ домовъ и улыбалось и давало намъ шоколадъ, фрукты и пиво, и прочія другія вещи.

Въ Компьенѣ мы столкнулись съ германцами. Была жаркая работа. Мы пустили въ ходъ всѣ наши пулеметы, а народъ изъ деревень въ паникѣ бросился къ Парижу. Все, что мы здѣсь увидѣли, привело насъ въ большое уныніе.

30-го въ воскресенье около одиннадцати часовъ мы вышли изъ Компьеня. Путь нашъ шелъ черезъ красивую маленькую деревушку, жители которой обламывали цѣлыя вѣтви у сливовыхъ деревьевъ и очень любезно бросали намъ эти плоды. Дорога была трудная. Страшно крутые косогоры, измучившіе нашихъ болѣе старыхъ и слабыхъ лошадей. У лошадей начались колики и это было скверно. Намъ пришлось оставить на дорогѣ много дохлыхъ и издыхающихъ лошадей.

Мы были уже на разстояніи шести часовъ отъ Парижа, когда германцы устроили намъ сюрпризъ, погнавъ насъ назадъ. Мы укрывались отъ нихъ въ темнотѣ до часа ночи, лежа по краямъ дороги, солдаты вмѣстѣ съ лошадьми. Проспали до пяти часовъ утра, а потомъ опять замаршировали, все еще отступая. Было жарко, какъ въ аду. Не было ничего ни ѣсть, ни пить. Изобиліе чая, но ни капли воды, чтобы его заварить. Подъ конецъ мы отыскали нѣсколько сухихъ бисквитовъ и коробокъ мармелада. У Билля Томсона, у котораго скверные зубы, послѣ этого они разболѣлись. Но, зубная боль во всякомъ случаѣ лучше голодовки...

Мы прошли черезъ Ролантиръ и Пьеррпондъ. (Примѣчаніе: хотя мистеръ Тетчеръ и очень осторожно обращается съ вышеприведенными названіями и датами, все таки не слѣдуетъ удивляться, если онъ случайно дѣлаетъ маленькія ошибки, происходящія скорѣе отъ незнанія труднаго французскаго языка, чѣмъ отъ чего либо другого. „Ролантиръ", о которомъ онъ здѣсь упоминаетъ, ни въ коемъ случаѣ не городъ; верстовые столбы съ обозначеніемъ этого имени попадаются на всѣхъ главныхъ шоссейнихъ дорогахъ. „Ролантиръ" это-предостереженіе для мотористовъ, указывающее на то, что впереди опасность. Литературно выражаясь, это слово указываетъ на то, чтобы здѣсь мотористы замедляли движеніе своихъ машинъ—по-нашему „тише ходъ."). Пища въ пути—яблоки и вода. Теперь мы черезъ лѣсъ

направляемся къ перевозу. Сегодня, слава Богу, ни одна лошадь не подохла. Я уже надѣялся, что намъ удалось унять эти... колики, какъ вдругъ моя лошадь упала въ ровъ посреди лѣса и съ цѣлый часъ никакъ не могла оттуда выбраться. Я никакъ не могъ ей помочь, потому что германцы оказались вблизи и ихъ гранаты лопались надъ нашими головами, какъ мыльные пузыри.

Бѣдный старый Дикъ (лошадь), онъ былъ такъ утомленъ этимъ длиннымъ походомъ. Подъ конецъ я его вытащилъ и продолжалъ свой путь и къ счастью успѣлъ догнать свой отрядъ.

Лѣса продолжаются двадцать три мили. Мы думали ужъ, что никогда изъ нихъ не выберемся—они казались безконечными. Была ночь и свѣтила луна, когда мы наконецъ добрались до Сатинессъ Сатернъ (?) Мы чувствовали себя совершенно разбитыми отъ усталости и у насъ не было ни пенни съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили Саутгэмптонъ, а это время представлялось намъ вѣчностью.

Въ четыре часа на слѣдующее утро мы пришли въ Рири, какъ разъ въ центръ его, съ усталыми лошадьми; сами мы устали еще болѣе и были совершенно голодные и высохшіе, какъ кости. Германцы со своей артиллеріей на насъ напали и бѣдный старый Дикъ взлетѣлъ на воздухъ. Я благодарю Бога, что не былъ на немъ въ то время.

Половина лошадей нашей батареи убита и намъ пришлось довольствоваться старыми изможденными клячами. Осталось только

нѣсколько артиллеристовъ, все еще стрѣлявшихъ и пѣвшихъ „Onwards, Christian Soldgiers„. Германцы напали на насъ, и наши артиллеристы отступили, предварительно заклепавъ всѣ пушки, чтобы сдѣлать ихъ непригодными для непріятеля. Они говорили, что догадывались, что имъ придется вернуться сюда черезъ день или два, и что когда они вернутся, они легко смогутъ ихъ исправить. Германцы этихъ штукъ не знаютъ и, такимъ образомъ, черезь нѣкоторое время мы сможемъ опять начать дѣйствовать.

1 сентября. Сраженіе все еще продолжается и съ большимъ ожесточеніемъ... (О битвѣ больше не сказано ничего, такъ какъ среди лошадей опять начались колики, а нашъ почтенный мистеръ Тетчеръ гораздо болѣе встревоженъ этимъ обстоятельствомъ и тѣмъ, какъ ему эти колики остановить, чѣмъ происходящимъ сраженіемъ).

2 сентября. Продолжаются бои, еще ожесточенѣе прежнихъ. Я не думаю, чтобы мы когда-либо вернулись въ Парижъ... Теперь мы идемъ къ Монтаньи, все время сражаясь. Ѣдимъ кроликовъ и яблоки, но денегъ нѣтъ, да пожалуй и не нужно, потому что ихъ не куда тратить. Курить нечего и поэтому мы довольны лишь на половину. Мы забрали множество германскихъ лошадей, большей частью офицерскихъ скакуновъ, забѣжавшихъ въ наши ряды. Я полагаю, что ихъ хозяева убиты, Я остановилъ одну изъ лошадей и нашелъ въ одной изъ сѣдельныхъ сумокъ желтый пакетикъ съ французскими сигарами.

Это было не очень плохо, долженъ я Вамъ замѣтить.

3 сентября. Сегодня мы сдѣлали четыре мили въ двѣнадцать часовъ. Сбились съ пути и должны были ползти по лѣсу на животахъ, какъ змѣи, чтобы избѣжать столкновенія съ этими германскими разбойниками. У насъ была одна винтовка на четверыхъ и мы работали ею по очереди. Одного мерзавца мы убили, а другого взяли въ плѣнъ. Оба они были полуголодными и покрыты струпьями. Затѣмъ винтовка испортилась, и намъ нечѣмъ было защищаться.

Подъ конецъ мы все таки нашли главный корпусъ. Ему какъ разъ нужно было побольше лошадей, и только что ихъ привели и начали запрягать въ орудія, какъ надъ нами показался германскій аэропланъ и спустился довольно-таки низко. Наши старались его подстрѣлить, и много пуль пробило его крылья, но потомъ онъ поднялся слишкомъ высоко. Мы лежали подъ деревьями и смотрѣли, какъ онъ улеталъ, какъ вдругъ обнаружился его злой умыселъ. Онъ поднялся еще выше и бросилъ въ насъ бомбу, но послѣдняя взорвалась очень слабо и никто не былъ раненъ.

На слѣдующій день мы промаршировали всю ночь, и пришли въ Ланьи Ториньи, и расположились за городомъ, а населеніе опять угощало насъ кроликами. Я сказалъ, что меня тошнитъ отъ кроликовъ, и мы съ Биллемъ Томсономъ отправились на ферму и забрали тамъ трехъ цыплятъ, которыхъ и

зажарили. Это было великолѣпно. За это намъ не попало, какъ Вы, быть можетъ, думаете, потому что Билль умѣетъ вывернуться. Если Вы зарѣжете цыпленка и зажарите его сразу, прежде чѣмъ онъ остынетъ, то тогда онъ вкуснѣе всего на свѣтѣ. Билль знаетъ много поварскихъ фокусовъ вродѣ этого, и вообще въ походѣ онъ незамѣнимъ. Въ Ланьи Ториньи мы услышали хорошія новости и узнали, что орудія нашей батареи были отбиты у германцевъ 32-ой бригадой Королевской Полевой Артиллеріи.

Въ двадцати миляхъ отъ Ланьи произошелъ жаркій бой, въ которомъ подстрѣливали германцевъ какъ куропатокъ. Мы забились въ уголъ и вышли изъ боя во время, послѣ того какъ успѣли починить пушки, заклепанныя нашими ребятами за двѣ минуты до того, какъ германцы ихъ схватили. Мы только что оставили нашъ лагерь, а въ немъ нѣсколько вагоновъ, какъ въ него стали падать германскіе снаряды и разнесли его въ куски.

3 сентября (*продолженіе*). Перестрѣлка еще продолжается, но уже не такъ сильно, хотя вернулись наши развѣдчики и сказали, что насъ окружаетъ 10,000 германцевъ. Сегодня вечеромъ я получилъ двѣ унціи Navy Cut *). Это первый разъ.

4 сентября. Въ пять часовъ 30 минутъ вечера мы вышли изъ лагеря и промаршировали до трехъ часовъ утра...

---

*) Распространенный сортъ курительнаго табака.

8 сентября. Мы далеко отошли отъ Парижа. Я думаю, мы никогда туда не попадемъ, какъ и германцы, если мы съ Биллемъ хоть что-нибудь смыслимъ.

11 сентября. Маршируемъ къ Креси. Мы теперь находимся позади главной арміи, но можемъ слышать грохотъ пушекъ.

12 сентября. Деревня Креси. Много ѣды и домовъ для ночлега. Здѣсь мы простоимъ до слѣдующихъ распоряженій. Колики еще не прекратились. Но ромъ въ трактирѣ очень хорошъ. Я надѣюсь, его хватитъ на все время нашего постоя.

Теперь на время я оставляю ремонтера Тетчера изъ Королевской Полевой Артиллеріи и Билля Томсона, столь искусно таскающаго цыплятъ, и весь этотъ беззаботный военный народъ, любящій своихъ лошадей больше всего на свѣтѣ, и не обращающій никакого вниманія на свистящія пули и смертоносную шрапнель, лишь бы ихъ „запасныя части“ были живы и здоровы и находились въ безопасности отъ ядеръ.

Мы пожимаемъ другъ другу руки на стоптанномъ порогѣ „Зеленаго Драгуна“; мистеръ Тетчеръ заботливо застегиваетъ клапанъ своего кармана, спрятавъ въ него свою драгоцѣнную книжку.

— Счастливаго пути, — говоритъ онъ.

ГЛАВА XV.

Битва движущагося лѣса.

Дорога, по которой я отправился къ Forêt de Crécy, была сплошь истоптана ногами спѣшившихъ солдатъ. Здѣсь прошла и артиллерія, оставивъ послѣ себя неисчислимые слѣды копытъ.

Дорога была глубоко изрыта колесами тяжелыхъ орудій. Крестьянинъ указалъ мнѣ дорогу къ лѣсу, но когда я наконецъ до него добрался, увы! Это былъ не лѣсъ, остались лишь жалкіе пни прежнихъ великановъ.

— Ахъ, нашъ прекрасный лѣсъ!—сказалъ мой гидъ.—Онъ уже болѣе не прекрасенъ. Его музыка замолкла; птицы не запоютъ уже въ его листвѣ. Forêt de Crécy гильотинированъ!

Пни стояли, плотные и могучіе, обезглавленные и еще (право, можно было себѣ это представить!) истекающіе кровью.

Оказывается, произошло слѣдующее.

Нѣсколько дней тому назадъ значительныя силы французовъ и англичанъ направились изъ Ланьи къ Марнѣ, чтобы дать подкрѣпленіе фланговымъ отрядамъ, которые уже шли впередъ. Германцы тоже шли впередъ, все болѣе и болѣе увеличивавшимися ордами, подгоняя свои батальоны. двигая

тяжелыя орудія, соединяя свою кавалерію, въ отчаянной надеждѣ добраться до Марны и броситься къ Парижу. Къ счастью мы во время успѣли это предупредить.

Одинъ изъ маленькихъ лѣсковъ къ юго-западу отъ Креси былъ уже занятъ непріятелемъ. Но, хотя лѣсъ являлся для германцевъ лишь временной засадой, тѣмъ не менѣе это обстоятельство вызвало у насъ все таки нѣкоторую задержку движенія. Ночью наши смѣлые развѣдчики разузнали ихъ мѣстоположеніе и вернулись обратно съ новостями о расположеніи ихъ кавалеріи на одной сторонѣ лѣса и инфантеріи—на другой.

Довольно неосторожно германцы двинулись по лѣсу съ фонарями, не подозрѣвая, что опасность такъ близка. Подъ конецъ они сообразили, что эти мерцающіе свѣтлячки могутъ послужить предостереженіемъ для врага, о близости котораго они все еще находились въ блаженномъ невѣдѣніи. Но было уже поздно. Ровно въ полночь сквозь дремлющія деревья посыпался градъ изъ нашихъ пулеметовъ и скорострѣлокъ. Ружейный огонь тоже былъ великолѣпенъ. Въ наше время солдаты не тратятъ зарядовъ попусту.

На слѣдующее утро въ лѣсу наши подобрали множество фонарей съ разбитыми стеклами и прострѣленными резервуарами.

Въ заключеніе хорошая кавалерійская атака совершенно очистила этотъ маленькій лѣсокъ. Наши потери были незначительны, но германцы пострадали серьезно.

Двадцать плѣнныхъ, захваченныхъ въ этой стычкѣ, столпившись, стояли въ сторонѣ. Ихъ винтовки не были отъ нихъ отобраны. Принявъ во вниманіе это обстоятельство, они были увѣрены, что присмотръ за ними будетъ слабый, выбрали удачный моментъ и попробовали...

Имъ не суждено повторить эту попытку еще разъ...

Теперь на мгновеніе вернемся въ Forêt de Crécy. Когда я увидѣлъ его въ день своего посѣщенія и узналъ, что случилось, и услышалъ эту исторію заново, — разсказанную съ хорошей примѣсью ланкаширскаго юмора тремя отставшими англійскими солдатами, которыхъ я тутъ встрѣтилъ, — книга моей памяти раскрылась на трагедіи Макбета, и я перечелъ въ ней снова, съ какимъ то особымъ чувствомъ, сцену встрѣчи Макбета съ вѣдьмами.

Наверху, среди клубящихся тучъ, парятъ наши Блеріо, эти Несторы воздуха, быстрыми точными сигналами указывающіе нашимъ артиллеристамъ, куда наводить грозныя пушки. Это — совершенно новая стратегія, и кто предскажетъ, какой переворотъ въ нашей жизни она еще совершитъ и какое будущее суждено человѣку, покорившему воздухъ...

* * *

Проходитъ нѣсколько часовъ. Завѣса громовой грозы зловѣще и угрожающе взвивается надъ другой сценой; аэропланы исчезли, моторные автобусы несутся на западъ, пе-

реполненные ранеными, и мы переносимся на столѣтія назадъ къ сценамъ и картинамъ средневѣковыхъ битвъ. Forêt de Crécy—это Бирнамскій лѣсъ. Быть можетъ, съ башни какого-нибудь замка смотритъ современный Макбетъ, пытаясь испуганными глазами изъ-подъ своего чернаго шлема разсмотрѣть, не двинулись ли деревья Forêt de Crécy!

Вотъ какъ обстояло дѣло—въ утреннемъ туманѣ, окутывавшемъ траншеи и деревья и дѣлавшемъ изъ проѣзжавшихъ солдатъ мрачныя привидѣнія. Какъ французы, такъ и англичане—цѣлыя массы ихъ—проложили себѣ дорогу черезъ лѣсъ топорами, пилами и даже саблями, и въ самое короткое время вырубили въ немъ обширную площадь. Пѣхота, рядъ за рядомъ,—каждый солдатъ вооруженъ густой вѣтью—двинулись впередъ сомкнутыми рядами по направленію къ непріятелю, между тѣмъ какъ позади, посреди срубленныхъ деревьевъ наша артиллерія устанавливалась со своими пулеметами и скорострѣлками, чтобы прикрыть „лѣсъ", съ шелестомъ движущійся впередъ.

Послѣдовавшая за этимъ атака, быстрая, упорная и самая отважная изо всѣхъ, которыя когда-либо происходили въ эту изумительную кампанію,—имѣла вполнѣ заслуженный успѣхъ. Германцы были разбиты наголову.

Таинственный, медленно двигавшійся лѣсъ несомнѣнно будетъ отмѣченъ на страницахъ —исторіи. Онъ извергалъ пламя и смертоносныя пули, между тѣмъ какъ гранаты

французской и британской артиллерій шипя пролетали надъ нимъ и разрывались надъ головами враговъ.

Но одинъ инцидентъ чуть было не измѣнилъ всего зрѣлища. У подножія холма съ правой стороны лѣса огромныя массы нашей боевой аммуниціи и припасовъ были сложены наготовѣ, на случай внезапной надобности и (повидимому) хорошо защищены со всѣхъ сторонъ. Подходившая на помощь французская кавалерія, совершая обходъ стороной, замѣтила холмъ и приблизилась къ нему на нѣкоторое разстояніе. На нѣсколько минутъ, всего лишь на нѣсколько минутъ они показались на горизонтѣ. При яркомъ солнечномъ свѣтѣ нельзя было не увидѣть красныхъ лампасовъ на зеленомъ фонѣ и бѣлыхъ жеребцовъ съ длинными хвостами, гордо выступавшихъ со своими всадниками, и они сразу были замѣчены германской артиллеріей.

Холмъ начали обстрѣливать гранатами; снаряды падали такъ близко отъ нашей драгоцѣнной аммуниціи и боевыхъ запасовъ, что положеніе, дѣйствительно, становилось непріятнымъ. Но англійскій солдатъ нашелся и въ этомъ положеніи...

Маленькіе отрядики нашихъ солдатъ вскарабкались на холмъ и поставили передъ нашими складами припасовъ большіе тяжелые ящики, защитивъ ихъ такимъ образомъ отъ разстрѣла на долгій срокъ.

Мои три солдатика (они оказались манчестерцами) участвовали въ этой отчаянной

продѣлкѣ, и они признавались мнѣ потомъ, что это были самыя жаркія минуты, которыя они когда-либо переживали. Они вышли изъ этого невредимыми—какъ и наша аммуниція. Но все это было слѣпой удачей, а не чѣмъ-либо инымъ.

Къ вечеру непріятель былъ отраженъ, Марна была очищена отъ германцевъ, и театръ войны все болѣе и болѣе переносился на западъ, все дальше и дальше отъ столицы Франціи.

ГЛАВА XVI.

Разгромъ Санли.

Какъ увлекательна охота за краснымъ звѣремъ... Борзыя напали на слѣдъ прусской лисицы; какой своеобразный спортъ представляетъ собой эта необычайная охота при блескѣ солнечнаго утра.

Я нахожусь сейчасъ внѣ Парижа, окутаннаго еще жемчужной пеленой разсвѣта, нѣсколько отставъ отъ другихъ въ этой ожесточенной травлѣ, но все таки не совсѣмъ потерявъ ихъ изъ виду. Дорога бѣжитъ впередъ длинной прямой лентой между рядами стройныхъ деревьевъ. Тутъ и тамъ градъ шрапнелей превратилъ пышныя вѣтви въ жалкіе обрывки, и листья густымъ ковромъ лежатъ вдоль дороги. По краямъ дороги попадаются могилы, свѣжими насыпями указывающія на кровавыя столкновенія недавнихъ дней. Но населеніе за время этой короткой пока еще войны настолько успѣло привыкнуть къ этимъ могиламъ, что обращаетъ на нихъ вниманіе не болѣе, чѣмъ на кротовыя норы. Тутъ и тамъ, гдѣ большая дорога развѣтвляется направо и налѣво, встрѣчаются торфяныя насыпи въ четыре-пять футовъ вышины, скрѣпленныя наскоро отесанными деревянными бревнами, а за этой громадой на-

ходится нѣчто вродѣ допотопнаго жилища съ первобытной кровлей и съ кроличьей норой вмѣсто двери. Изъ этого жилища выскакиваетъ часовой, помахивая своимъ длиннымъ тонкимъ штыкомъ.

— Что Вы тутъ дѣлаете, monsieur?

Я показываю ему мой паспортъ, солдатъ пожимаетъ мнѣ руку, и я опять бреду подъ стройными деревьями, причемъ на самомъ стройномъ изъ нихъ я успѣваю замѣтить однимъ глазкомъ уютное гнѣздо, а возлѣ — трехъ зловѣщихъ черныхъ вороновъ.

А дальше, за весь слѣдующій часъ, я не встрѣчаю на своемъ пути ни признака войны ни малѣйшаго намека на нее; царитъ полнѣйшая тишина: ряды яблонь вдоль дороги подставляютъ лучамъ яркаго солнца отягощенныя плодами вѣтви; весело журча, пробѣгаетъ живописный ручеекъ; поютъ женщины, занятыя полевыми работами; коровница доитъ лѣнивую рыжую корову; прелестная ферма стоитъ въ центрѣ этого пейзажа, а около нея прогуливается великолѣпный пѣтухъ, гордо выступая и созывая побѣдоноснымъ кличемъ подчиненныхъ ему куръ, — право, все это является необходимыми атрибутами для какой-нибудь мирной сельской картинки въ духѣ Джорджа Элліотъ!

Затѣмъ дорога круто спускается внизъ въ долину, и я вижу отблескъ высокаго бѣлаго замка, отражающагося въ озерѣ, окруженномъ деревьями; черезъ рѣчку переброшенъ бревенчатый мостъ, и вдругъ мы оказываемся въ предмѣстьѣ города. Въ воздухѣ

стоитъ ѣдкій запахъ гари. Намъ попадается навстрѣчу старуха-крестьянка съ передникомъ, наполненнымъ хлѣбомъ, и мы спрашиваемъ ее, какой это городъ.

— Это совсѣмъ не городъ, m'sieurs,—съ горечью отвѣчаетъ она,—хотя еще вчера это былъ городъ. Теперь это развалины Санли. Германцы—ахъ! (она плюетъ на землю)—были здѣсь до вчерашняго дня, они пробыли здѣсь три дня, они здѣсь пировали и все раскрадывали, оскверняли и сжигали. А затѣмъ произошла тревога, затѣмъ страшное побоище въ дымящихся улицахъ, а потомъ они убѣжали съ поджатыми хвостами, какъ побитыя собаки! Это была великолѣпная битва, сэры! Подите въ городъ, тамъ Вы больше услышите о ней.

Городъ дымился еще, какъ костеръ въ осенній вечеръ. Дѣйствительно, онъ представлялъ изъ себя совершенныя развалины. На двухъ главныхъ улицахъ Faubourg St-Martin и rue de la République всѣ дома до одного были выжжены, всѣ кровли провалились, зіяли окна, черныя отъ дыма; на опаленныхъ стѣнахъ были написаны мѣломъ грубыя шутки съ каррикатурами въ качествѣ иллюстрацій; всюду валялись рваные башмаки, глиняная посуда, мебель, прорванныя картины, люльки, стѣнные часы, желѣзные товары, подушки, кровати, все это полу-сожженное и запачканное кровью; разгромъ неописуемый. Единственнымъ домомъ на главной улицѣ, оставшимся нетронутымъ, былъ Hôtel du Grand Cerf, первый отель въ городѣ;

онъ остался въ цѣлости лишь потому, что германскіе офицеры избрали его своимъ мѣстопребываніемъ на время постоя. Отель былъ еще открытъ—я вошелъ въ него. Въ пустынной прихожей я встрѣтилъ хозяйку отеля, стройную, красивую даму съ черными волосами и глазами, очень краснорѣчиво описавшую мнѣ трагедію, разыгравшуюся у нея на глазахъ.

— Есть у Васъ что-нибудь поѣсть?—спросилъ я, такъ какъ былъ голоденъ.

— Ничего нѣтъ, m'sieur, кромѣ шести маленькихъ коробокъ съ сардинами и трехъ бутылокъ шампанскаго. Три бутылки шампанскаго—это все, что осталось отъ почти двухъ тысячъ бутылокъ нашего погреба, да и то онѣ уцѣлѣли только потому, что ихъ я успѣла спрятать...

Кромѣ этого, нашлись еще хлѣбъ и масло и немного сыра Грюйеръ. Эта скромная трапеза происходила въ огромной пустынной столовой; хозяйка отеля, присутствовавшая при моемъ завтракѣ, разсказала мнѣ слѣдующее!

— Три дня тому назадъ, въ Санли въѣхали германскіе солдаты. Солдаты? На нихъ были сѣрые мундиры и новенькіе черные кивера н они везли тяжелыя орудія, но это были не солдаты. Это были разбойники, m'sieur. Половина изъ нихъ, я увѣряю Васъ, пришла уже пьяной. Два офицера пришли въ замокъ майора, схватили его и заявили, что когда они вступали въ городъ, какой-то молодой человѣкъ стрѣлялъ по нимъ, и что за это можетъ быть только одно наказаніе. Май-

оръ былъ поставленъ передъ стѣной своего дома, а вмѣстѣ съ нимъ и двое изъ нашихъ самыхъ уважаемыхъ гражданъ, monsieur Симонъ и monsieur Барберъ и эти трое, такіе храбрые, безупречные, благородные люди, были разстрѣляны! Клянусь Вамъ, m'sieur, это произошло у этого самаго окна, гдѣ Вы теперь сидите! Вонъ стѣна, поверните только голову и Вы ее увидите. Вотъ тѣ замѣтки и эти пятна,—все это слѣды, оставленные пулями.

Офицеръ, командовавшій разстрѣломъ, подозвалъ нѣкоторыхъ горожанъ, стоявшихъ неподалеку и дрожавшихъ отъ волненія. Онъ указалъ на тѣла майора, monsieur Симона и monsieur Барбера и толкнулъ ихъ ногой. „Унесите эту дрянь и заройте“,—сказалъ онъ. И это было сдѣлано.

Хозяйка открыла другую коробку сардинъ, поставила ее на столъ и возвратилась къ своему разсказу.

— За этимъ послѣдовали другія безчинства. Прусскіе офицеры и многіе изъ ихъ команды направились къ собору и принесли оттуда всѣ свѣчи и подсвѣчники, какіе они только могли найти. Потомъ они составили цѣлый полкъ изъ обитателей города. „Теперь ступайте“,—сказали они,—„по улицамъ города и откройте въ Вашихъ домахъ всѣ окна и двери.“ Горожане это сдѣлали, удивляясь, что все это могло бы значить. „А теперь,“—сказали эти мучители,—„поворачивайтесь и ступайте опять—на этотъ разъ уже на поля за городомъ. Принесите сѣно съ сѣнныхъ

стоговъ, спѣлую рожь съ полей, каждый по охапкѣ, какую только можетъ снести."

Они сдѣлали и это. Когда они вернулись въ городъ, имъ было приказано сложить все это сѣно и рожь у себя въ домахъ. Все это было сдѣлано крайне тщательно, такъ что ни одинъ домъ въ Санли не остался безъ сѣна или соломы. Горожане шагали впередъ военнымъ маршемъ, позади нихъ маршировали германцы съ зажженными свѣчами изъ собора. Они маршировали со свѣчой въ одной рукѣ и съ бутылкой шампанскаго—моего шампанскаго, m'sieur!—въ другой, а когда сѣно и солома были раздѣлены по всѣмъ домамъ поровну, они бросали горящія свѣчи въ каждое изъ открытыхъ оконъ до тѣхъ поръ, пока городъ, нашъ любимый городъ, не превратился въ море пламени...

... Вотъ немножко кофе, m'sieur; но, увы, коньяку нѣтъ. Я сварю кофе, а затѣмъ Вы услышите конецъ этой исторіи.

* * *

Офицеры и многіе изъ этихъ демоновъ, бывшихъ съ ними, стали на постой въ этомъ отелѣ, конечно, безъ моего разрѣшенія. Они записали свои фамиліи въ книгѣ посѣтителей—вотъ она: я храню ее, какъ память объ ихъ звѣрствахъ... Они заставили меня накрыть имъ мои самыя лучшія простыни, приготовить комнаты, нагрѣть галлоны воды для теплыхъ ваннъ и подать имъ самыя лучшія кушанья, какія только имѣлись у меня. Они перерыли всѣ погреба и принесли оттуда тысячу восемьсотъ двадцать бутылокъ

шампанскаго. Они ѣли и пили безъ конца, они превратились въ звѣрей... Одинъ изъ офицеровъ остановилъ мою маленькую дочурку на лѣстницѣ. „Вы слишкомъ молоды“, сказалъ онъ. „Но я желаю имѣть что-либо на память объ этомъ пріятномъ визитѣ. Что это виситъ на серебряной цѣпочкѣ на Вашей шейкѣ?“

Это былъ медальонъ съ изображеніемъ Св. Дѣвы. Пруссакъ отнялъ его у испуганнаго ребенка и надѣлъ медальонъ на свою воловью шею. „Это“—сказалъ онъ—онъ говорилъ по-французски довольно-таки хорошо, какъ и многіе изъ нихъ—„будетъ мнѣ воспоминаніемъ о Санли—о Санли и о хорошенькой дѣвочкѣ!

Въ четвергъ вечеромъ—это было вчера—картина измѣнилась. Въ городъ примчался ураганъ солдатъ, нашихъ ангеловъ-хранителей. Примчались маленькіе зуавы въ таксикэбахъ, нѣсколько сотъ зуавовъ: трое въ кэбѣ, а одинъ на крышѣ кэба. Они пріѣхали и прогнали германцевъ. Произошла ожесточенная, кровавая битва за городомъ и наши одержали верхъ. На одной только фермѣ за милю отсюда, полегло двѣсти пятьдесятъ германцевъ. Въ сосѣдней деревнѣ было убито на двѣсти человѣкъ больше и много взято въ плѣнъ: плѣнныхъ охраняли только два раненыхъ французскихъ солдата и три англичанина. Пятеро— на двѣсти человѣкъ, m'sieur. Но эти пятеро всѣ были храбрецами, а тѣ двѣсти—свиньи—пьяныя свиньи!

ГЛАВА XVII.

Часъ завтрака.

Изъ моего дневника.

Суббота. — Парижъ. Мѣсто дѣйствія — кафе—Avenue de l'Opera. Многіе изъ эпикурейцевъ, видимо бравируя, вернулись къ мѣсту своихъ былыхъ тріумфовъ. Парижъ привѣтствуетъ ихъ, весело улыбаясь, и усыпаетъ ихъ путь трюффелями и прочими шедеврами гастрономической кухни...

— Garçon, — hors d'oeuvre'ы! Слуга вноситъ большой, плоскій подносъ, раздѣленный на двѣнадцать отдѣленій и занятый съ боку огромной порціей пате. Въ отдѣленіяхъ находятся всевозможныя закуски на-выборъ— анчоусы, сардины, селедки, картофельный салатъ, раки и т. д. Хрустящія, теплыя булочки, нѣжное нормандское масло, бѣлоснѣжная скатерть, блестящіе стаканы, стукъ ножей и вилокъ, хлопанье пробокъ, шипѣніе сироповъ, изобиліе краснаго и бѣлаго вина. Тарелка monsieur наполнена paté de fois gras. Салфетка подвязана подъ подбородкомъ. Глаза — сіяютъ. Онъ принимается за ѣду.

— Эти рачки великолѣпны, ma foi, великолѣпны. Только въ небольшихъ дозахъ, съ дюжину или такъ... ахъ!..

...А теперь за завтракъ! Но человѣкъ, не употребляющій hors d'oeuvre'овъ въ Кафе, ненормаленъ, mon ami! Онъ не знаетъ, что нужно для спасенія души!

* * *

Въ разрушенномъ Санли.

Понедѣльникъ. — Широкія ступени прекраснаго собора. Городъ разрушенъ и еще курится. Ѣдкій запахъ гари заражаетъ воздухъ. Горячее, сіяющее солнце заходитъ надъ маленькой группой офицеровъ Генеральнаго Штаба французской арміи. Они усѣлись въ кружокъ на опрокинутыхъ пустыхъ ящикахъ изъ-подъ моторнаго бензина и въ креслахъ, вынесенныхъ изъ развалинъ когда-то прекраснаго замка майора. На ящикахъ изъ-подъ моторнаго бензина постланы бѣлыя скатерти. Тутъ даже есть салфетки, старательно сложенныя на подобіе епископскихъ митръ.

Молодой лейтенантъ подходитъ къ ступенямъ собора. Руки его заняты провизіей — ярдомъ хлѣба, тремя бутылками рейнвейна, оставленными германскими офицерами при ихъ внезапномъ бѣгствѣ изъ города (теперь они лежатъ мертвые и еще непогребенные на той ужасной фермѣ за четыре мили отсюда), четырьмя коробками сардинъ и кругомъ грюйерскаго сыра, завернутаго въ старый номеръ „La Guerre Sociale". Онъ не мо-

жетъ отдать честь генералу, такъ какъ руки заняты, но, тѣмъ не менѣе, онъ щелкаетъ шпорами и неловко кланяется.

— Вы позавтракаете съ нами, лейтенантъ?

— Merçi, mon général, но я уже завтракалъ. Онъ пожираетъ глазами скромныя, но тѣмъ не менѣе соблазнительныя яства, которыя самъ же разставляетъ на скатерти, отдаетъ честь и спускается опять въ мрачный городъ.

Завтракъ идетъ своимъ чередомъ, а во время его женщины и дѣвушки, блѣдныя, со страдальческими глазами, всѣ въ черномъ съ головы до ногъ, поднимаются по ступенямъ храма, дрожа проходятъ мимо блестящихъ мундировъ и прокрадываются черезъ большую западную дверь обширнаго собора, чтобы помолиться о своихъ дорогихъ усопшихъ...

* * *

Компьенскій лѣсъ.

Вторникъ.—Французская колонна маршируетъ по лѣснымъ просѣкамъ: все тихо кругомъ; изрѣдка лишь раздается тяжелый скрипъ огромныхъ колесъ аммуниціонныхъ повозокъ. Во главѣ колонны идутъ зуавы, по четыре человѣка въ рядъ; всего ихъ — около двухъ тысячъ. По дорогѣ на сѣверъ, подъ сѣнью вздыхающихъ деревьевъ, я пускаюсь

въ разговоры съ однимъ изъ ихъ офицеровъ—стройнымъ, гибкимъ молодымъ человѣкомъ съ темными мечтательными глазами поэта, глазами, смотрящими куда-то вдаль, и съ мягкимъ музыкальнымъ голосомъ.

— Тутъ, — говоритъ онъ, указывая на начало колонны, — вотъ тутъ маршируютъ двѣсти героевъ красныхъ таксикэбовъ. Когда Санли еще пылалъ, а враги, точно отвратительные гномы, плясали при заревѣ пожара, мои зуавы въ маленькихъ кирпично-красныхъ моторахъ весело ворвались въ городъ, застали врага врасплохъ, многихъ убили, а остальныхъ прогнали обратно въ лѣса. Полковника они нашли спящимъ въ замкѣ monsieur Симона (котораго онъ велѣлъ разстрѣлять), и погнали его въ одной сорочкѣ черезъ паркъ. Онъ спрятался въ канаву, но они его нашли...

Здѣсь разсказъ прерывается. Отъ головы колонны раздается короткая команда „Стой"! Она пробѣгаетъ по всей линіи и доходитъ и до моего лейтенанта. „Стой"! говоритъ онъ своимъ нѣжнымъ дѣвичьимъ голосомъ, а въ слѣдующую минуту зуавы схватываютъ свои винтовки, освобождаются отъ котомокъ и бросаются въ сочную траву, растущую по краямъ дороги.

Парами и по-трое пробираются они въ лѣса, ползя въ травѣ, подобно змѣямъ. Между тѣнями деревьевъ раздаются получеловѣческіе крики и въ просѣку возвращаются загорѣлые, широкобородые воины и каждый изъ нихъ держитъ въ рукѣ фазана.

Птицъ сейчасъ же рѣжутъ, ощипываютъ и жарятъ. Запахъ жаренаго мяса кажется очень вкуснымъ. Красное вино изъ фляжекъ заключаетъ пиршество. Папиросы, табакъ, а затѣмъ...

— Смирно!—и быстрая команда, призывающая къ маршировкѣ. Колонна выстраивается и опять отправляется въ путь. Къ краснымъ фескамъ зуавовъ прикрѣплено по радужному фазаньему перу. Мы не удовлетворены законами природы въ этой гигантской кровавой игрѣ. Мы стараемся внести въ нее наши собственные законы.

* * *

Деревня Паншаръ.

Среда. — Не осталось ни одного дома. Даже деревенскіе садики совершенно опустошены пронесшимся ураганомъ. Старая-престарая женщина, одна изъ немногихъ, не пострадавшихъ отъ тевтонской ярости (потому, что она была слишкомъ ужъ стара), спотыкаясь, бредетъ ощупью полуслѣпая вдоль по улицѣ, заваленной мусоромъ. Мы предлагаемъ ей денегъ и говоримъ нѣсколько сочувственныхъ словъ. Она бросаетъ деньги на землю и топчетъ ихъ ногами, обутыми въ деревянные башмаки.

— Деньги!—кричитъ она. — Что дѣлать мнѣ съ деньгами въ этой пустынѣ? Ради Бога, дайте мнѣ хлѣба... Я умираю съ голоду!

* * *

Въ поѣздѣ.

Четвергъ.—Поѣздъ, мчащійся къ Noisy-le-Sec. Томми изъ аммуниціонной колонны Королевской Полевой Артиллеріи весело сидитъ на охапкѣ сѣна. Ремонтеры на заднемъ планѣ находятся въ томъ же положеніи. Томми вскрываетъ свою жестянку съ консервированнымъ мясомъ тупымъ ключомъ для сардинокъ. Онъ выуживаетъ оттуда кусочекъ и предлагаетъ его мнѣ на кончикѣ своего штыка. Очень сытно, но сухо. Я вытаскиваю свой термосъ и съ шумомъ его откупориваю. Кофе, приготовленный на зарѣ, дымится—горячій и ароматный.

— Что это? — говоритъ Томми, — кофе, горячій кофе! Это такъ хорошо, что даже не вѣрится. Спасибо, я не откажусь, если можно... А теперь скажите, сэръ, нѣтъ ли у Васъ съ собой чего-нибудь вродѣ англійскихъ газетъ? Мы уже цѣлые мѣсяцы не знаемъ, что вообще дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Я отыскиваю измятый номеръ „Daily News“ и вручаю его солдатику. Онъ бѣгло его просматриваетъ. Война, война, война; всѣ столбцы заполнены войной. Другого ничего или очень мало. Томми грустно отдаетъ мнѣ газету.

— Я хотѣлъ бы прочесть, что подѣлываютъ наши... Гдѣ тутъ отдѣлъ спорта?

— Убитъ на войнѣ!—отвѣчаю я.

— Я такъ и думалъ!—говоритъ Томми.— Ну, и война...

ГЛАВА XVIII.

Какъ мы привезли хорошія новости.

— Мы идемъ впередъ, — сказалъ французскій кавалерійскій офицеръ, — чтобы выгнать германцевъ изъ Компьеня. Пріятное воскресное развлеченіе, m'sieur!

Что бы ни обѣщало намъ воскресенье въ числѣ своихъ развлеченій, такое развлеченіе въ этотъ воскресный вечеръ было особенно пріятнымъ. Компьенскій лѣсъ купался въ солнечныхъ лучахъ. Бѣлая дорога на сѣверъ къ городу была густо покрыта пылью; и хотя по ней и двигалась колонна, это движеніе, тѣмъ не менѣе, было совершенно безшумнымъ. Колеса аммуниціонныхъ повозокъ, казалось, сами устали отъ того шума, который они обыкновенно производили; гулъ моторныхъ автобусовъ, наполненныхъ провіантомъ — въ одномъ ряду я насчиталъ ихъ семьдесятъ восемь — замолкъ, и топотъ пѣхоты, маршировавшей по дорогѣ, былъ такъ тихъ, что все это создавало впечатлѣніе, будто солдаты шли въ ночныхъ туфляхъ. Не было ни спѣшки, ни тревоги; да этого никогда и не бываетъ у этихъ спокойныхъ, обдуманныхъ человѣческихъ пѣшекъ, дѣлающихъ тѣ или иные ходы въ этой міровой шахматной игрѣ. Здѣсь все было разсчитано

до часа, до минуты. Когда пришло время завтрака, — позднѣе обыкновеннаго, потому что намъ пришлось его отложить изъ-за поврежденнаго моста, оставшагося за нами на много миль, — мы позавтракали довольно лѣниво подъ тѣнью деревьевъ; а потомъ замаршировали дальше и напали на важный слѣдъ, приведшій насъ къ траншеямъ пруссаковъ, гдѣ въ рытвинѣ лежалъ мертвый уланъ головой внизъ, а ногами вверхъ, какъ будто онъ туда нырнулъ, да такъ и остался. Надъ нимъ возвышался столбъ съ надписью:

Компьенскій лѣсъ.

Здѣсь охотиться строго воспрещается.

Мы ощупали винтовки на нашихъ плечахъ и двинулись впередъ. Тюркосы, легко маршировавшіе по четыре въ рядъ, причемъ каждый несъ на себѣ около ста фунтовъ аммуниціи весьма разнообразнаго свойства, были уже не новички въ бою, и радостное извѣстіе о томъ, что для нихъ здѣсь найдется работа, заставило ихъ громко пѣть и исполнять какую-то неистовую боевую музыку въ то время, какъ они проходили черезъ лѣсъ.

Многія сотни ихъ уже вышли побѣдителями — такъ разсказывалъ мнѣ одинъ изъ ихъ офицеровъ — изъ отчаяннаго нападенія на ничего не подозрѣвавшихъ германцевъ въ эрманонвильскомъ лѣсу.

Это была битва въ таксикэбахъ и тюркосы участвовали въ ней на десяткахъ хорошо знакомыхъ всѣмъ намъ красныхъ таксикэбовъ, присланныхъ изъ Парижа.

Не успѣли мы еще углубиться въ лѣсъ, какъ колонна, которую я сопровождалъ, получила внезапный приказъ остановиться. Оказывается, произошло быстрое измѣненіе плановъ и только что былъ полученъ приказъ повернуть къ западу. Что это могло значить? Французская армія стояла еще въ облакѣ пыли, занимая болѣе мили по извилистой дорогѣ, и почесывала въ затылкахъ.

— Очевидно,—сказалъ мой любезный капитанъ, — непріятель разузналъ о нашемъ приближеніи и или уходитъ, или уже ушелъ въ это время изъ Компьеня. Приказъ, данный намъ, ясенъ вполнѣ: двигаться по направленію къ западу и оставить городъ. Вотъ уже три недѣли, какъ пруссаки захватили его; одинъ Богъ вѣдаетъ, что они тамъ натворили.

— Я поѣду и посмотрю,—сказалъ я.

— Это будетъ интересно, — согласился офицеръ. — Желаю вамъ пріятнаго путешествія. Оно будетъ прелюбопытнымъ. Пруссаки... — Онъ усмѣхнулся многозначительно.

Я сказалъ, что отправлюсь туда немедленно, если только это возможно. Время было дорого и было необходимо попасть обратно въ Парижъ до наступленія ночи.

— Тамъ ничто не можетъ задержать васъ, m'sieur!

— Извините,—сказалъ я, — многое можетъ.

Видите, тамъ на дорогѣ стоитъ столбъ, указывающій путь къ Компьеню. Между этимъ столбомъ и мною находится довольно внушительная часть третьей дивизіи французской арміи.

— Тысячу извиненій, m'sieur. Они сейчасъ подвинутся...

„Подвинутся“ — означало, что они продвинулись впередъ и, понемногу раздавшись въ стороны, очистили мнѣ путь къ тому самому мѣсту, гдѣ стрѣлка верстового столба показывала „A Compiègne“, такъ что я могъ проѣхать на своемъ автомобилѣ черезъ эту движущуюся человѣческую массу, домчаться до осажденнаго города и въ обѣденное время вернуться обратно въ Парижъ.

Это было восхитительно со стороны моего славнаго капитана. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что я изъ себя представляю, — за исключеніемъ лишь того, что я былъ англичанинъ—другъ и братъ. Но тѣмъ не менѣе онъ настроилъ армію по отношенію ко мнѣ чрезвычайно дружелюбно и привѣтливо; поэтому, когда я проносился мимо солдатъ, тщетно стараясь сдѣлать серьезное лицо, двѣ тысячи французскихъ солдатъ радостно меня привѣтствовали, всѣ до одного человѣка...

Прямая лѣсная дорога въ Компьень оказалась слишкомъ „горячей“, чтобы быть пріятной.

„Ж-жиг“ — надъ моей головой прожужжала пуля, ударилась въ дерево, стоявшее на краю дороги, и отскочила отъ него съ

визгомъ, жалобнымъ, какъ вопль чайки, бросаемой вѣтромъ изъ стороны въ сторону. „Ж-жиг" — пуля еще и еще. Безцѣльная, дикая пальба, но все же лучше быть отъ нея подальше; поэтому мы беремъ въ сторону и маленькія траншеи пруссаковъ остаются далеко за нами.

Въ деревушкѣ Паншаръ, въ этой самой разоренной мѣстности изо всѣхъ, какія мнѣ когда-либо приходилось видѣть, гдѣ сожженъ каждый домъ и разрушены даже свинарни, гдѣ на дорогахъ валяются распухшіе и зловонные трупы собакъ, а солдатскія могилы находятся на задворкахъ — нельзя было сомнѣваться въ значеніи этихъ маленькихъ пригорковъ съ красными деревянными крестиками—мы наткнулись на груду обломковъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавой стычки и сложенныхъ въ кучу. Тутъ лежали два тяжелыхъ опрокинутыхъ моторныхъ автобуса, колесами вверхъ.

Разбились ли эти автобусы въ поединкѣ другъ съ другомъ? Передъ нами очевидное доказательство стычки, ибо одинъ изъ автобусовъ — германскій, аспиднаго цвѣта и весь раскрашенный. Другой—четырехугольный, британскій, привезенный во Францію такъ поспѣшно, что не успѣлъ еще перемѣнить своего кирпично-краснаго цвѣта, и на одной сторонѣ его я прочелъ написанную золотыми буквами рекламу фирмы:

Croydon Creamery Company,—

а подъ этимъ, напечатанную болѣе мелкимъ

шрифтомъ замѣтку, призывавшую публику обратить вниманіе на тотъ фактъ, что Croydon Creamery Company не имѣетъ соперниковъ по части изготовленія кэксовъ, мороженаго и конфектъ.

Здѣсь, по очень странному стеченію обстоятельствъ, я встрѣтилъ мистера Джоффри Юнга, моего коллегу изъ „Daily News“. Вѣжливый и доброжелательный, готовый всегда помочь своему ближнему въ несчастьи, онъ стоялъ на колѣняхъ на заднемъ дворѣ разрушеннаго дома и старательно разгребалъ груду углей, чтобы найти шкатулку съ жалкими сбереженіями бѣдной вдовы, погребенную подъ развалинами ея дома. Старушка тоже стояла на колѣняхъ подлѣ моего друга. Это было зрѣлище, котораго я никогда не забуду, увѣряю васъ!

Но, увы, шкатулка такъ и не была найдена!

Мы соединились и отправились вмѣстѣ въ Компьень. У предмѣстья города мы увидѣли толпу горожанъ. Они разсказали намъ, что германцы всего два часа тому назадъ въ страшной суматохѣ оставили городъ, но, уходя, взорвали мостъ черезъ Уазу. Всѣ улицы города были полны народомъ, преимущественно женщинами, въ глубокомъ траурѣ.

Мы проѣхали въ скверъ, гдѣ стоитъ знаменитый памятникъ Орлеанской Дѣвѣ; народъ толпился вокругъ насъ: старики размахивали шляпами, а женщины восторженно кричали, видя въ насъ вѣстниковъ приближающагося избавленія отъ всѣхъ ужасовъ.

Мы были англичанами, и насъ обнимали, цѣловали, намъ пожимали руки и плясали вокругъ насъ.

— Какія новости, messieurs, какія новости? Какъ дѣла на войнѣ? Мы жизнь отдадимъ за новости,—кричали они.—Мы много дней были слугами, рабами этихъ германцевъ. Мы кормили ихъ и оказывали имъ пріютъ; мы давали имъ самое лучшее, что у насъ только было. Правда, они нашъ городъ не разграбили: они не сожгли ни одного зданія и нашъ прекрасный замокъ стоитъ на своемъ мѣстѣ, но они выпили все наше вино, разоривъ всѣ погреба, выкурили весь нашъ табакъ и поѣли всѣ запасы шоколада. Мы должны были угощать ихъ сладкимъ до тѣхъ поръ, пока не израсходовался весь сахаръ; мы должны были денно и нощно служить имъ и ждать ихъ приказаній — это было ужасно. Мы уже думали, что намъ навсегда придется остаться ихъ рабами. И вдругъ они уѣхали, внезапно и поспѣшно. Въ страшной тревогѣ они пересѣкли рѣку и исчезли. Когда мы увидѣли, что они уѣзжаютъ, мы не вѣрили нашимъ глазамъ. Значитъ, новости должны быть хорошія. Неправда ли, m'sieurs?

Мы имъ это подтвердили; мы разсказали имъ объ общемъ отступленіи германцевъ, и они были такъ счастливы, что пѣли побѣдныя пѣсни въ скверѣ вокругъ памятника внимательно слушавшей ихъ Орлеанской Дѣвы...

И когда лучи заходящаго солнца нѣжно

упали на ея воинственный ликъ,—казалось, что Дѣва улыбается...

* * *

Домой мы мчались съ быстротой вихря по другой дорогѣ, по долинѣ и черезъ холмъ смерти. Прекрасная мѣстность была усѣяна ужаснѣйшими реликвіями кровавыхъ сѣчъ. Одинъ холмъ былъ усѣянъ всѣмъ, что осталось отъ германской баттареи — страшными грудами человѣческихъ труповъ, дохлыхъ, разложившихся и распотрошенныхъ лошадей и корзинами съ съѣстными припасами.

Британская кавалерія второй дивизіи нашей первой арміи напала на врага изъ-за лѣсной засады и докончила дѣло артиллеріи. Проѣзжая, мы видѣли, какъ на капустномъ полѣ, находящемся за полемъ битвы, крестьяне спѣшно выкапывали могилы и бросали туда мертвецовъ, какъ рѣпу, а затѣмъ кое-какъ забрасывали ихъ влажной землей.

На небольшомъ разстояніи отъ этого поля лежала масса мертвыхъ лошадей. Крестьяне покрыли ихъ ржаной соломой, облили ее масломъ и подожгли. Запахъ горѣлаго мяса былъ отвратителенъ и, когда я нечаянно наткнулся на это зрѣлище, то почувствовалъ сильную тошноту. Но вскорѣ я привыкъ къ этому чудовищному занятію. Скажу больше, вскорѣ мертвые люди и мертвыя лошади сдѣлались для меня столь же обыкновеннымъ зрѣлищемъ, какъ придорожные камни и верстовые столбы,

Тутъ и тамъ возлѣ нихъ — въ самомъ дѣлѣ, возлѣ нихъ! — спитъ, растянувшись, усталый французскій солдатикъ, спитъ такъ мирно, сладко, какъ будто онъ у себя дома на своей постели. И пока Вы до него не дотронетесь, трудно опредѣлить, кто изъ нихъ живой, а кто мертвый...

Недалеко отъ Торси былъ взорванъ мостъ надъ каналомъ. Тридцать пять французовъ въ синихъ блузахъ отчаянно работали надъ починкой моста, стараясь его зачинить хотя на время, чтобы дать возможность переправиться черезъ него резервнымъ войскамъ: охотникамъ со свѣжими сворами. Они плелись по дорогѣ, неся на плечахъ огромные шесты, лѣсные пни, лишенные своего зеленаго убора, балки строевого лѣса и грубо отесанныя широкія доски.

— Помогите намъ, messieurs! — закричали они, и мы съ шофферомъ сбросили наши куртки и начали пыхтѣть вмѣстѣ съ остальными. Только что мы успѣли подвести подъ этотъ полу-разрушенный мостъ что-то вродѣ лѣсовъ, ежеминутно грозившихъ обрушиться, какъ мы завидѣли длинный рядъ автомобилей съ артиллерійскими офицерами, мчавшійся по узкой дорогѣ. За ними тянулась запыленная аммуниціонная колонна — дюжины огромныхъ моторныхъ автобусовъ, нагруженныхъ военными припасами, повозки для экскурсій „по Парижу и окрестностямъ“, многія изъ нихъ съ еще неснятыми парижскими объявленіями...

Мы помогли имъ кое-какъ переправиться черезъ сооруженный нами мостъ, но громоздкій арьергардъ своей тяжестью разрушилъ нашу хрупкую постройку, и пришлось начинать ее снова.

ГЛАВА XIX.

Армія шестидесятилѣтнихъ.

Изъ моего дневника.

Каждый вечеръ теперь туманы спускаются все раньше и раньше. Ночи длиннѣе, а большой мѣсяцъ, служившій фонаремъ для яростныхъ ночныхъ битвъ, мерцаетъ теперь слабымъ огонькомъ въ ночномъ небѣ. Въ лѣсахъ за Санли ночи тоже стали длиннѣе. „Тѣмъ лучше для насъ", говорятъ крестьяне,—„и для нашихъ мертвецовъ. Намъ остается больше времени для нашихъ ночныхъ погребеній"...

Итакъ они выходятъ, эти старики, сгорбленные, со слезящимися глазами, съ заступами и кирками на плечахъ —исполнять повелѣніе своихъ новыхъ хозяевъ, обѣщавшихъ имъ хорошія харчи и жалованье, если только они исполнятъ свою работу быстро и аккуратно. Они представляютъ изъ себя новый корпусъ французской арміи, корпусъ шестидесятилѣтнихъ; и когда ихъ вербуютъ, то никакой предѣльный возрастъ не служитъ препятствіемъ для принятія ихъ на службу.

Когда на землю спускается покровъ ночи, они выходятъ изъ своихъ деревень и фермъ и образуютъ длинное, молчаливое шествіе,

направляясь къ своей работѣ около полуразложившихся мертвецовъ. Ихъ путь освѣщается фонарями и факелами, ихъ тѣни покачиваются, какъ призраки, въ мерцанiи лучей. Это—маленькiе старички, согнутые вдвое, но тѣни ихъ между деревьями кажутся тѣнями гигантовъ...

* * *

Кресты изъ ивовыхъ прутьевъ.

За ними слѣдуютъ ихъ жены, неся пучки очищенныхъ ивовыхъ прутьевъ и мотки проволоки. Онѣ отламываютъ по кусочку отъ каждаго прута и крестообразно связываютъ ихъ проволокой. Всякiй разъ, какъ онѣ среди груды мертвыхъ тѣлъ находятъ застывшiй и окоченѣвшiй трупъ офицера, онѣ втыкаютъ въ его могилу крестъ изъ ивовыхъ прутьевъ. Такъ, часъ за часомъ, ночь за ночью, исполняетъ этотъ корпусъ шестидесятилѣтнихъ со своими женами крестоносицами свое мучительное ремесло; блѣдные и усталые, переходятъ они отъ кладбища къ кладбищу... Ихъ ивовые пучки уменьшаются по мѣрѣ того, какъ увеличивается число могильныхъ насыпей. Это не Божье поле, это поле дьявола!

Спускается мрачная ночь, сальныя свѣчки въ желѣзныхъ фонаряхъ слабо мерцаютъ—мерцаютъ и гаснутъ. На востокѣ брезжитъ заря—не мягкая, какъ тѣ сентябрьскiя зори, при нѣжномъ свѣтѣ которыхъ танцуютъ въ

просѣкахъ эльфы, нѣтъ, не такая, а сурово-хмурая, и грохотъ пушекъ вдали указываетъ на быстро бѣгущее время — на начало дня...

Потомъ собираются дождевыя тучи, надвигающіяся по командѣ неумолимаго юго-западнаго вѣтра. Небо за ними мрачное и слезливое.

...Теперь оно изливаетъ цѣлые потоки слезъ на солдатскія могилы. Неглубокіе рвы, набитые мертвыми тѣлами, превращаются въ топи, и съ каждаго маленькаго холмика ручьями струится вода, бурая вода, смѣшанная съ красными струйками... Кровь и слезы.

* * *

Въ Шампани.

Военная непогода не разразилась надъ этой мѣстностью, но опустошеніе и грабежъ оставили и на ней свои зловѣщіе слѣды. Виноградники срѣзаны, чтобы очистить мѣсто для безпощадныхъ непріятельскихъ войскъ. Вездѣ валяются милліоны зрѣлыхъ гроздьевъ, растоптанные и истекающіе сокомъ. Винодѣльные города были разграблены, погреба опустошены, а уборка винограда не состоялась изъ-за нашествія дикихъ прусскихъ ордъ, обезумѣвшихъ отъ жажды. Тутъ и тамъ встрѣчаются слѣды шумныхъ пирушекъ и безудержнаго пьянства. Безъ сомнѣнія здѣсь, въ этихъ грудахъ выпитыхъ, разбитыхъ бутылокъ надо искать причину сожженія городовъ и

деревень, оскверненія храмовъ и похищенія женщинъ...

Германскій солдатъ, и въ трезвомъ состояніи и пьяный, является слишкомъ терроризирующей силой, чтобы съ ней не считаться. Пьяный германскій солдатъ на войнѣ совершаетъ неслыханныя злодѣянія. Разсказы женщинъ, переданные мнѣ въ этой мѣстности,—переданные мнѣ съ чистосердечіемъ, которое Вы у себя дома сочтете невозможнымъ,—заставляли меня содрогаться, хотя мнѣ приходилось быть очевидцемъ сценъ такого смертельнаго ужаса, что одной изъ нихъ достаточно вполнѣ, чтобы воспламенить негодованіемъ душу мужчины. И всѣ эти разсказы достаточно достовѣрны: одинъ часъ, проведенный среди этихъ мученицъ въ трауре, медленно повѣствующихъ о перенесенныхъ ими страданіяхъ, налагаетъ на ихъ разсказы печать истины—и въ этомъ я также увѣренъ, какъ въ томъ, что еще свѣтитъ солнце надъ этой разграбленной, опустошенной поруганной мѣстностью Франціи—La Belle France!

* * *

Назадъ въ Парижъ.

Послѣ тринадцати кошмарныхъ дней я пробираюсь черезъ парижскія заставы мимо часовыхъ какъ разъ въ то время, когда заходитъ солнце и пламенное око прожектора съ Эйфелевой башни опять начинаетъ про-

изводить свои изслѣдованія между тучъ. Въ городѣ я нахожу спокойствіе, и тутъ и тамъ вспыхивающія искорки добраго стараго духа. Газеты пересыпаны шутками. Да! Парижскій журналистъ, который нѣсколько дней тому назадъ метался, какъ испуганный кроликъ съ бумажкой на хвостѣ, теперь опять вернулся къ мѣсту дѣйствія своихъ былыхъ тріумфовъ. Онъ носитъ чистый воротничекъ и галстухъ бабочкой. Онъ отыскиваетъ въ кафе свой старый столикъ, требуетъ бокалъ вина и берется за перо, бумагу и чернила...

Появились и беззаботныя пташки. Ихъ высокіе каблучки весело постукиваютъ по широкимъ троттуарамъ излюбленнаго бульвара. На губкахъ появились свѣжія полоски кармина. Купидонъ снова натянулъ свой лукъ...

* * *

Опять въ Лондонѣ.

Проѣхать изъ Парижа въ Лондонъ теперь болѣе не считается чѣмъ-то вродѣ кругосвѣтнаго путешествія, а отнимаетъ у меня всего нѣсколько часовъ. Я нахожу клубъ точно такимъ, какимъ его и оставилъ—знакомыя лица, сердечный пріемъ, то же самое меню и тотъ же самый мирный философъ, покусывающій конецъ своей толстой сигары.

— Алло, уже обратно?—спрашиваетъ онъ.

— Да,—отвѣчаю я.—Обратно, чтобы пе-

реодѣться и подышать свѣжимъ воздухомъ, а завтра утромъ опять въ путь—назадъ.

— Ну,—говоритъ онъ, — значитъ, какъ разъ есть время для одного роббера въ бриджъ между двумя сраженіями. Сыграемъ?..

* * *

Фолкстонская гавань. *(Понедѣльникъ).*

Я писалъ свой дневникъ въ вагонѣ. На перронѣ я встрѣчаю пріятеля и, такъ какъ онъ возвращается обратно въ городъ, я вырываю страницы и прошу его, если у него есть время, занести ихъ на Fleet-Street.

...Что новаго принесетъ эта новая недѣля, хотѣлъ бы я знать... Я опять отправляюсь скитаться. Это бродяжничество въ военное время страшно затягиваетъ, если разъ имъ заразишься.

ГЛАВА XX.

Вихрь.

Ударъ за ударомъ грома. Голубоватыя молніи, съ блескомъ вылетающія изъ массы свинцовыхъ тучъ. Проливной дождь, струящійся потоками, застилающій зрѣніе, пронизывающій насквозь и рѣжущій кожу, какъ ножъ. Глубокая, вязкая грязь,—доходящая до щиколотокъ, до колѣнъ, до пояса; каждая дорога—топь и каждый переулокъ—болото! И новая армія—западная армія—марширующая впередъ за честь и славу Франціи: свѣжіе люди, свѣжія лошади, свѣжія орудія, пылкіе солдаты, хорошо откормленныя лошади подъ попонами изъ парусины и брезента.

Такимъ образомъ, въ воскресенье 20-го сентября, началась эта достопамятная недѣля и продолжался пятидесятый день войны. Кто кромѣ смертельныхъ враговъ могъ сражаться въ такихъ ужасныхъ условіяхъ? Это казалось невѣроятнымъ. Рѣки вышли изъ береговъ, маленькіе ручейки, бывшіе нѣсколько дней тому назадъ не болѣе лужицъ, теперь превратились въ ревущіе потоки. Энъ теперь—широкая рѣка, покрытая пѣной, и по прежнему несетъ на своихъ волнахъ прямо къ морю багровый грузъ изъ мертвыхъ тѣлъ. Удары грома могутъ довести до сумасшед-

ствія. При каждомъ его ударѣ, разражающимся съ неимовѣрнымъ грохотомъ, показываются синіе огни молніи. И подъ этимъ оглушительнымъ олимпійскимъ шумомъ здѣсь, на землѣ, всякое проявленіе человѣческой вражды кажется смѣшнымъ, и военная гроза представляется дѣтской игрушкой.

По какому-то странному совпаденію я находился въ самомъ центрѣ ея. Я не вырабатывалъ ни плановъ, ни задачъ: на это не было времени; но какой-то непонятный инстинктъ толкнулъ меня и бросилъ, удивленнаго и слегка испуганнаго, — я искренно признаюсь Вамъ, что былъ подавленъ размѣрами всѣхъ этихъ ужасовъ — въ самое сердце движенія западной арміи.

Уже прусскія орды дико и угрюмо отступали, шагъ за шагомъ, какъ волки, отвоевывая себѣ каждый дюймъ дороги, на которой находилось лѣвое крыло союзнаго фронта. Во время грохотавшей грозы или, вѣрнѣе, цѣлой серіи грозъ—такъ какъ не предвидѣлось конца ни имъ, ни ихъ ярости—въ нѣсколько часовъ былъ задуманъ, развитъ и обработанъ обширный планъ. Съ востока значительныя силы лотарингской арміи спѣшили, получая въ дорогѣ сильныя подкрѣпленія, къ западной линіи, чтобы нанести врагу роковой ударъ, столь желанный для всѣхъ генераловъ во всѣхъ войнахъ — такъ называемое „удачное обходное движеніе". Это или часть этого была исполнена подъ завѣсой громовыхъ тучъ, съ синеватой молніей вмѣсто факела, чтобы указывать дорогу,

и съ шумящимъ дождемъ, чтобы заглушить шаги приближающейся арміи. Исполненіе этого плана продолжалось до тѣхъ поръ, пока непріятель не понялъ его и не погналъ своихъ солдатъ съ орудіями, провіантомъ, аэропланами, поварами и чистильщиками сапогъ съ лѣваго фланга линіи на правый! Но мозги, которыми шевелитъ прусскій Джаггернаутъ, быстрые, сильные и ясные: поэтому пруссаки потеряли немного народу на этотъ разъ.

Это былъ бѣгъ подъ дождемъ. Кто добѣжитъ первымъ? Мало можно было узнать новостей, да и не откуда, въ сущности, потому что въ такой ливень ни одинъ аэропланъ не могъ подняться больше чѣмъ на пять минутъ. Все это казалось трудной загадкой—просто какія-то военныя жмурки!

Правое крыло германцевъ зашло въ трудную мѣстность къ сѣверо-западу отъ Нойона, загнавъ свои отчаянно измазанные въ грязи легіоны въ каменоломни, которыми изобиловала эта мѣстность, устанавливая орудія на возвышенностяхъ, господствующихъ надъ рѣкою и желѣзною дорогою, окапываясь въ маленькихъ рощахъ и посылая летучіе эскадроны своихъ легкихъ всадниковъ на щеголеватыхъ лошадяхъ во весь опоръ черезъ деревни, между деревьями, не боясь плѣна, совершая самыя смѣлыя предпріятія.

А сзади шли главныя силы, цвѣтъ германской арміи; все шли, шли и шли въ числѣ почти невѣроятномъ. Они все какъ бы „укатывали дороги“, эти бѣлокурые тевтоны, го-

нимые къ славѣ и смерти, съ глазами обращенными на югъ, съ желѣзнымъ крестомъ вмѣсто путеводной звѣзды, со смѣлостью такой же удивительной, какъ всегда.

Они дерутся великолѣпно. Правда, между ними есть и гунны, и разбойники, и насильники, но они прекрасные солдаты, у нихъ хорошіе генералы и безграничная смѣлость. Смѣлость противъ смѣлости, а стратегія противъ стратегіи—вѣсы колеблются то на одну сторону, то на другую...

Ревъ пушекъ все еще звучитъ въ моихъ ушахъ, пока я это пишу, я, военноплѣнный, запертый въ мастерской съ самодовольно-улыбающимся жандармомъ, который сидитъ на гладкой платформѣ паровой самоточки, раскачивая ногами въ красныхъ брюкахъ. Я разскажу о своихъ приключеніяхъ въ этомъ любопытномъ положеніи потомъ. Но теперь—настолько, насколько я могу и насколько мнѣ это позволятъ, я буду говорить о сраженіи, и о томъ, что я видѣлъ и что я слышалъ, прежде чѣмъ случайности войны зацѣпили и меня, и вывели изъ этой суматохи, связаннаго и съ завязанными глазами...

Въ самомъ началѣ этой горячей недѣли я попалъ подъ страшный ливень, коловшій мою кожу тысячами иголокъ въ А—, среди всевозможныхъ военныхъ случайностей, среди марширующей, грязной, измокшей арміи, неутомимой пѣхоты, шедшей впередъ подъ дождемъ, какъ громадная орда измокшихъ крысъ. Тутъ же, къ величайшему моему удивленію, былъ и генералъ N, самый вѣжли-

вый, корректный и внимательный воинъ, какого только можно было встрѣтить. Онъ находился здѣсь со своимъ штабомъ; его быстрые глаза схватывали всѣ подробности, касавшiяся людей, лошадей, орудiй, аммуницiи, продовольствiя, госпитальнаго устройства. Изъ того, какъ солдаты привѣтствовали его, когда онъ пролеталъ мимо нихъ на своемъ большомъ, запачканномъ грязью моторѣ, видно было, какъ они его любили, какъ они его обожали. Какимъ образомъ попалъ онъ сюда и зачѣмъ? Только какими-то чарами, чарами столь же удивительными, какъ путешествiе на коврѣ-Самолетѣ, можно было объяснить это. Онъ явился оттуда, гдѣ онъ былъ раньше, гдѣ онъ ожидалъ спѣшнаго призыва на отдаленное поле битвы... Но мы ничего не будемъ объ этомъ говорить, кромѣ того, что онъ былъ очень нуженъ въ этомъ великомъ дѣлѣ, и именно здѣсь.

Генералъ бросилъ взглядъ на эту красную и синюю толпу и кивнулъ ей головой. Въ его улыбкѣ была бодрость; словъ было немного, но онѣ были ласковы и удовлетворяли солдатъ, которые шлепали по проливному дождю. Пусть небо хмурится надъ ними и преслѣдуетъ ихъ грозами, что имъ за дѣло, разъ ихъ вождь улыбается! За этими грозными облаками сiяетъ звѣзда Францiи!

Такимъ образомъ западная армiя шла слегка какъ бы полукругомъ къ рѣкѣ Энъ подъ дождемъ, подъ грозами, ревѣвшими надъ ними; непогоды жестоко преслѣдовали ихъ по всему пути. Пѣшiе стрѣлки на лег-

кихъ маленькихъ велосипедахъ съ деревянными ободами и красными резиновыми шинами спѣшили впередъ—убѣдиться, что путь свободенъ, ибо при этихъ ливняхъ воздушная развѣдка не была возможна.

Путь былъ свободенъ, довольно свободенъ, пока вокругъ рощицъ около лѣса X велосипедисты не наткнулись на германскій разъѣздъ, дѣлавшій то же, что и они, не догнали его и не захватили ихъ, совершенно запыхавшихся, въ плѣнъ. Нѣсколько миль къ западу отъ лѣса, въ маленькомъ городкѣ X, удобно расположенномъ на одномъ изъ разлившихся притоковъ Уазы, генеральный штабъ установилъ свою главную квартиру. Помѣщеніемъ для штаба служилъ цѣлый корпусъ большого завода и тутъ гибкій умъ вождей западной арміи, остановивъ движеніе колесъ завода, сосредоточился надъ рѣшеніемъ великой задачи. Во вторникъ утромъ дождь прекратился и поднялся сильный югозападный вѣтеръ; солнце показалось во всемъ своемъ лѣтнемъ великолѣпіи; длинныя, ровныя дороги высохли съ удивительной быстротой и даже измученный солдатъ могъ наслаждаться жизнью.

Въ X мы разобрали наши драгоцѣнные аэропланы, расправили ихъ желтыя крылья и разбили для нихъ уютный лагерь на восхитительной полянкѣ среди волшебнаго пейзажа. Въ пятнадцати километрахъ отъ насъ,—хотя мы этого и не знали,—прусскіе орлы расправляли свои крылья и чистили свои перья. Съ разстоянія пяти или шести миль

къ западу, тяжелый грохотъ нашихъ собственныхъ орудій доходилъ до нашихъ ушей. Германская артиллерія слышалась нѣсколько слабѣе, потому что была дальше. Километръ за километромъ наша армія продвигалась впередъ по прежнему—„бросками“.

На обширномъ фабричномъ дворѣ французскіе солдаты, обнаженные до пояса, чистили грязные автомобили нашего генерала и его штаба, особенно старательно полируя мѣдныя части. Генералъ позавтракалъ только что пойманнымъ фазаномъ (несмотря на то, что онъ былъ ярымъ спортсмэномъ, а до октября было еще далеко), и быстро проѣхалъ черезъ городокъ, чтобы поближе познакомиться съ грохотомъ, который слышался вдалекѣ. Тогда въ блестящую лазурь поднялись наши аэропланы; все выше и выше взмывали они ввысь, пока ихъ жужжанье не стало совсѣмъ неслышнымъ, а крылья не начали напоминать крылья жуковъ. Наконецъ мы пришли въ себя; наши люди высохли, лошади тоже и наши безстрашные орлы устремились навстрѣчу солнцу...

Нѣсколько минутъ спустя, съ сѣверо-запада, откуда дымъ большихъ орудій перекатывался черезъ холмы, висѣлъ клубами въ воздухѣ и исчезалъ—аэропланъ „Таубе“ бросился къ намъ, какъ ласточка съ распростертыми крыльями. Нашъ маленькій Блеріо, чуя опасность, поднялся вверхъ быстрыми кругами и очутился высоко надъ „Таубе“. Потомъ онъ спустился внизъ, „Таубе“ уклонился, круто планируя, и я услыхалъ два

выстрѣла, прозвучавшіе не громче двухъ ракетъ въ Кристаллъ Палласѣ. „Таубе“ повернулъ и обратился въ бѣгство. Наша птица гналась за нимъ до тѣхъ поръ, пока соколъ и его добыча не исчезли изъ виду. Воздушная дуэль представляла красивую и возбуждающую картину. Удивительно красивую!

Утро было восхитительно, казалось, оно было создано для танцевъ фей... Но за милю или за двѣ отъ насъ было царство смерти. Мы уже привыкли къ этому. Теперь мы постоянно имѣемъ съ ней дѣло. Мы сражаемся день за днемъ, отъ восхода солнца до луны. Мы засыпаемъ около нашихъ раскаленныхъ орудій: къ намъ подходятъ и стаскиваютъ за ноги съ дороги, какъ мертвецовъ. Они занимаютъ наши мѣста, ждутъ, пока ночные туманы охладятъ раскаленную сталь, потомъ продолжаютъ нашу работу, прогоняя часы сновидѣній въ Аидъ.

ГЛАВА XXI.

Вокругъ Ласиньи.

Я имѣю лишь смутное представленіе о томъ, сколько дней продолжалось это жаркое сраженіе на западѣ. Въ воскресенье и понедѣльникъ обѣ арміи окопались въ топяхъ и болотахъ, найдя, такимъ образомъ, тамъ защиту отъ шрапнели орудій и отъ небесной шрапнели. Упорнѣйшая битва разыгралась въ деревушкѣ, находящейся между Мондидье и Нойономъ, по сосѣдству съ Ласиньи.

Ласиньи это — вѣрнѣе говоря, былъ, пока по нему не пролетѣлъ демонъ брани и не разрушилъ его совершенно — прелестное мѣстечко въ сердцѣ провинціи, выдѣлывающей сидръ. Ласиньи лежитъ въ лощинѣ и холмы окружаютъ его съ сѣвера и юга. Во время дурной погоды, наступившей въ концѣ недѣли, 19-го, 20-го и 21-го сентября, сюда явились германцы и прочно основались тутъ на все время непогоды. Они нашли тутъ большое количество сидра и сыра, оставленнаго перепуганнымъ населеніемъ, и проводили время здѣсь очень пріятно, чувствуя себя въ безопасности подъ защитой своихъ орудій на сѣверномъ холмѣ. Жители, охваченные паникой, бѣжали со всѣми своими пожитками, какія только могли захватить, на

югъ подъ защиту французской арміи. Другія деревушки по близости тоже были всѣ очищены и заняты или французами или германцами, но Ласиньи по какой-то причинѣ, которой я совершенно не могу понять, казалось, былъ мѣстомъ для всѣхъ наиболѣе желаннымъ. Ночью французы внезапно открыли по этой долинѣ губительный огонь и, сбѣжавъ съ холма подъ прикрытіемъ свистящихъ снарядовъ, застали непріятеля врасплохъ Тевтоны основательно наѣлись и напились — кувшинъ за кувшиномъ сидра, литръ за литромъ краснаго вина, того краснаго вина, любовь къ которому пруссакъ ставитъ выше своей любви къ женщинамъ. Многіе изъ нихъ были пьяны, но способныхъ сражаться въ темнотѣ и подъ дождемъ оказалось немного, и всѣ они вообще были очень осторожны при видѣ длиннаго французскаго штыка—прозваннаго „La Rosalie", — совершившаго въ эту войну не мало смертоносныхъ подвиговъ. На деревенской улицѣ произошелъ ужасный и ожесточенный бой въ рукопашную: но онъ продолжался не долго. Германцы бросились, засверкавъ пятками, къ своему холму, довольные уже тѣмъ, что имъ удалось вернуться подъ защиту собственныхъ орудій.

На слѣдующее утро роли перемѣнились. Германскія орудія очистили лѣсъ и принялись обстрѣливать деревушку. Кавалерія бросилась съ холма въ атаку и французы были отброшены. Вечеромъ — новая атака съ юга, еще болѣе кровавая работа съ участіемъ „La

Rosalie“, и снова деревушка была занята французами. Такъ продолжалась эта перепалка соперничающихъ армій съ того и съ другого холма: казалось, онѣ яростно бились объ закладъ о результатѣ слѣдующей схватки!

Деревушка превратилась въ бойню, улица была усѣяна мертвыми и умирающими, и если я скажу Вамъ, что за два дня въ полевые госпитали было доставлено 800 раненыхъ французовъ, что ежечасно на обѣихъ воюющихъ сторонахъ забирались и опять отбивались плѣнные, что кровавая сѣча продолжалась при солнцѣ и при лунѣ, въ дождь и громъ, то Вы получите нѣкоторое представленіе о побоищѣ, происходившемъ въ этомъ мѣстечкѣ. Какъ могло продолжаться сраженіе въ такую непогоду, часъ за часомъ, день за днемъ—непостижимо человѣческому уму . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Схватки на линіи между этой деревушкой и сосѣдней были самыми ожесточенными, какія только происходили гдѣ бы то ни было на всемъ протяженіи военныхъ операцій. Отдѣльные отряды обѣихъ сторонъ были расположены здѣсь настолько близко одни отъ другихъ, что солдаты обмѣнивались насмѣшками и переругивались подъ грохотъ пушекъ. Рукопашныя схватки вспыхивали ежеминутно.

Грязь повсюду была такой густой и липкой, что было совершенно невозможно передвинуть артиллерію на новыя позиціи.

Но циклисты обѣихъ сторонъ ухитрились проскользнуть между ливнемъ и острыми лезвіями молніи и между ними произошла жестокая стычка; а одинъ изъ французскихъ офицеровъ — блестящій кавалеристъ, искусство котораго въ верховой ѣздѣ удивило всю Европу на олимпійскихъ играхъ — разсказывалъ мнѣ, что когда онъ отправился на развѣдки, то ему удалось видѣть такіе подвиги штыка, сабли и винтовки, что ему вспомнились эпизоды изъ Иліады.

Одинъ французскій пѣхотинецъ, потерявшій аммуницію и отставшій отъ товарищей, отправился въ непогоду на розыски своей части и наткнулся на молодого германца, очень хорошо вооруженнаго, но тоже повидимому заблудившагося. Онъ сидѣлъ на срубленномъ бревнѣ, на краю дороги, этотъ молодой пруссакъ и уписывалъ за обѣ щеки что-то съѣстное изъ своего вздутаго ранца изъ красной бычьей кожи.

Француза, конечно, больше всего соблазнилъ ранецъ. Онъ бросился на германца и столкнулъ его въ грязь. Они начали кататься по землѣ, пустивъ въ ходъ кулаки, зубы и ноги. Въ концѣ концовъ верхъ въ этой дракѣ одержалъ французъ и объявилъ германца своимъ плѣнникомъ, но отпустилъ его на условіи выкупа въ видѣ ранца и его содержимаго. Въ ранцѣ, кромѣ обыкновенныхъ вещей, необходимыхъ для каждаго сол-

дата, оказалось немало очень странныхъ вещей, крайне удивившихъ французскаго солдатика, въ руки котораго досталось столь драгоцѣнное наслѣдство. Удивительныя вещи представляли изъ себя совсѣмъ новенькій безопасный приборъ для бритья, маленькое зеркальце въ серебряной оправѣ, флаконъ духовъ, приборъ для маникюра, полированную карманную щеточку и гребень. Французикъ, хотя и наивный, былъ тѣмъ не менѣе вѣжливъ, какъ всѣ французскіе солдаты. Онъ церемонно поклонился побѣжденному врагу.

— Mademoiselle, — сказалъ онъ, — я долженъ извиниться за мое обращеніе съ Вами. Я никакъ не подозрѣвалъ, что дрался съ дамой!

* * *

Въ схваткѣ, происшедшей между холмами вокругъ нѣсколькихъ „Courts“ — Тискуромъ, Эвркуромъ, Карнектокуромъ и Элинкуромъ — блестящая французская легкая кавалерія оказалась на высотѣ своего искусства. Германская конница сплоховала передъ этими лихими, стройными, молодыми головорѣзами: какъ только она завидѣла приближающихся кавалеристовъ, она постыдно бѣжала; французы пустились вдогонку; произошла стычка, изъ которой французы вышли побѣдителями и, сіяя гордостью, возвратились въ главныя квартиры позади Ласины; у каждаго француза было по германскому плѣнному и по лошади. Когда разсѣялись тучи и забрезжи-

ла надежда на улучшеніе погоды, французы кинулись во весь опоръ въ одинъ конецъ Элинкура, въ то время, какъ германцы удирали оттуда съ другого конца, оставивъ послѣ себя цѣлую колонію раненыхъ.

Успѣхъ теперь былъ вполнѣ опредѣленъ и весьма удовлетворителенъ. Лѣвое крыло союзниковъ тѣснило врага и тотъ медленно и мрачно отступалъ, отдавая каждый дюймъ земли послѣ долгаго сопротивленія. Уже много часовъ германцы удерживали очень выгодную для нихъ маленькую линію желѣзной дороги, идущую къ западу отъ Нойона. Они прилагали всѣ усилія, чтобы какъ можно выгоднѣе использовать эту линію, но съ одного изъ холмовъ, находившихся къ югу отъ полотна дороги французская артиллерія мастерскимъ огнемъ разрушила всѣ ихъ планы. Отступая, германцы заполнили длинные ряды платформъ военными припасами, орудіемъ и солдатами, но въ переполохѣ пустили поѣзда не туда, куда слѣдовало. Они успѣли отправить два или три поѣзда, прежде чѣмъ французскіе артиллеристы приняли участіе въ этой игрѣ. Затѣмъ на желѣзнодорожную линію посыпались снаряды, одинъ за другимъ. Одинъ паровозъ былъ разорванъ на куски вмѣстѣ съ тендеромъ, прежде даже чѣмъ они сдѣлали попытку подойти къ нему и прицѣпить его къ транспорту платформъ.

Медленно и непоколебимо двигались солдаты къ западу — и это было благомъ для насъ, но горькой пилюлей для германцевъ, которые, несмотря на получаемыя ими со-

лидныя подкрѣпленія, были шагъ за шагомъ тѣснимы назадъ. Въ каменоломняхъ на сѣверъ отъ Аттиши они нашли на время безопасное убѣжище въ естественныхъ крѣпостяхъ, которыя они, какъ только могли, защитили отъ дождя дверями, сорванными съ домовъ, и кровлями съ фермъ окружныхъ деревень. Сотни дверей были пущены въ ходъ для этихъ цѣлей. Онѣ были превращены въ кровли, „законопаченныя" торфомъ, верескомъ и листьями, собранными въ лѣсахъ; подъ ними-то и пріютилась германская пѣхота и забыла про всѣхъ и все.

Отъ каменоломни къ каменоломнѣ! Сюда по слѣдамъ германцевъ пришла западная армія съ тѣми же стратегическими планами, установила свои орудія между зіяющими пропастями и пригорками на одной сторонѣ холма лицомъ къ непріятелю и тутъ, сомкнувъ ряды, эти современные греки и троянцы начали палить другъ въ друга съ ожесточеніемъ, заставившимъ ихъ позабыть о смертельной опасности.

Эти нѣмыя позабытыя каменоломни никогда не слышали въ своихъ стѣнахъ такого ужаснаго грохота. Чья сторона одержитъ верхъ? Вотъ въ чемъ была загадка. Кто сможетъ дольше выдержать этотъ дьявольскій грохотъ безпрестаннаго артиллерійскаго огня? Усталые и измученные, съ налитыми кровью глазами, обострившіе до крайности свои переживанія и чувства и перешагнувшіе уже нормальную границу человѣческаго воспріятія вещей, эти люди—болѣе уже не люди, а

только машины, работавшія по чьему-то повелѣнію надъ разрушеніемъ жизней своихъ братьевъ—и въ мрачномъ ночномъ кошмарѣ продолжали заниматься этой чудовищной игрой съ тѣмъ же рвеніемъ, съ какимъ они отдавались кровавой утѣхѣ въ эти ужасные сѣрые дни.

Въ этомъ безпрерывномъ шипѣніи гранатъ было скрыто больше деморализаціи, чѣмъ смерти. Цѣлью обѣихъ воюющихъ сторонъ было вызвать какъ можно больше шума, нагнать на врага какъ можно больше ужаса. Отъ времени до времени изъ траншей выносили солдатъ, потерявшихъ всякое человѣческое подобіе. Многіе изъ нихъ сошли съ ума и несли всякую тарабарщину, подобно Фальстафу, на смертномъ одрѣ „болтавшему о зеленыхъ лугахъ"; другіе совершенно оглохли: въ ихъ глазахъ свѣтился дикій безысходный ужасъ, руки ихъ дрожали, они, какъ паралитики, еле волочили ноги при ходьбѣ—лица у нихъ были сѣры, а волосы бѣлы, какъ снѣгъ.

А раненые, раненые, которые не могли итти и ползли въ первое попавшееся имъ мало-мальски безопасное мѣсто; ползли со стонами, крича, проклиная, оставляя послѣ себя кровавыя пятна.

Мнѣ случилось разъ видѣть подстрѣленнаго кролика, ползшаго къ себѣ въ норку, волоча за собой раздробленную ногу,—ползшаго и визжавшаго. Такъ же ползли и визжали эти раненые солдаты, пока къ нимъ

не подходили люди съ носилками и не облегчали ихъ агоніи.

Цѣлый день процессіи мертвыхъ отправлялись на югъ, еще чаще приходилось видѣть двухъ солдатъ, несшихъ третьяго за ноги и за голову. Другихъ хоронили здѣсь же на линіи подъ дверями въ каменоломняхъ; и часто-часто во главѣ процессіи подвигался медленными шагами священникъ съ опущенной головой, заложивъ пальцемъ закрытый молитвенникъ, изъ котораго онъ только что читалъ молитвы.

Ахъ, эти сельскіе священники, эти служители Бога на боевой линіи! Какіе ужасы имъ приходилось видѣть: какія кровопролитныя зрѣлища запечатлѣлись въ ихъ спокойныхъ очахъ! Въ какой необычной обстановкѣ совершали они священнодѣйствія и какъ свято исполняли они свои обязанности! Они работали день и ночь у постелей раненыхъ, умирающихъ, умершихъ. Казалось, что они живутъ и двигаются, какъ во снѣ. Въ ихъ глазахъ застылъ ужасъ. Слова замерли на ихъ устахъ. Есть еще Богъ на небесахъ?

* * *

Вездѣ и всюду германцы хвастались деморализирующимъ дѣйствіемъ своего орудійнаго огня; они основали на немъ всѣ свои надежды; но одинъ за другимъ рушились ихъ воздушные замки. Они убѣдились, что французы, сражающіеся за славу ихъ доро-

гой родины, обладаютъ неукротимымъ геройскимъ духомъ и столь храбрыми сердцами, что ихъ не устрашитъ никакой ужасъ, какой извергали когда-либо стальныя дула Круппа.

Итакъ, до самаго конца этой дикой, головокружительной недѣли дѣла западной арміи обстояли блестяще. Среди каменоломенъ все еще раздавались шумъ, грохотъ и пальба; все еще на опустѣлыхъ деревенскихъ улицахъ происходили бои въ рукопашную, а дома безъ дверей изумленно созерцали эти ужасныя сцены; обитатели ихъ давно уже скрылись, а скотъ и домашняя птица въ испугѣ разбѣжались во всѣ стороны. Проходя по этимъ разоренным мѣстамъ, я былъ положительно растроганъ до слезъ, хотя одинъ Богъ знаетъ, что пришлось мнѣ видѣть за эти послѣднія кошмарныя недѣли; во всякомъ случаѣ достаточно ужасовъ, чтобы мое сердце превратилось въ камень, а источникъ моихъ слезъ изсякъ навсегда. Но все же я чувствовалъ себя въ совершенномъ уныніи. Стремительныя арміи, точно ураганъ, пронеслись по этой мѣстности. Остались только дымъ и пепелъ, какъ молчаливые очевидцы всѣхъ этихъ ужасовъ. Всѣ часы въ публичныхъ и частныхъ мѣстахъ остановились на различныхъ моментахъ дня или ночи. Время остановилось, притаивъ дыханіе...

Но теперь, когда опять свѣтитъ солнце и разошлись тучи, опять оживаютъ надежды съ наступленіемъ каждаго новаго дня. Ге-

нералъ X, каждое утро разъѣзжающій по району, находящемуся въ его вѣдѣніи, чтобы посмотрѣть, что происходитъ на полѣ брани, приноситъ съ собой увѣренностъ въ успѣхѣ. Его смѣлое, улыбающееся лицо придаетъ мужество войскамъ, когда онъ проносится мимо нихъ въ своемъ большомъ автомобилѣ... Началась слѣдующая недѣля войны, и началась для насъ весьма удачно; я же простился съ шумомъ брани и уѣхалъ отъ всего этого.

Черезъ нѣсколько часовъ въ сумеркахъ я возвращаюсь въ Бовэ. Тихій вечеръ и чудеснѣйшій заходъ солнца. Медленно умираетъ красное пламя, въ городѣ мерцаютъ огни, восходятъ одна за одной маленькія звѣздочки, и со стройной призрачной башни большого стариннаго собора звенятъ вечерніе колокола, нѣжно и мягко, призывая вѣрующихъ христіанъ къ молитвѣ и покою.

ГЛАВА XXII.

Военнопл҃ѣнный.

Большое обходное движеніе западной арміи—причемъ разрушенная гранатами деревушка Ласиньи послужила отправной точкой для этого сраженія,—казалось, будетъ продолжаться до безконечности. Когда я оставилъ площадь военныхъ операцій, то оказалось, что къ концу недѣли Ласиньи около дюжины разъ бралась и вновь отбивалась, днемъ и ночью, подъ скрежетъ гранатъ, визгъ шрапнели и удары штыковъ. Деревушка была окружена и залита кровью; обѣ арміи по очереди въ нее ломились въ тщетныхъ попыткахъ прочно занять ее. Здѣсь воистину заканчивался поворотный пунктъ этой битвы, ожесточеннѣйшей изо всѣхъ битвъ міровой исторіи. Фонъ-Клукъ болѣе уже не хвастался непобѣдимой силой германскаго оружія, но еще не выпускалъ своихъ острыхъ когтей изъ каменоломенъ, отказываясь трогаться съ мѣста, хотя вокругъ него лежали груды мертвыхъ тѣлъ.

Спокойствіе, царившее въ Бовэ, давало время для размышленій; только слабое эхо международнаго конфликта долетало до этого тихаго городка. Мой коллега и я (если это и не безопаснѣе, то все-таки пріятнѣе—ра-

ботать вдвоемъ въ такія смутныя времена), сидя въ одно прекрасное солнечное утро на ступеняхъ здѣшняго собора, держали военный совѣтъ, разрабатывали наши планы и затѣмъ пустились по сонному старому городу въ поиски автомобиля, который могъ бы доставить насъ на передовыя позиціи. Ахъ, эти поиски могли довести до самоубійства...

Мы исколесили всю мѣстность и, наконецъ, все-таки нашли единственный автомобиль. оставшійся на мѣстѣ. Онъ принадлежалъ мѣстному подрядчику. Но мы все-таки его взяли, какъ и шоффера, самаго храбраго шоффера, который когда-либо занимался этимъ ремесломъ, — красиваго испанца, по имени Морисъ. Его номеръ, какъ и его автомобиль, казалось, предвѣщали несчастье. Это былъ № 13, помѣщенный въ золотомъ кружкѣ и болтавшійся на цѣпочкѣ отъ часовъ.

Но все-таки мы начали путешествіе удачно. Къ нашему изумленію, военный комендантъ города былъ чрезвычайно любезенъ и обязателенъ. Онъ выдалъ намъ нужный пропускъ на право проѣзда черезъ лѣса и плантаціи по направленію къ X, и мы отправились въ путь, пригрѣваемые солнцемъ. На всемъ лежало, какъ благословеніе, тишина: сюда не доносилось палящее дыханіе войны. Пѣли птицы.

— Мы, кажется, поѣхали не по той дорогѣ, — сказалъ я, когда мы загнули за уголъ просѣки и наткнулись прямо на нее —

на молчаливую армію, сурово двигавшуюся по дорогѣ, медленно приближаясь къ полю битвы; надъ головами воиновъ, почти невидимый на страшной высотѣ, парилъ остроглазый ястребъ войны—аэропланъ. А еще черезъ нѣсколько минутъ, когда мы взбирались на холмъ, до насъ донесся знакомый звукъ, какъ бы выколачиванія ковровъ, хлопанья плотно закрываемой двери...

Впереди передъ нами, на другомъ холмѣ, былъ расположенъ маленькій городокъ, обнесенный стѣною и валами; городокъ спокойно курился, согрѣтый лучами утренняго солнца; дорога была свободной и гладкой...

— Ага!—закричалъ Морисъ и развилъ большую скорость. Мы помчались вдаль по дорогѣ. Вдругъ впереди насъ на дорогу выскочилъ солдатъ, размахивая штыкомъ и выдѣлывая въ клубахъ пыли какія то дьявольскія па. Потомъ другой, третій...

— Тише, тише, Морисъ!—завопилъ я, наклонившись къ самому его уху; Морисъ повиновался и какъ разъ во время. Первый солдатъ со штыкомъ бросился къ нашему автомобилю. Я показалъ ему пропускъ, выданный военнымъ комендантомъ, и сказалъ ему, куда мы направляемся.

— Англичане!—удивился часовой и съ любезной улыбкой горячо пожалъ намъ руки.—Поѣзжайте вотъ этой дорогой! Онъ направилъ насъ въ городъ, указывая дорогу блестящей сталью „la Rosalie"; и мы въ блаженномъ невѣдѣніи помчались прямо въ объятія—да это чуть-чуть такъ и не слу-

чилось—смерти. Подъ штабъ расквартированныхъ въ городѣ войскъ былъ занятъ большой заводъ и когда мы въѣзжали въ широкій дворъ, навстрѣчу намъ выѣхала великолѣпная кавалькада стрѣлковъ.

Мы выждали, пока они проѣхали, а потомъ быстро помчались къ центру большого квадратнаго двора, гдѣ стоялъ великій генералъ N, окруженный своимъ штабомъ, — всѣ въ изящныхъ живописныхъ формахъ разныхъ родовъ оружія. Издали они походили на картинку или на игрушечныхъ солдатиковъ больше, чѣмъ на живыя существа. А между тѣмъ, мало было бы сказать, что это были живыя существа: это были испытанные воины и умные полководцы.

Было бы слишкомъ неточно и неясно — сказать, что они удивились, увидѣвъ насъ, или что мы удивились при видѣ ихъ. Мы просто онѣмѣли отъ изумленія. Но прежде, чѣмъ мы успѣли обмѣняться поклонами — бстрыми военными поклонами, — мы всѣ трое были отозваны необычайно любезнымъ жандармскимъ капитаномъ, проведены въ какое-то помѣщеніе, обысканы; наши бумаги отъ насъ отобраны. а сами мы были помѣщены въ холодный уголъ токарной мастерской, со строгимъ наказомъ не выглядывать въ окно, даже если бы небо обрушилось на землю. Автомобиль подрядчика изъ Бовэ со всѣми принадлежностями и нашимъ багажемъ былъ увезенъ куда-то; когда онъ скрылся за угломъ, Морисъ началъ въ полномъ отчаяніи ломать руки. Онъ уже не надѣялся

когда-либо увидѣть его вновь. Мы тоже на это не разсчитывали.

Нашъ вѣжливый капитанъ тоже пропалъ, и мы сидѣли здѣсь, часъ за часомъ, тоскливо поглядывая другъ на друга и раздумывая, что съ нами будутъ дѣлать.

Изъ съѣстныхъ припасовъ, которые находились у насъ въ арестованномъ автомобилѣ, я успѣлъ спасти одну штуку сыра Камамберъ, незамѣтно сунувъ его въ карманъ пальто. Мой коллега, пренебрегавшій такими пустяками, не успѣлъ припрятать ничего. Впрочемъ, черезъ нѣкоторое время явился капитанъ съ пріятной новостью, что генералъ разрѣшилъ намъ подъ конвоемъ нѣсколькихъ штыковъ сходить въ деревенскій трактиръ пообѣдать.

— Желаю Вамъ пріятнаго аппетита, господа,—сказалъ онъ.

Мы спустились по деревенской улицѣ, при блескѣ вечерняго солнца, подъ любопытными взглядами жителей, окруженные примкнутыми штыками конвойныхъ, блиставшими передъ нашими глазами. Мы потребовали самый тонкій обѣдъ, какой только можно было получить въ этомъ маленькомъ трактирѣ: и мы его получили, и даже пригласили нашихъ конвойныхъ принять въ немъ участіе. Они съ восхищеніемъ приняли наше приглашеніе, а когда подъ конецъ на столъ появились черный кофе и коньякъ, они поклялись намъ въ вѣчной дружбѣ. Они мало говорили, но гоготали непрерывно. Все

еще хихикая, они отвели насъ обратно въ нашу импровизированную тюрьму.

Мы уже пришли въ мрачное настроеніе въ ожиданіи неудобной ночи на токарныхъ станкахъ, когда отъ милаго генерала X пришло другое пріятное извѣстіе: „Господа, Вамъ разрѣшается ночевать въ гостинницѣ подъ стражей. Кромѣ того, Вы можете захватить съ собой Ваше ночное бѣлье, а также и Ваши зубныя щетки"!

Это было рѣдкое зрѣлище даже для веселой Франціи. Два грустныхъ плѣнника маршировали на ночевку въ трактиръ, съ каждой стороны шло по часовому, у которыхъ въ одной загорѣлой рукѣ было ружье со штыкомъ, а въ другой—пара развѣвающихся принадлежностей мужскаго туалета. Ночной костюмъ моего коллеги представлялъ изъ себя очаровательное сочетаніе ярко-голубого цвѣта съ бѣлыми полосками... Все городское населеніе хохотало, когда мы проходили мимо...

Если бы я захотѣлъ, я могъ бы легко удрать изъ своей темницы, такъ какъ окно въ моей спальнѣ было низко, а подъ нимъ находилась высокая куча всякаго мусора, такъ что прыжокъ отнюдь не могъ быть опасенъ. Это было легко—слишкомъ легко. Я вспомнилъ о подвигахъ Тома Сойера и Гэкльбери Финна. Къ тому же я страшно усталъ. Итакъ, я задулъ свѣчу и забрался въ постель, въ мягкую перинную постель,— послѣдняя мысль была, что меня, военно-

плѣннаго, быть можетъ, завтра утромъ разстрѣляютъ!

Мы спали крѣпко, какъ быть можетъ и наши часовые, лежавшіе въ узкомъ корридорѣ спиной къ нашимъ дверямъ.

На разсвѣтѣ мы потащились въ нашу тюрьму: опять придется провести цѣлый день посреди токарныхъ станковъ и наждачныхъ колесъ! На скамейкѣ, вдоль которой я растянулся, была сложена цѣлая уйма напильниковъ; ожиданіе было такъ удручающе, что я пожелалъ имѣть на себѣ оковы и путы, чтобы быть еще тѣснѣе прикованнымъ къ моей темницѣ. Тутъ было достаточно напильниковъ, чтобы освободить отъ оковъ дюжину самыхъ лютыхъ разбойниковъ. Но напильники безъ оковъ — глупо!

Въ этотъ вечеръ нашъ обѣдъ былъ особенно веселъ; теперь, когда я такъ далекъ отъ всего этого, я съ трудомъ вѣрю, что могло произойти все то, что произошло: настолько все это было страннымъ. Прилетѣли огромныя птицы и привезли съ собой веселую маленькую команду воздушныхъ развѣдчиковъ съ горящими смѣлыми глазами. Первый - Гарро, тотъ волшебникъ небесъ, который чуть-чуть не погибъ въ воздушномъ поединкѣ съ непріятельскимъ аэропланомъ. Онъ явился, громко напѣвая. Его спутанные волосы были влажны отъ вечерней росы. Ленточка Почетнаго Легіона топорщилась на его груди; лицо его было въ пыли и маслѣ. Въ одной рукѣ онъ держалъ живого фазана.

— Гдѣ Вы его поймали?—спросилъ я— въ воздухѣ?

— Нѣтъ, m'sieur, въ лѣсу. „La faisan en main vaut mieux que l'oie qui vole"! *) И онъ разсмѣялся совсѣмъ мальчишескимъ смѣхомъ.

— Madame, — обратился онъ къ нашей хозяйкѣ.—Я представляю Вамъ моего небеснаго коллегу. У меня не хватаетъ духу свернуть его прекрасную шейку, но мнѣ очень хочется имѣть его на завтракъ къ завтрашнему дню. Пожалуйста, согласны ли Вы это сдѣлать,—только внѣ поля моего зрѣнія и слуха, если Вы хоть немножко меня любите!

— Monsieur, все будетъ исполнено. И все было исполнено.

Второй былъ знаменитый теноръ Парижской Оперы, очаровавшій лондонцевъ своимъ сладкимъ голосомъ, когда Гаммерштейнъ держалъ антрепризу въ величественномъ зданіи на Кингсвэй. Онъ восхитительно пропѣлъ намъ изъ „Богемы", „Тоски", „Фауста"— въ солдатскомъ мундирѣ, разстегнутомъ на груди, трепетавшій въ унисонъ его пѣнію.

Дребезжали оконныя рамы отъ пушечнаго грохота въ нѣсколькихъ миляхъ отъ насъ. Нашъ милый пѣвецъ запѣлъ:

„О, позволь, ангелъ мой на Тебя взглянуть„...

Гарро, бренчавшій на піанино однимъ пальцемъ, неожиданно повернулся на стулѣ.

---

*) Соотвѣтствуетъ русской пословицѣ: «Синица въ рукахъ лучше, чѣмъ журавль въ небѣ».

— Спой намъ,—сказалъ онъ тенору, — „Солдатскій Хоръ“.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ его пріятель, улыбнувшись.—Тутъ этого не нужно; солдаты сами могутъ намъ его спѣть. Пойдемте, друзья, послушаемъ!

Онъ подошелъ къ окну и распахнулъ его. Мы высунулись изъ него,—англійскіе плѣнники и французскіе солдаты, и при свѣтѣ звѣздъ прислушивались къ музыкѣ войны, грохотавшей за холмомъ, лишь изрѣдка обмѣниваясь тихими словами...

И въ постеляхъ, сплетаясь съ нашими тревожными снами, она слышалась намъ, какъ и днемъ...

* * *

Я не могу не упомянуть о томъ, что моя маленькая коробочка Камамбера провела ночь на подоконникѣ. Тутъ я ее и забылъ; но когда мы на слѣдующее утро возвращались обратно въ заточеніе, наша милая хозяйка погналась за нами по дорогѣ.

— M'sieur, Вашъ Камамберъ! — сказала она, и я снова сунулъ его къ себѣ въ карманъ.

Мы уже раздумывали, увидимъ ли мы когда-нибудь нашу родину и наши семейные очаги, когда къ намъ опять явился нашъ любезный капитанъ съ самой радостной изо всѣхъ радостныхъ новостей. Британскій штабный офицеръ явился сюда, чтобы расслѣдовать наше дѣло—онъ уже здѣсь!

— Генералъ очень сожалѣетъ, messieurs, что ему пришлось такъ долго задержать Васъ здѣсь. Ваше дѣло было серьезнымъ, потому что Вы были захвачены въ запрещенной зонѣ военныхъ дѣйствій. Но такъ какъ Вы англичане,—а теперь мы братья (онъ улыбнулся веселой „братской“ улыбкой), сражающіеся за честь и славу Англіи и Франціи—то генералъ сказалъ, что мы должны во что бы то ни стало найти британскаго офицера, чтобы тотъ рѣшилъ дѣло. Мы искали долго и далеко. Я счастливъ, что могу сказать Вамъ, что наши поиски оказались успѣшными. Господа, майоръ Томсонъ; маіоръ Томсонъ, господа...

Какое было счастье вновь увидѣть сѣро-зеленое хаки среди всѣхъ этихъ синихъ и красныхъ мундировъ; какое счастье было услышать пріятный голосъ соотечественника, произносящій строгій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и добродушный выговоръ.

Мы опять были свободны. Нашъ конфискованный автомобиль, нашъ багажъ—даже полосатая пижама моего дорогого коллеги—были намъ вручены обратно. Морисъ, вытирая слезы, круто повернулъ рукоятку мотора и вскочилъ на свое мѣсто. Мы отъѣхали! Мы проѣхали мимо ряда дружески улыбавшихся солдатъ; благополучно пронеслись черезъ широкія ворота... Сзади раздался крикъ —часовой— одинъ изъ нашихъ гостей на обѣдѣ въ гостинницѣ—бѣжалъ за нами, крича и кивая.

— Тише, Морисъ, тише!

Мы задрожали. Что означала эта картина? Неужели опять возвращаться въ наше заточенiе? Ахъ!

Мы яростно затормозили моторъ.

Конвойный подбѣжалъ, задыхаясь: поклонился съ достоинствомъ императора и вручилъ мнѣ аккуратно завернутый, маленькiй круглый пакетъ.

— Monsieur,—сказалъ онъ,—Вашъ Камамберъ!

Послѣсловіе.

Теперь, на время, я покидаю грозный театръ войны. Не надолго, быть можетъ: ибо, когда раздастся зовъ, онъ раздается съ такой непреодолимой силой, противостоять которой невозможно. Когда я писалъ эти послѣднія строки, великій фронтъ сраженій растянулся до береговъ Сѣвернаго Моря; гранаты разрываются надъ прекраснымъ Антверпеномъ, друзья и враги еще упорно и безъ устали сражаются среди каменоломенъ и поперекъ лѣса и долины по сосѣдству съ моей темницей, по близости отъ Ласиньи. Исходъ всего этого вполнѣ опредѣлененъ: въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но какъ долго все это продлится, объ этомъ знаетъ лишь одинъ Богъ.

Но то, что знаемъ мы—вѣрно и великолѣпно. Мужество союзныхъ войскъ безпредѣльно и изумительно. Братья по оружію, братья по несчастью, братья въ побѣдѣ они сражаются съ вдохновенной храбростью. И посреди всего этого—Томми, нашъ славный Томми, загорѣлый, закаленный, измокшій и запыленный, поддерживающій въ своихъ товарищахъ высокое мужество, когда быстрые,

молчаливые транспорты перебрасываютъ его на берега Франціи, чтобы онъ и тамъ исполнилъ свой „очередный номеръ“ въ международномъ циркѣ. Онъ все поетъ, мужественный и торжествующій, ту же старую пѣсенку съ тѣмъ же старымъ припѣвомъ:

It's a long way to Tipperary;
It's a long way to go!

Цѣна 1 руб.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петрограда и Москвы.

